

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Христина Турьинская

Этнографическое музееведение в России
в конце XIX – начале XX в.

Москва
2008

Ответственный редактор:

доктор исторических наук К.П. Калиновская

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н.Н. Чевтайкина
кандидат исторических наук Ю.И. Зверева

Туринская Х.М. Этнографическое музееведение в России
в конце XIX – начале XX в. М.: ИЭА РАН, 2008. – 313 с.

Предлагаемая книга – историографическое исследование, посвященное этнографическому муциальному делу и этнографическому музееведению в России в конце XIX – начале XX в. На материалах этнографических журналов и других источников рассматриваются этнографическая деятельность центральных и региональных музеев, развитие этнографического музееведения в контексте истории этнографической науки и музеиного дела указанного периода.

Для этнографов, музееведов, историков, культурологов и всех интересующихся историей отечественной науки и культуры.

ISBN 5-201-00857-7

©Институт этнологии и антропологии РАН, 2008
©Х.М. Туринская, 2008
©Е.В. Орлова – художественное оформление, 2008

Введение

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой историографическое исследование развития этнографического музыльного дела и музееведения в России в конце XIX – начале XX в. Подобные исследования являются частью всестороннего и углубленного изучения истории отечественной этнографической науки и музыльного дела в области этнографии народов России и зарубежных стран.

Период конца XIX – начала XX в. является важным этапом в истории этнографической науки и музеев в России, во многом определившим направления развития этих общественных и культурных институтов в нашей стране в последующие годы. Значительный интерес представляют изучение внутренних и внешних факторов развития науки и музыльного дела, выявление и анализ взаимосвязей между музеями и наукой, научным сообществом, научной периодикой, исследование этих институтов в контексте политической, экономической, социальной ситуации в стране в определенный исторический период, изучение взаимосвязей науки и музеев с культурой и бытом, идеологией, интеллектуальными течениями, общественным сознанием и общественными движениями, влияния государственной политики на этнографию и музыльное дело.

В конце XIX – начале XX в. в России приоритетом государственной власти являлся курс на стабилизацию общества и экономическую модернизацию. Вместе с тем этот период характеризовался нарастанием внутри- и внешнеполитических, социальных, национальных противоречий, приведшим к войнам и революциям. История науки и культуры в полной мере отражает это сложное и драматичное время в российской истории.

К концу XIX в. сложилась организационная структура науки, включавшая научные учреждения и организации,

научные кадры, а также научную периодику как средство научной коммуникации.

Характерной чертой усилившегося научно-общественного движения и его результатом являлись расширение научной деятельности, развитие родноведения (краеведения), рост по всей стране числа научных обществ и музеев различного профиля, в частности, музеев местного края (краеведческих), которые становились не только культурно-просветительными, но и научно-исследовательскими учреждениями.

В XIX в. шел процесс дифференциации научных дисциплин. К концу столетия этнография в России оформилась как самостоятельная наука, находя свое место в ряду естественных и гуманитарных дисциплин. В конце XIX – начале XX в. научные учреждения и организации, кадры этнографов, этнографические музеи и этнографические отделы и коллекции региональных музеев, этнографическая периодика составляли тесно связанные элементы организационной структуры этнографической науки. Этнографические журналы отражали работу научных институтов и представителей научного сообщества, идеальный мир ученых. Периодику можно назвать одним из основных нервов и продуктов научной деятельности. В то же время она являлась фактом и явлением культуры, важным звеном, не только объединяющим ученых между собой, но и связывающим их с широкой общественностью. Научная периодическая печать представляет большую источниковедческую и историографическую ценность.

При этом, в отсутствие в изучаемое время в России специализированных музейных периодических изданий, в этнографической периодике получали отражение, помимо собственно научных проблем, также теоретические и практические вопросы работы не только этнографических музеев, но и музеев другого профиля. Этнографическая периодическая печать представляет собой один из основных историографических источников, в которых отразилось

развитие этнографического музейного дела и этнографического музееведения в контексте развития этнографии и музееведения в России в конце XIX – начале XX в.

Этнографическим музеям принадлежала основная роль в сборе, регистрации, хранении, систематизации, изучении, экспонировании, публикации, популяризации вещественных источников этнографических исследований. Этнографические музеи, этнографические коллекции и отделы местных музеев являлись вещественной базой этнографии. Этнографами разрабатывались теоретические и практические вопросы изучения культуры и быта народов России и зарубежных стран. Результаты этнографических исследований находили отражение в музеях. Музейные коллекции становились не только воплощением и итогом полевой работы, которая велась учеными под влиянием сложившихся в науке и разделяемых ими теорий и концепций, но и важным источником для научных исследований. Теоретические основы этнографического музейного дела и практика работы этнографических музеев соответствовали уровню развития этнографической науки и музееведения.

Большое значение имеют также выявление роли личности в истории науки и музейного дела, исследование процесса формирования научного и музейного сообщества, идейного наследия этнографов-музееведов, научной и музейной деятельности таких ученых, как В.Ф. Миллер, Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, В.И. Ламанский, В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, Н.М. Могилянский, Д.А. Клеменц, Л.Я. Штернберг, А.А. Шахматов, Н.Н. Харузин, В.Н. Харузина, А.Н. Максимов, Н.А. Янчук, В.В. Богданов, Д.К. Зеленин, Б.Ф. Адлер и других. Особое значение имеет изучение истории и проблем отечественного этнографического музейного дела в контексте общих тенденций развития науки, музейного дела и музееведения, включая взаимосвязи с зарубежной наукой и музееведением.

Углубленное исследование теории и практики отечественного этнографического музейного дела и науки конца XIX – начала XX в. позволяет ярче осветить вопросы истории российских музеев. Речь идет, прежде всего, о центральных и крупнейших специализированных этнографических музеях России. Музей антропологии и этнографии (МАЭ) Академии наук был организован в 1879 г. Его история восходит к Кунсткамере, первому в России естественно-научному, историческому и художественному музею, основанному императором Петром I в Петербурге в 1714 г. Российский этнографический музей (РЭМ) был основан в 1902 г. в Петербурге как Этнографический отдел Русского музея (ЭОРМ) императора Александра III. С 1934 г. он преобразован в самостоятельный музей – Государственный музей этнографии (ГМЭ), в 1948 г. получил наименование Государственный музей народов СССР, с 1992 г. носит нынешнее название – Российский этнографический музей. В Москве на основе коллекций Этнографического отделения Румянцевского музея в 1924 г. был создан Центральный музей народоведения (ЦМН), с 1935 г. называвшийся Государственным музеем народов СССР. В 1948 г. после закрытия музея основная часть его вещевого собрания поступила в Ленинград в собрание ГМЭ.

Для истории науки и культуры немаловажную ценность представляет изучение истории этнографических коллекций музеев иного профиля и, в целом, этнографической музейной деятельности и музейной мысли в столицах и в регионах. Детальное рассмотрение проблематики этнографического музейного дела в контексте общих процессов в науке и музейном деле России конца XIX – начала XX в. позволяет осмыслить дальнейшую историю науки и музеев в нашей стране, представить историю центральных и региональных музеев и коллекций на протяжении XX – начала XXI в. и их современное состояние.

* * *

Литература по истории этнографического музееведения и музейного дела в России конца XIX – начала XX в. довольно обширна, и ее следует рассматривать с учетом работ, охватывающих историю науки, культуры, музейной этнографии вплоть до настоящего времени. В ряде исследований эта проблематика рассматривается комплексно.

С рубежа 1910–1920-х годов появляются работы, посвященные оценке предшествующего этапа развития отечественного музейного дела¹. В послереволюционных публикациях прежний, дореволюционный период музейного дела противопоставлялся текущему новому этапу культуры и науки в советском государстве, обращалось внимание на связь музеев с краеведческим движением в стране, освещалась история и текущая работа этнографических музеев. В литературе советского периода часто высказывались негативные характеристики состояния и уровня развития науки и музейного дела дооктябрьской эпохи, опыт научного и музейного строительства недооценивался, история науки и музеев представляла обезличенной, умалялись заслуги отечественных ученых и музейных деятелей в дореволюционный период.

В послевоенные годы выходили «Очерки истории музейного дела в России» и «Очерки истории музейного дела в СССР» (7 выпусков. М., 1957–1971) и другие издания Научно-исследовательского института музееведения (с 1968 г. – НИИ культуры, с 1992 г. – Российский институт культурологии), содержащие статьи по истории музеев разного профиля в дореволюционное и советское время². Следует указать также на ряд крупных обобщающих трудов по истории отечественных музеев и музееведческой мысли, характеризующих музейный мир России в прошлом и настоящем, которые подготовлены за последнее время сотрудниками Российского института культурологии, являющегося в нашей стране научно-

исследовательским и научно-методическим центром в области музееведения³.

Необходимо отметить исследования Т.В. Станюкович, в которых представлена история этнографических музеев в русле развития отечественной этнографической науки в XVIII–XX вв.⁴ В монографии «Этнографическая наука и музеи» Т.В. Станюкович рассмотрела историю этнографической науки и музейного дела в России в целом и этнографических музеев в частности в связи с историей Кунсткамеры и основанных на ее базе Этнографического и Анатомического музеев Академии наук (1836), а затем Музея антропологии и этнографии. Период истории МАЭ с 1879 по 1917 гг. представлен автором как новый, более высокий, по сравнению с предыдущим, этап развития этнографической науки, который нашел отражение во всех сферах научной, организационной, популяризаторской работы музея. Развитие МАЭ после 1917 г. в труде Т.В. Станюкович рассматривается в русле истории советской этнографической науки.

В монографии С.А. Токарева по истории отечественной этнографической науки годы с 1890 по 1917 – эпоха империализма и революционного рабочего движения – выделены как последний этап дореволюционной русской этнографии, при этом справедливо замечено, что резких граней между периодами развития науки не было. История этнографии, по С.А. Токареву, составляя часть общего процесса научной жизни и культуры в целом, является производной от социально-экономического и политического развития страны. Вместе с тем, в истории идей действуют и свои собственные закономерности. Усиление научного и общественного интереса к народному быту, материальной культуре, развитие стационарно-краеведческих и экспедиционных исследований, появление и рост числа этнографических музеев, этнографических периодических и серийных изданий автор указал среди характерных черт этого времени. В частности,

усиление деятельности этнографических музеев и начало издания специальных этнографических журналов с 1890-х годов С.А. Токарев обоснованно считал показателями роста этнографической науки и повышения общественного интереса к ней⁵.

Значительную важность представляют работы С.А. Токарева, Ю.В. Бромлея, Г.Е. Маркова, К.В. Чистова, относящиеся к более позднему времени, затрагивающие историю русской и зарубежной этнографии⁶. В разные годы появлялись труды, посвященные вопросам организации отечественной науки⁷, истории научной интеллигенции⁸, научной, художественной и другой периодики XIX – начала XX в.⁹ В ряде статей рассматривалась история этнографической периодической печати¹⁰. Изучалась работа научных обществ, проводивших этнографические исследования и активно участвовавших в создании и развитии этнографических музеев, – Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете и Императорского Русского Географического общества (ИРГО) и его региональных отделов¹¹. В статье Р.С. Липец и Т.С. Макашиной рассказывается о разных сторонах деятельности ОЛЕАЭ, в частности в области музеиного дела и по изданию «Этнографического обозрения»¹². В монографиях Т.Д. Соловей по истории отечественной этнологии затрагивается важный период в развитии науки – рубеж XIX–XX вв., рассматриваются система организации этнологии и функционирование периодики и музеев в структуре науки¹³.

В последние годы заметно возрос интерес авторов к исследованию вклада ученых и музейных деятелей в отечественную науку и культуру конца XIX – начала XX в.¹⁴ Имеются публикации по различным проблемам этнографической науки и музееведения¹⁵, по истории

отдельных этнографических музеев, коллекций, выставок, этнографических собраний некоторых региональных музеев¹⁶.

Следует отметить труды И.И. Шангиной в области этнографического музееведения. Исследовав историю формирования коллекций по этнографии русского народа в этнографических музеях Москвы и Петербурга, она охарактеризовала разработанные музейными деятелями концепции комплектования, которые были положены в основу собирательской работы. В работах И.И. Шангиной получила отражение неразрывная связь деятельности этнографических музеев с развитием этнографической науки во второй половине XIX – первой трети XX в.¹⁷

В изданиях МАЭ РАН – этнографического научного и музейного центра в нашей стране получают освещение вопросы истории науки и собраний музея¹⁸, музееведения¹⁹. Характеристика коллекционного собрания, различных сторон работы РЭМ с момента его основания, сведения об участии большого числа ученых, музейных деятелей, представителей широких кругов российского общества в деле его развития содержатся в юбилейном издании к столетию этого крупнейшего в России этнографического музея и центра этнографического музееведения²⁰.

Историографический обзор был бы неполон без упоминания о значительных ресурсах в Интернете по теме «этнографическое музееведение». Информация по истории науки и музейного дела представлена на сайтах музеев, научных учреждений и организаций и др.²¹

* * *

В изучении вопросов истории этнографического музейного дела и этнографического музееведения в России конца XIX – начала XX в. остаются лакуны. В частности, периодическая печать как источник по истории этнографии и музейного дела изучена недостаточно. Между тем, столичные и провинциальные журналы и газеты являются ценнейшим

кладезем сведений по истории русской науки и культуры. Необходимы выявление, исследование, научная оценка, введение в научный оборот этих материалов, что может существенно дополнить имеющиеся знания по истории этнографической музейной теории и практики, истории музеиного дела, науки, научной и общественной мысли, культуры в нашей стране.

До сих пор исследования российских научных этнографических периодических изданий конца XIX – начала XX в. как источника по истории этнографического музейного дела не проводилось. Выбор автором в качестве основных источников специальных этнографических журналов конца XIX – начала XX в. – «Этнографического обозрения» (Москва, 1889–1916) и «Живой старины» (Санкт-Петербург – Петроград, 1890–1916) объясняется тем, что они концентрируют значительный по объему, тематическому и территориальному охвату материал, затрагивающий основные факты, явления, проблемы истории отечественной этнографической науки, этнографического музейного дела и этнографического музееведения. Вместе с тем, эти издания позволяют представить развитие этнографических музеев в контексте истории музеиного дела и на фоне истории науки и культуры в России.

Хронологические рамки исследования ограничиваются концом XIX – началом XX в. Этот период, примерно 1890–1910-е годы, представляет собой определенный этап в развитии этнографии, музейного дела и этнографической периодики в России. Развивалась организационная структура отечественной этнографической науки. При сохранении научного интереса ко всем народам мира первостепенное внимание ученых привлекала этнография народов России. Значительно возрос интерес этнографов к материальной культуре отечественных народов (поселения и постройки, одежда, утварь, сельскохозяйственные орудия, промыслы и т.д.). Получили

развитие прежние направления этнографических исследований – изучение общественных и семейных отношений, верований, народной словесности. В среде этнографов, на научных съездах обсуждались планы объединения деятельности этнографов в масштабе страны, выявила потребность в определении предмета и задач этнографии, велись теоретические дискуссии. Возрос научный и общественный интерес к народному быту, крестьянской теме²².

В этот период в России значительно увеличилось число музеев разного профиля, совершенствовалась их деятельность как научных и просветительских учреждений. Активизировалась работа ранее существовавших этнографических музеев, основывались новые этнографические музеи, образовывались этнографические собрания и отделы в местных музеях. Складывался научный подход к формированию и использованию этнографических коллекций. Развитие этнографического музейного дела было тесно связано с ростом активности этнографов в изучении отечественных и зарубежных народов. В данный период наметились основные направления музейного дела, получившие развитие в послереволюционное время, музеи приобрели статус культурной нормы, музейное дело стало особой формой культурной деятельности. Началась разработка основных понятий музееведения²³. В среде музейных деятелей шли объединительные процессы, обсуждалась необходимость упорядочения музейной работы в стране.

С 1889–1890 по 1916 гг. издавались первые отечественные научные этнографические журналы, носившие также музееvedческий характер – «Этнографическое обозрение» и «Живая старина». Публикации на страницах этих изданий отразили основные вехи истории этнографии в России. Само появление специальной этнографической периодики было вызвано новым уровнем развития науки. Происходил количественный и качественный рост этнографических

исследований разных сторон культуры отечественных и зарубежных народов. С организацией таких журналов, как «Этнографическое обозрение» и «Живая старина», расширялась возможность публикации научных материалов и стимулировалось развитие этнографии. Количественные и качественные изменения в этнографическом музейном деле, формирование этнографического музееведения как научной дисциплины также получили отражение в этнографической периодике.

В конце XIX – начале XX в. появились и другие периодические издания научного и музееведческого направления (например, «Старые годы», Санкт-Петербург – Петроград, 1907–1916). Указанный период в среде представителей этнографической науки и музейного дела ознаменовался осознанием необходимости обобщения теории и практики, определения итогов и перспектив этнографической научной и музейной деятельности в России, проведения ряда организационных мер, направленных на их развитие. Этот процесс получил отражение в историографических источниках изучаемого периода. В целях более полного раскрытия темы исследования автором привлекались материалы, относящиеся к более раннему и более позднему времени, которые отражают предысторию отдельных фактов и явлений и позволяют обозначить тенденции их развития.

Целью данного исследования является изучение истории этнографического музейного дела и этнографического музееведения в России в конце XIX – начале XX в. через призму публикаций в этнографической периодической печати указанного периода. В работе представлен обзор материалов по истории этнографического музейного дела, опубликованных в российской этнографической периодической печати конца XIX – начала XX в.; анализируются темы, проблемы, теоретические и практические вопросы этнографического музейного дела, затронутые в материалах источников; рассматриваются

вопросы истории музейной этнографии в связи с историей этнографической науки и в контексте развития музеевого дела в России в изучаемый период. Историко-системный подход, применяемый в исследовании, позволяет представить историю этнографического музеевого дела и музееведения в русле истории науки и музеевого дела, тесно связанных с экономическим, социальным, культурным развитием страны на определенном историческом этапе.

В качестве основных источников исследования выступают материалы научных этнографических периодических изданий «Этнографическое обозрение» («ЭО») и «Живая старина» («ЖС»). Эти журналы представляют собой печатные органы, соответственно, Этнографического отдела ИОЛЕАЭ и Отделения этнографии ИРГО – ведущих центров этнографических исследований в России во второй половине XIX – начале XX в.

В качестве дополнительных в работе привлечены другие историографические источники. Среди них периодические и повременные издания музеев, научных обществ, учреждений и организаций, монографии и прочие опубликованные источники, относящиеся к изучаемому периоду и касающиеся вопросов этнографического музеевого дела. В их числе издания Музея антропологии и этнографии, Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, Дашковского этнографического музея и Отделения иностранной этнографии (входили в состав Этнографического отделения Румянцевского музея), Музея прикладных знаний (Политехнического), Исторического и других музеев. Важными источниками являются публикации «Журнала Министерства народного просвещения», журнала «Землеведение», «Русского антропологического журнала», а также историко-искусствоведческого и музееведческого ежемесячника «Старые годы» («СГ»), материалы которого позволяют рассмотреть

развитие этнографического музейного дела в русле общих тенденций музеиного дела в России в начале XX в.

Для выявления предыстории ряда проблем большое значение имеют публикации второй половины XIX в., относящиеся к музеиному делу в области этнографии. Важные материалы, позволяющие проанализировать тенденции развития этнографического музейного дела в нашей стране в контексте истории музеиного дела, этнографической науки и краеведения в послереволюционный период, содержатся в научной и музееведческой периодике 1920-х годов (например, «Казанский музейный вестник», «Музей», «Этнография», «Краеведение») и других историографических источниках.

Используемые в исследовании архивные источники дают материал, позволяющий глубже осветить ряд рассматриваемых в работе проблем, выявить некоторые факты, явления, идеи в истории этнографии науки и музейного дела. Большую ценность представляют документы, отражающие деятельность ИОЛЕАЭ, его Этнографического отдела, отдельных членов Общества в области этнографического музейного дела и этнографической науки, а также освещающие издание журнала «Этнографическое обозрение». К ним относятся фонд ИОЛЕАЭ и личный фонд видного этнографа, музееведа, организатора науки и музейного дела В.В. Богданова (1868–1949), хранящиеся в Научном архиве Института этнологии и антропологии Российской академии наук (НА ИЭА РАН). Фонд В.В. Богданова содержит относящиеся к первой половине XX в. источники по истории этнографической работы музеев, научных обществ (ОЛЕАЭ и других), биографические сведения и документы по научно- и музейно-организационной деятельности фондообразователя, его научные труды по музееведению, различным этнографическим темам и многое другое. Значительный интерес представляют материалы по истории Всероссийской этнографической выставки 1867 г. и

Политехнического музея (ф. 227) и ИОЛЕАЭ (ф. 455), хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы.

Для освещения деятельности Отделения этнографии ИРГО и Академии наук, отдельных их сотрудников в области этнографии, этнографического музееведения и музейного дела, а также по изданию «Живой старины», использованы материалы архивов Санкт-Петербурга. Среди них документы Отделения этнографии ИРГО в Архиве Русского Географического общества (ф. 1), а также хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН личные фонды видных деятелей отечественной этнографической науки В.И. Ламанского (1833–1914) – ф. 35; С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) – ф. 208; А.А. Шахматова (1864–1920) – ф. 134; Э.К. Пекарского (1858–1934) – ф. 202; В.В. Радлова (1837–1918) – ф. 177; А.Н. Самойловича (1880–1938) – ф. 782.

В исследовании привлечены хранящиеся в Архиве Российского этнографического музея документы по истории ЭОРМ, научные материалы крупных ученых Д.А. Клеменца (1848–1914), Ф.К. Волкова (1847–1918), А.А. Миллера (1875–1935), В.И. Ламанского, Б.Ф. Адлера (1874–1942) по этнографическому музейному делу и музееведению (ф. 1). В Архиве РЭМ имеются документы Дашковского этнографического музея и созданного на его основе Центрального музея народоведения, а затем Государственного музея народов СССР (ф. 5). Важное значение для исследования представляют архивные материалы, освещавшие научное творчество крупного этнографа и музееведа Н.М. Могилянского (1871–1933), находящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (в составе фондов 202, 134, 208) и в Архиве РЭМ (ф. 1). Они характеризуют теоретическую и практическую работу ученого в области этнографии и музейного дела, его деятельность в ЭОРМ и в Отделении этнографии ИРГО.

Тема настоящей работы предусматривает изучение истории этнографического музеиного дела и музееведения в России в конце XIX – начале XX в. как целостного явления отечественной науки и культуры. Научная этнографическая периодика как источник по истории этнографического музеиного дела, прежде не получавшая в литературе должной оценки и привлекавшая исследователями фрагментарно, в предлагаемой вниманию читателя работе вводится в научный оборот в полном объеме. Справедливо утверждение А.И. Фролова о важности историографических исследований в области музееведения. В них можно выделить научковедческий, познавательный, источниковедческий, нравственный аспекты. Изучение достижений теоретической музейной мысли, «инвентаризация идей», выдвинутых музееведами в предшествующие годы, установление и признание заслуг прежних поколений ученых-музееведов должно быть неотъемлемой частью изучения истории музееведения как самостоятельной научной дисциплины²⁴.

Комплексное историографическое исследование этнографической периодики дает возможность заполнить ряд лакун в истории музейной этнографии, обосновать и конкретизировать важные моменты в развитии этнографического музеиного дела и этнографического музееведения как научной этнографической дисциплины. Данная работа, а также другие публикации автора²⁵ являются попыткой внести вклад в изучение вопросов истории этнографии, этнографического музеиного дела и музееведения в России в конце XIX – начале XX в. – период истории науки и музеев, изученный пока не достаточно.

¹ Напр., Романов Н.И. Местные музеи и как их устраивать. М., 1919; Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919; Богданов В.В. Значение областных музеев для задач краеведения //

Краеведение. 1923. № 1. С. 11–14; *Штернберг Л.Я.* Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. Стлб. 45–66; *Малицкий Г.Л.* Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции // Научный работник. 1926. № 2. С. 43–56.

² *Разгон А.М.* Этнографические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 3. М., 1961. С. 231–268; *Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н.* Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971. С. 9–120; Этнографические коллекции в музеях СССР. М., 1964; Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972; Музей и власть. Ч. 1, 2. М., 1991.

³ Российская музейная энциклопедия. М., 2001 (переизд. 2005); Музейное дело России. М., 2003; Основы музееведения. М., 2005.

⁴ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978; *Она же.* Этнографический музей Русского географического общества // ОИРЭФА. Вып. VII. ТИЭ. Т. 104. Л., 1977. С. 22–28.

⁵ *Токарев С.А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 19–21, 397–403.

⁶ *Токарев С.А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. – середина 1930-х годов) // ОИРЭФА. Вып. V. ТИЭ. Т. 95. М., 1971. С. 111–120; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Основные направления развития советской этнографии // Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975. С. 7–51; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Бромлей Ю.В., Токарев С.А.* Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины... М., 1988. С. 21–41; *Марков Г.Е.* Немецкая этнология. М., 2004.

⁷ *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983; *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987; *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. М., 2000. С. 329–394; *Они же.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 252–307; *Иванов А.Е.* Наука // Россия в начале XX века. М., 2005. С. 652–700.

⁸ Богданов В.В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки [Всеволод Федорович Миллер у себя дома] // ОИРЭФА. Вып. VIII. ТИЭ. Т. 107. М., 1978. С. 42–55; *Он же*. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // ОИРЭФА. Вып. X. ТИЭ. Т. 114. М., 1988. С. 128–169; *Он же*. Музейная этнография. (Главы из книги «Этнография в истории моей жизни»). М., 1993; Липец Р.С. К публикации главы из рукописи В.В. Богданова // ОИРЭФА. Вып. VIII. ТИЭ. Т. 107. М., 1978. С. 39–42; *Она же*. К публикации рукописи В.В. Богданова. (Жизненный путь В.Ф. Миллера) // ОИРЭФА. Вып. X. ТИЭ. Т. 114. М., 1988. С. 110–128; Лейкина-Свицкая В.Р. Интеллигентия в России во второй половине XIX века. М., 1971; *Она же*. Русская интеллигентия в 1900–1917 годах. М., 1981; Щетинина Г.И. Идейная жизнь русской интеллигентии. Конец XIX – начало XX в. М., 1995; Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

⁹ Синицына К.Р. «Казанский музейный вестник». 1920–1924. Казань, 1963; Бархатова Е.В. Русские художественные журналы начала XX в. // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. Л., 1977. № 8. Вып. 2. С. 37–41; Валькова О.А. Научная периодическая печать России XVIII – начала XX в. М., 1999; Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 444–506.

¹⁰ Косвен М.О. 100-летний юбилей русской этнографической прессы // СЭ. 1953. № 4. С. 56–69; Титова З.Д. Роль народоведческих журналов – «Этнографического обозрения» и «Живой старины» в развитии отечественной библиографии. (Из истории этнографической библиографии) // Из истории советской книги и библиографии. Сборник материалов по библиографии и книговедению. Вып. 3. Л., 1974. С. 125–149; Решетов А.М. Журналу российских этнографов 75 лет (некоторые вопросы истории) Часть 1. 1926–1930 гг. // ЭО. 2001. № 4. С. 27–37; Миськова Е.В. Журнал «Этнографическое обозрение» (1889–1916). [Неопубликованная рукопись]. М., 2003.

¹¹ Сабурова Л.М. Русское географическое общество и этнографические исследования (дореволюционный период) // ОИРЭФА. Вып. VII. ТИЭ. Т. 104. Л., 1977. С. 5–11; Вовина О.П. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XX в. Чебоксары, 1993; Русское

Географическое общество. 150 лет. М., 1995; *Керимова М.М.* Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // ЭО. 2007. № 1. С. 137–141.

¹² *Липец Р.С., Макашина Т.С.* Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // ОИРЭФА. Вып. III. ТИЭ. Т. 91. М., 1965. С. 39–60.

¹³ *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *Она же.* Власть и наука в России. М., 2004.

¹⁴ *Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 84–90; *Она же.* Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии: К 125-летию со дня рождения ученого // СЭ. 1986. № 5. С. 81–91; *Петровская Г.А.* Не погасла звезда. Жизненный и творческий путь Н.А. Янчука. Минск, 1987; *Лукьянец О.С., Калашникова Н.М.* Н.М. Могилянский – основатель молдавских коллекций в собраниях Русского музея // Изв. Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1989. № 1. С. 69–75; *Решетов А.М.* Н.М. Могилянский – выдающийся российский этнограф и музеевед // Музей. Традиции. Этничность. ХХ–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002. С. 147–151; *Дмитриев С.В.* Судьбы сотрудников Этнографического отдела Русского музея: Н.М. Могилянский // Музей. Традиции. Этничность... С. 151–155; *Сергеева Г.И.* В.И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. С. 3–13; *Зорин Н.В.* Профессор Бруно Фридрихович Адлер как музеевед // Музей и личность. Сыктывкар, 1994. С. 192–194; Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. Сб. науч. ст. СПб., 1998; *Керимова М.М.* Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // ЭО. 2003. № 4. С. 90–106; *Она же.* Научное наследие этнографов Харузиных // Вестник архивиста. 2005. № 5–6; 2006. № 1. С. 109–123; *Витухновская М.А.* Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. За 1984 г. М., 1986. С. 78–82; *Минкина Е.В.* Особняк Вейнеров. СПб., 1997; *Она же.* П.П. Вейнер – музейный работник // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 2. СПб., 1997. С. 25–31

¹⁵ Станюкович Т.В., Чистов К.В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // СЭ. 1981. № 1. С. 24–36; Разгон А.М. Музей и наука // СЭ. 1983. № 2. С. 109–114; Ивановская Н.И. Из истории собирательских программ по этнографии (середина XIX – середина XX вв.) // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. С. 86–92; Музееоведение России в первой трети XX в. М., 1997; Галкина Е.Л. Этнографические источники в музее: проблемы интерпретации. М., 1998; Томилов Н.А. Музееоведение, его периодизация и основные понятия // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 6. Омск, 1998. С. 52–64; Мастеница Е.Н. Музеи Петербурга в зеркале прессы: По материалам периодики 1918–1941 гг. СПб., 2000; Сундиева А.А. Музеи // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 564–625; Лысенко О.В. Мифология музея: сакральный предмет в музейном пространстве // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2003. С. 33–34; Ушаков Н.В. Полевой этнографический источник – краеугольный камень этнографической науки в XIX–XXI веках // Радловские чтения – 2002. СПб., 2002. С. 119–123; Он же. Полевой этнографический источник по современности // Радловские чтения – 2004. СПб., 2004. С. 155–158; Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). С. 81–86; Дмитриев С.В. Проект создания «Отечественного Российского Музеума» П.П. Свиныни и его место в истории русской музеологической мысли // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 186–193.

¹⁶ Ивановская Н.И. Этнографические собрания в областных музеях Северо-Запада РСФСР (генезис и история формирования) // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России... С. 145–159; Калиновская К.П. Возрождение музейной этнографии в Москве // Альманах – 1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000. С. 138–150; Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2. С. 144–159; Романова Н.М. Этнографические материалы в экспозициях краеведческих музеев России. СПб., 2001; Дмитриев В.А., Калашиникова Н.М. Комплектование – основополагающее направление деятельности Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность... С. 60–64; Славянский мир. Этнографическая выставка

1867 года. СПб., 2000; *Найт Н.* Империя на просмотре: Этнографическая выставка и концептуализация человеческого разнообразия в пореформенной России // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 437–457; *Баранов Д.А.* Выставка «Парад народов»: венец в музейном пространстве // ЭО. 2004. № 5. С. 136–140; *Томилов Н.А., Патрушева Г.М.* 30 лет Музею археологии и этнографии Омского государственного университета // ЭО. 2005. № 5. С. 116–127.

¹⁷ *Шангина И.И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994; *Она же.* Этнографические музеи Ленинграда в первые годы Советской власти (1918–1923 гг.) // СЭ. 1987. № 5. С. 71–80; *Она же.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х–30-х годов XX в. // СЭ. 1991. № 2. С. 71–81.

¹⁸ См. периодические издания: «Сборник Музея антропологии и этнографии» (СМАЭ), издается с 1900 г.; «Курьер Петровской Кунсткамеры»; «Кунсткамера. Этнографические тетради»; см. также: Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. История, коллекции, исследования. СПб., 2004.

¹⁹ Напр.: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6.

²⁰ Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб., 2001.

²¹ См., например, <http://www.museum.ru/> (сайт «Музеи России»), <http://ethnos.nw.ru/> (сайт «Этнография народов России», содержащий базу данных по этнографической деятельности музеев России), <http://ethnomuseum.ru/> (сайт РЭМ), <http://www.kunstkamera.ru/> (сайт МАЭ РАН).

²² *Токарев С.А.* История русской этнографии... С. 21, 364–436.

²³ Музейное дело России. М., 2003. С. 129.

²⁴ *Фролов А.И.* Одна из забытых страниц // Чистотинова С. Федор Иванович Шмит. М., 1994. С. 9–11.

²⁵ *Турынская Х.М.* Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М.: ИЭА РАН, 2001; *Она же.* Десять лет Этнографическому кабинету-музею им. Н.Н. Чебоксарова Института этнологии и антропологии РАН // ЭО. 2003. № 5. С. 148–157; *Она же.* Развитие этнографического музейного дела в ИЭА РАН // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 71–79. (В соавт. с

Калиновской К.П.); Она же. Этномузееведческая мысль в журнале «Живая старина» (1890–1916) // Гуманитарная культура и этноидентификация. Труды молодых ученых. Вып. 2. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 270–279; *Она же.* Этнографическая наука в российских музеях, научных обществах и изданиях рубежа XIX–XX вв. // Национальные ценности: традиции и современность. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 15–16 декабря 2005 г. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 9–25; *Она же.* Развитие этнографического музейного дела в России в конце XIX – начале XX в. (историографическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2006; *Она же.* Из истории музейного дела в России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 4. С. 40–62. (В соавт. со Зверевой Ю.И.).

Глава 1

Этнографический музей как научное и просветительское учреждение на страницах «Этнографического обозрения» (1889–1916)

Журнал «Этнографическое обозрение»

Журнал «Этнографическое обозрение» явился своеобразным стержнем, вокруг которого развивалась этнографическая наука, музейное дело и музееведение в Москве и в значительной мере в России. Этот уникальный источник по истории этнографического научного и музейного сообщества, по истории идей до сих пор остается далеко не полно изученным и введенным в научный оборот. «Этнографическое обозрение» было первым в России этнографическим журналом и издавалось Этнографическим отделом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

ИОЛЕАЭ являлось одним из центров этнографической науки в России второй половины XIX – начала XX в. В этот период развития отечественной этнографии назрела и ясно осознавалась представителями ученого сообщества настоятельная потребность в специальном научном периодическом этнографическом издании. В конце 1887 г. председатель Этнографического отдела ИОЛЕАЭ видный отечественный этнограф, историк, языковед, фольклорист, организатор науки, профессор Московского университета В.Ф. Миллер (1848–1913) поставил об этом вопрос в президиуме Общества. Московские этнографы утверждали, что за рубежом уже десятки лет издаются в значительном количестве этнографические журналы, в нашей же стране до настоящего времени не предпринималось даже опыта

подобного издания¹. С.А. Токарев указывал, что «ближайшим толчком к основанию журнала было, как считают, появление в 1887 г. в Варшаве польского этнографического журнала “Висла”... и значительный успех его»².

Отсутствие такого журнала этнографами России признавалось тормозом для развития этнографии. Новое издание было призвано путем согласования научности содержания с популярностью изложения, разработки мало или вовсе не исследованных наукой вопросов, популяризации научных выводов привлечь к себе не только этнографов-ученых, но и этнографов-любителей, а также более широкие круги российской общественности³. Задачей «ЭО» провозглашалось служение развитию отечественной этнографической науки; издание должно было соединить «наличные силы, действующие на этом поприще», «вызвать к деятельности новых работников», дать обзор того, что сделано прежде и делается теперь в области этнографии, и добытые результаты сделать «общим достоянием образованных русских людей при помощи общедоступности изложения»⁴.

Основание этнографического журнала было ответом на осознанную московскими этнографами необходимость в издании, которое давало бы регулярные отклики на различные научные запросы, служило бы средством общения с провинциальными тружениками и таким образом содействовало бы удовлетворению возрастающего интереса к этнографии. По мнению ученых, журнал достиг солидного положения в науке⁵. Вслед за «Этнографическим обозрением» появились и другие научные журналы – «Живая старина», которую в 1890 г. начало издавать Отделение этнографии Императорского Русского Географического общества (к слову, московские ученые считали ИРГО более обеспеченным в материальном плане научным обществом, чем ИОЛЕАЭ), а также с 1894 г. «Землеведение»⁶ (издание Географического отделения ИОЛЕАЭ), с 1900 г. «Русский антропологический

журнал»⁷ (издание Антропологического отдела ИОЛЕАЭ)⁸. Журналы, подобные московскому этнографическому появились и при научных учреждениях других городов⁹: вслед за столицами, по словам В.В. Богданова, «ЭО» «заразило и провинцию»¹⁰.

Редакция журнала находилась в здании Политехнического музея. «ЭО» выходило в Москве в 1889–1916 гг. по 4 номера в год тиражом 600 экземпляров¹¹. Печатались также отдельные оттиски статей. У истоков журнала стояли В.Ф. Миллер (его фамилия как редактора на обложке журнала появилась с № 1 за 1901 г.) и члены Этнографического отдела ИОЛЕАЭ Н.А. Янчук (1859–1921) и Н.Н. Харузин (1865–1900). В работе по ре-дактированию «ЭО» к ним в 1891 г.¹² присоединился В.В. Богданов. Н.А. Янчук сочетал редакторскую деятельность с работой в Дашковском музее, а также с занятиями в области музыкальной этнографии. Постепенно участие В.В. Богданова в ре-дактировании журнала значительно возросло¹³.

Участие в «ЭО» принимали ведущие московские, а также петербургские этнографы и деятели этнографии из провинции. Изданное охватывало широкий круг авторов и читателей¹⁴. В 1909 г. В.Ф. Миллер, иллюстрируя состояние этнографической науки в России отмечал, что оба специальных этнографических журнала – «Живая старина» в Петербурге и «Этнографическое обозрение» в Москве «за многие годы своего существования живут исключительно трудом даровых сотрудников»¹⁵. Правда, некоторым особо нуждающимся авторам, например, сельским учителям с их низкими заработками¹⁶, редакция «ЭО» старалась выплачивать хотя бы небольшой гонорар. Значительная часть провинциальных авторов просила не денежного гонорара, а присылки взамен него бесплатной этнографической литературы, которая помогла бы им более квалифицированно вести научную работу¹⁷. В.В. Богданов обращал внимание на то, что этнографам всех национальностей в России «ЭО» рассыпалось бесплатно в количестве более чем ста

экземпляров; также в обмен на издания русских научных обществ, университетов, некоторых музеев, земств и других учреждений и организаций посыпалось 150–200 экз. Многие начинающие этнографы получали бесплатно не только журнал, но и другие издания Этнографического отдела ИОЛЕАЭ¹⁸.

На «ЭО» подписывались частные лица, учреждения, организации, учебные заведения. Стоимость годового комплекта журнала составляла (в 1889 г.) 4 руб. 50 коп. без пересылки, 5 руб. с пересылкой, 6 руб. при отправке за границу. При приобретении журнала для библиотек средних учебных заведений, что было рекомендовано Министерством народного просвещения, а также при его покупке учащимися, сельскими учителями и священниками предоставлялась скидка 40%. Со временем стоимость годового комплекта журнала возросла до 6 руб., при пересылке за границу – 7 руб. (1910 г.). Несмотря на постоянные финансовые затруднения, сопровождавшие издание, выход журнала был в целом регулярным и продолжался до 1916 г. включительно; последний номер (№ 3–4 за 1916 г.), хотя и с задержкой, был отпечатан (в 1918 г.). «ЭО» за 1917 г. был сдан в типографию Рябушинского в конце 1917 г., но напечатан не был. Первый номер за 1923 г. был сдан в секретариат научных журналов Госиздата в мае 1923 г. и тоже не вышел из печати. Издание журнала считалось временно приостановленным¹⁹.

Помимо средств от подписки, на издание журнала шли частные средства, в т. ч. членов Этнографического отдела (напр., семьи Харузиных)²⁰. В 1893 г. «ЭО» нашло финансовую поддержку в лице гофмейстера, действительного тайного советника, помощника попечителя Московского учебного округа, директора Московского Публичного и Румянцевского музеев, почетного члена ИОЛЕАЭ В.А. Дашкова (1819–1896), который своим пожертвованием оживил в членах редакции «надежду на дальнейшее существование этого издания, завоевавшего себе в течение 5 лет внимание и симпатии

ученых». Успех ведения «ЭО» при бесплатном труде его сотрудников был, по мнению московских этнографов, возможен благодаря сплоченности членов Отдела, а «единодушие, при неблагоприятности других условий, составляло единственный залог прочности всех предприятий Отдела»²¹.

В «ЭО» планировалось помещать материалы исследований различных сторон культуры – «внешнего» и, в особенности, «внутреннего, духовного» быта народов России, «не устрания ни одной живущей или жившей в ней народности из круга... изучения», статьи по различным проблемам этнографии, придерживаясь ранее выработанных Этнографическим отделом программ²². Но, стремясь с одинаковым вниманием относиться к каждой народности, члены редакции «ЭО» вместе с тем признавали, что до сих пор на страницах издания много места отводилось «инородческому элементу в ущерб русскому». Это в известной мере объяснялось бытовавшим среди этнографов мнением о том, что у «инородцев» сохранились формы быта, более интересные и важные для истории культуры, и на них необходимо обратить серьезное внимание еще и ввиду их быстрого исчезновения.

Вместе с тем исследователи полагали, что быт русского народа мог представить не менее интересные данные, хотя иногда и другого рода, и при громадной численности русского населения, в силу самой справедливости, русский элемент должен был преобладать в журнале. «Но вся беда в том, – признавали ученые, – что, как это ни странно, именно русским бытом, и в особенности великокорусским, мало кто занимается, – отсюда бедность материала»²³. Известна установка В.Ф. Миллера, признанного «руководителя московских и многих немосковских этнографов»²⁴ и возглавляемого им Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, согласно которой в отношении к отдельным народностям никогда не допускалось и тени какой-либо национальной исключительности,

нетерпимости или неуважения. Признавая особенный интерес к этнографии «инородцев» в работе Отдела, его деятели отмечали, что при этом «коренная русская народность» отнюдь не забыта²⁵. В целом, по тематике статей в региональном аспекте исследования по культуре различных народов России были представлены в «ЭО» примерно в равных долях²⁶.

Важнейшими проблемами отечественные ученые считали не только изучение всех народов огромной России, но и введение результатов этнографических исследований в научный оборот. Так, одной из главных задач, стоящих перед этнографами и этнографией в целом, считалось составление библиографий. Необходимо было соединить многочисленные ценные сведения, рассеянные в периодических изданиях, например, провинциальных, и которые большей частью оставались недоступными для исследователей, о чем писал крупный русский ученый, член-корреспондент ИАН (1891), академик (1898) А.Н. Пыпин.

Впрочем, Д.Н. Анучин предостерегал, чтобы эта работа не стала лишь механическим сведением опубликованных в различных, в том числе труднодоступных, изданиях и неопубликованных материалов²⁷. За библиографию, по его мнению, должно было взяться компетентное лицо, которое могло дать отдельным работам подлинно научную оценку. Осознавая важность и актуальность такой работы, сотрудники редакции «ЭО» обращали особое внимание на библиографический отдел издания, который способствовал бы приведению в известность этнографического материала, появляющегося в различных изданиях, а также для определения состава и количества литературных сил, работавших в области русской этнографии²⁸.

Обширные и солидно поставленные разделы критики, библиографии и хроники стали большим достижением «ЭО». Эти рубрики знакомили читателей с отечественной и зарубежной этнографической литературой, с деятельностью

отечественных и зарубежных ученых, научных учреждений, организаций, музеев, с событиями в мире науки; в них освещалась и этнографическая музейная деятельность в столицах и в провинции, помещались сведения об изданиях музеев. Большой интерес для истории этнографической науки и музейного дела представляют помещенные музееведческие публикации и рецензии Н.Н. Ха-рузина²⁹, В.Н. Харузиной (1866–1931)³⁰, А.Н. Максимова (1872–1941), Н.Ф. Сумцова (1854–1922), Е.А. Ляцкого (1868–1942), Н.А. Янчука, В.В. Богданова и других ученых.

Издатели журнала поставили своей задачей дать широкую осведомленность о народах России и об основных достижениях в деле их изучения³¹. В.Ф. Миллер смотрел на это «детище Отдела» как на «нашу научную гордость»³². Н.Н. Харузин, стоявший у истоков журнала, в одном из писем назвал «ЭО» «нашей народной этнографией»³³. Издание преследовало ту же цель, что и создание самого ОЛЕАЭ – цель популяризации и демократизации науки³⁴. На страницах журнала нашли место этнографические очерки, посвященные описанию духовной и материальной культуры народов России (русских и других славянских народов, народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока) и ряда зарубежных стран. Публиковались материалы по фольклору, верованиям, обычному праву и другим этнографическим темам.

ИОЛЕАЭ и судьбы музейной этнографии в Москве

На протяжении всего времени выхода «Этнографического обозрения» на его страницах во всех рубриках значительное место занимали материалы по музейному делу, в том числе в сфере этнографии. Тесная связь науки и музейного дела, роль музеев в культурной жизни страны, все более осознавшиеся в научном и музейном сообществе России, обусловили то

значительное место, которое заняла музейная тема в этнографическом журнале. Также в деятельности редакторов, членов редакций, авторов музееведческих материалов в этнографических журналах того времени сочеталось сотрудничество в научных обществах и музеях. Связь научной, общественной, научно-организационной, музейно-собирательской, музейной деятельности с работой в журнале была характерна и для сотрудников «Этнографического обозрения».

В.Ф. Миллер был президентом ИОЛЕАЭ в 1889–1890 гг., многие годы (1881–1913) являлся председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, и одновременно с ноября 1912 г. до своей смерти (ноябрь 1913 г.) председателем Отделения этнографии ИРГО. С 1882 по 1896 гг. ученый был директором Отдела промышленной этнографии Политехнического музея, в 1884–1897 гг. работал хранителем Этнографического отделения Румянцевского музея, в состав которого входили Дашковский этнографический музей и Отделение иностранной этнографии.

Один из основателей и редакторов «ЭО» этнограф Н.А. Янчук состоял секретарем, затем товарищем председателя Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, а также хранителем Дашковского этнографического музея после В.Ф. Миллера. Присоединившийся к В.Ф. Миллеру и Н.А. Янчуку в качестве редактора журнала В.В. Богданов также являлся не только ученым-этнографом, но и музейным деятелем и музееведом. Он был ученым секретарем (с 1906) ОЛЕАЭ и его Этнографического отдела (в 1896–1923)³⁵. В последующие годы В.В. Богданов – замести́тель председателя Этнографического отдела и секретарь Общества вплоть до 1930 г., когда ОЛЕАЭ было закрыто и слито с Московским обществом испытателей природы при Московском университете. С 1908 г. он хранитель Отделения иностранной этнографии Румянцевского музея. Из-под пера В.В. Богданова вышло большое количество статей и

заметок в журнале, затрагивающих теоретические и практические проблемы деятельности этнографических музеев России и зарубежных стран.

Сотрудники редакции «ЭО», одни из организаторов этнографического образования в Москве этнографы Николай и Вера Харузины³⁶, связанные с работой не только ИОЛЕАЭ, но и московских музеев, также являлись авторами музееведческих статей и заметок в этом журнале.

Крупный ученый Д.Н. Анучин (1843–1923), внесший значительный вклад в институционализацию антропологической, географической, археологической и этнографической наук в России, как и другие ученые того времени, сочетал научную работу с научно-организационной, педагогической, музейной. Он был профессором Московского университета, президентом ИОЛЕАЭ (с 1890 по 1923 гг.), главой Географического отделения Общества, а с 1914 г. председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Д.Н. Анучин положил начало университетскому преподаванию этнографии, явился основателем университетских Антропологического и Географического музеев³⁷. Активное участие принимал Д.Н. Анучин в научных журналах («Землеведение», «Русский антропологический журнал») и газетах («Русские ведомости»). В частности, он был одним из сторонников и инициаторов издания «ЭО»³⁸ и автором программной статьи «О задачах русской этнографии», в которой, в частности, указывается на роль этнографических музеев и коллекций в собирании этнографических материалов и в изучении народов³⁹.

Присутствие на страницах научного этнографического журнала в конце XIX – начале XX в. большого количества музееведческих материалов объясняется той важной ролью, которую играли наука в музее и музей в науке. Со времени основания Общества любителей естествознания (1863) его работа была тесно связана с развитием музейного дела в

Москве и России. В традициях Общества было содействовать развитию науки и распространению научных знаний путем устройства выставок и организации музеев, пополнения музейных коллекций Московского университета, использования музейных коллекций в научных, учебных и просветительских целях.

Показательно, что первым крупным делом Общества по инициативе его основателя видного зоолога, антрополога, музейного деятеля, профессора Московского университета А.П. Богданова (1834–1896) стало проведение Всероссийской этнографической выставки⁴⁰ в Москве 23 апреля – 19 июня 1867 г., подготовка к которой шла с конца 1864 г. С первых заседаний Комитета по ее устройству фактически началась этнографическая деятельность в ОЛЕ. А.П. Богдановым была составлена и опубликована программа для сбора экспонатов для выставки⁴¹. В процессе подготовки выставки в составе Общества был основан Этнографический отдел (февраль 1867 г.); оно стало называться Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, получило титул Императорского, а вскоре и ежегодную правительственную субсидию в 2500 руб.⁴²

Музейные начинания Общества, как и его деятельность в целом, преследовали просветительные, образовательные, научные цели. После Этнографической выставки, коллекции которой легли в основу Дашковского этнографического музея, ИОЛЕАЭ была организована Политехническая выставка (1872), на материалах которой образованы Музей прикладных знаний (Политехнический) и частично Исторический музей; Антропологическая выставка (1879)⁴³, положившая начало Музею антропологии при Московском университете; Географическая выставка (1892), послужившая ядром Географического музея при Московском университете.

Одновременно с выставками были организованы международные съезды. К Этнографической выставке был

приурочен Славянский съезд ученых и общественных деятелей, ставший важным научным, общественным и политическим событием. Антропологическая выставка сопровождалась Антропологическим съездом, Географическая – очередной сессией Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии. Выставки становились средоточием усилий большого числа представителей интеллигентии, научной общественности России и зарубежных стран. Как видно из источников, это были не просто сугубо научные, а значимые общественные события, получавшие освещение и оценку в периодике. Созданные на материалах этих выставок музеи являлись плодом коллективной работы членов научных обществ-организаторов, а также привлеченных заинтересованных участников из широких кругов общественности. На протяжении своей дальнейшей истории они продолжали пополняться благодаря ИОЛЕАЭ.

На упомянутых выставках и в созданных на их основе музеях более или менее значительное место отводилось коллекциям этнографического характера. Формирование этнографических коллекций в музеях различного профиля отражало поиски и различные подходы в научном сообществе к определению места, которое занимала этнография в ряду научных дисциплин. При этом научный и музейный процесс не был простым и гладким. Следует иметь в виду, что судьбы этнографических коллекций и состояние музейного дела находились под влиянием факторов из области личных качеств и отношений в среде ученых и музейных деятелей, что подтверждает, в частности, история московских научных организаций и музеев.

* * *

«Этнографическое обозрение» – один из ценных источников по истории музееведения и музейного дела в Москве и других городах Российской империи, а также за рубежом. Этнографические исследования, изучение края

сопровождались собиранием коллекций, пополнением и организацией музеев, и музейные коллекции, в свою очередь, становились научным материалом для этнографических исследований, базой для научной работы этнографов. Эта взаимная связь науки и музеев осознавалась в среде научных деятелей и отражалась в музеографических и музееведческих материалах этнографической периодики, в том числе «ЭО».

Д.Н. Анучин в своей работе «О задачах русской этнографии» представил очерк истории отечественной этнографии, охарактеризовал взгляды некоторых видных ее деятелей и изложил свои идеи, касающиеся состояния и путей развития этой науки в России. В рассуждениях ученого по вопросам организации русской этнографии проблематика этнографических музеев занимала одно из ключевых мест. Д.Н. Анучин процитировал сказанные в 1848 г. слова первого председателя Отделения этнографии ИРГО К.М. Бэра, который, развивая идеи французского ученого Жомара, предложил Географическому обществу обратить внимание на устройство в России обширного и систематического этнографического музея, в котором коллекции должны быть расположены по народностям, а не по другой системе, например, по видам предметов.

Д.Н. Анучин далее обратился к идеи А.Н. Пыпина (1885 г.) об этнографических музеях как о «важном подспорье для собирания и возбуждения интереса к делу» – к этнографическим исследованиям. Эти музеи, при условии известной полноты и систематичности, могли быть пригодными не для одних только популярных, общеобразовательных, но и для научных целей; ибо сравнения следовало делать только по достаточноному и систематически подобранныму материалу. Для возможно более обширного, притом не случайного и отрывочного, а систематичного и научного собирания этнографических

материалов А.Н. Пыпин предлагал, в частности, основать этнографические станции и снарядить ряд экспедиций.

Анучин, таким образом, обращал внимание на предложение Пыпина руководствоваться в комплектовании этнографических музеиных коллекций научными методами, соответствовавшими новому этапу развития этнографической науки и музейного дела. Сам Д.Н. Анучин полагал, что в процессе подготовки монографического описания какого-либо народа исследователю необходимо было познакомиться с имеющимися музейными коллекциями, относящимися к изучаемому народу, а одним из результатов работы ученого должны стать собранные в поле этнографические коллекции.

Сама этнография, как представлялось ученому, не могла оставаться наукой чисто описательной; ее конечной задачей являлось объяснение фактов народной жизни и взаимного отношения и распределения «племен». При этом изучение различных народов России представляло не только научный интерес, но имело практическое значение для «русского общества». Д.Н. Анучин полагал, что этнографические исследования «познакомят нас ближе с нашим народом, уяснят нам его мировоззрение, его стремления и его потребности», дадут важные свидетельства в вопросах организации и улучшения народного быта⁴⁴. Подобные демократические, гуманистические взгляды на задачи науки разделялись отечественными этнографами.

Материалы «ЭО» отражают, как тогда говорили, «родственную связь», «тесное единение на пользу русской этнографии», которые существовали между Этнографическим отделом ИОЛЕАЭ и Этноотделением Румянцевского музея. Как мы уви-дим, история и текущая деятельность этого музея является одной из основных и постоянных тем в журнале.

Время, к которому относится собирание в Петербурге графом Н.П. Румянцевым этнографических коллекций (начало XIX в.), представлялось деятелям науки и музейного дела

начала XX в. эпохой первого научного внимания к быту и особенностям различных народностей России. Московские ученые отмечали также роль «Румянцевского музеума» (учрежден на основе коллекций Н.П. Румянцева в Петербурге в 1831 г., переведен в Москву в 1861 г. и размещен в доме Пашкова) в развитии музейного дела, науки и просвещения в Москве и в стране. Коллекции музея, как указывалось, «не пополнявшиеся затем во весь период пребывания Румянцевского музея в Петербурге, начали значительно расширяться по перенесении Музея в Москву и легли в основание особого отделения, выросшего в целый этнографический Музей, считающийся почти единственным в России»⁴⁵.

Первоначальные коллекции Н.П. Румянцева в течение московского периода истории музея дополнялись новыми поступлениями. С течением времени собранные этнографические коллекции составили иностранное, русское и славянское отделения Московского Публичного и Румянцевского музеев. Собственно румянцевские этнографические коллекции – полученные графом от участников кругосветных экспедиций начала XIX в. – составили ядро Отделения иностранной этнографии, пополнявшееся разными лицами и учреждениями. Это, как указывал В.В. Богданов, «довольно большое и интересное собрание предметов, которое могло бы возрасти еще более путем покупок, как этого и желал гр. Н.П. Румянцов, завещавший большой капитал, проценты с которого должны были идти на приобретение и содержание румянцевских коллекций». Между тем, «за последние 10–15 лет из этих сумм и вообще на средства музеев едва ли приобретено новых коллекций рублей на 200–300»⁴⁶.

* * *

Информация об Этнографической выставке 1867 г. составляет обязательную и неотъемлемую часть статей и

заметок в «ЭО», относящихся к истории Дашковского музея, Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, а также публикаций, посвященных истории науки и отдельных научных учреждений, научным и музейным деятелям, работа которых была связана с этими учреждениями⁴⁷. Это предприятие в значительной степени определило работу Общества, создание и деятельность его Этнографического отдела⁴⁸. Выставка устроилась при материальном содействии богатого московского сановника В.А. Дашкова, а задумана и осуществлена была трудами ОЛЕ⁴⁹. Материалы выставки составили начальную основу Дашковского этнографического музея, вошедшего в состав Московского Публичного и Румянцевского музея, который стал в нашей стране одним из основных центров комплектования коллекций по этнографии народов Российской империи и зарубежных стран.

На выставку как на крупное мероприятие, осуществленное Этнографическим отделом ОЛЕ, в котором в Москве этнография получила свой центр, не преминул указать и Д.Н. Анучин, отметив, что выставка была проведена «по инициативе А.П. Богданова и при содействии В.А. Дашкова», и ее материалы послужили ядром нового Этнографического музея⁵⁰. Значение выставки и через многие годы, прошедшие со времени ее проведения, продолжало занимать умы этнографов и музееведов, ибо именно это мероприятие стало первой крупной акцией нового научного общества (ОЛЕ), важным событием в истории этнографической науки, музейного и выставочного дела, культурной и общественно-политической жизни Москвы и всей страны.

В процессе организации выставки проявили себя и внесли свой вклад многие отечественные ученые и общественные деятели. В статье «Памяти Нила Александровича Попова», историка-слависта, профессора Московского университета, основателя и первого председателя (в 1867–1881 гг.) Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, В.Ф. Миллер отдает

должное заслугам покойного коллеги, «разностороннего и даровитого работника», в организации этнографической науки, в развитии интереса к ней в среде московского общества, в расширении круга лиц, занимающихся собиранием этнографических материалов.

В.Ф. Миллером отмечена инициатива и ключевая роль Н.А. Попова в организации славянского отдела Этнографической выставки 1867 г.: в ходе подготовки славянского отдела он рассыпал в славянские земли программы выставки, вел переписку со славянскими деятелями, распространял сведения о готовящемся мероприятии через газетные статьи, занимался поиском лиц, которые могли бы пожертвовать экспонаты. В.Ф. Миллер считал, что «если славянский отдел вышел очень удачен на Этнографической выставке.., если эта выставка возбудила живейший интерес в славянских землях, если она сопровождалась многочисленным съездом славянских ученых и общественных деятелей в Москве, то всем этим комитет выставки был в значительной мере обязан неутомимой энергии Н. А-ча и его обширным связям с западными и южными славянскими деятелями»⁵¹.

В заметке о чествовании (1892) В.А. Дацкова в ИОЛЕАЭ указывается, что он является не только директором музея его имени, но и основателем этого музея, а этнографическая выставка 1867 г. была устроена ОЛЕ и имела громадный успех благодаря тому, что именно В.А. Дацков оказал ей существенную материальную поддержку. Основанному по окончании выставки на базе ее коллекций музею «по ходатайству Общества» было присвоено наименование Дацковского этнографического музея⁵².

Во введении к 1 выпуск (1887) «Систематического описания коллекций Дацковского этнографического музея» (изданного на средства В.А. Дацкова) хранитель В.Ф. Миллер представил историю московских этнографических выставки и музея, не скрывая существовавших в музее тяжелых проблем.

Автор указывал, что В.А. Дашков, поняв всю важность выставки для осуществления Русского этнографического музея, обратился к ОЛЕ с предложением материальных средств, необходимых для открытия выставки, с тем условием, чтобы по ее окончании этнографические предметы поступили в собственность Московского Публичного музея. Во все время существования музея Н.Г. Керцелли, бывший до В.Ф. Миллера хранителем, и затем сам Миллер вели постоянную упорную борьбу с теснотой, пылью и молью. При этом новые коллекции продолжали поступать в музей.

«Вообще нельзя не отметить, – добавил В.Ф. Миллер, – особой заботливости, с которой относились к Музею его основатель и Общество Любителей Естествознания. Так, большая часть расходов по сохранению коллекций, ремонту манекенов, приспособлению помещения и т. п., производилась в течение всего времени существования Музея из личных средств г. Директора, не пропускавшего вместе с тем случая приобретать ценные этнографические предметы для пополнения музейских коллекций». После того, как Миллер заявил Дашкову о крайней тесноте занимаемого помещения, «г. Директор сделал распоряжение отвести под этнографические коллекции временно еще одну залу, предназначавшуюся раньше для другой цели, впредь до имеющегося в виду капитального расширения музейских зданий». Только после этого хранитель смог начать научную работу с коллекциями⁵³.

В некрологе В.А. Дашкова (1896) говорится, что сложившаяся у него в начале 1860-х годов мысль об основании в Москве специального музея русской этнографии осуществилась благодаря предпринятой Обществом любителей естествознания Русской этнографической выставке. Автор этого некролога (В.Ф. Миллер) отметил просветительные и научные цели выставки, спроектированной ОЛЕ по инициативе А.П. Богданова: она должна была познакомить публику с особенностями жителей различных местностей России и

возбудить больший интерес к этнографическим и антропологическим исследованиям. «Задуманное по обширной программе, это предприятие только что возникшего небольшого ученого общества... требовало значительных материальных затрат. Эти затруднения были устранены В.А. Дашковым, предложившим заимообразно свои личные средства для организации выставки и ставшим во главе комитета по ее устройству».

Затем, как указал В.Ф. Миллер, по окончании выставки этнографические коллекции поступили, согласно постановлению ОЛЕ и с Высочайшего разрешения, в собственность Московского Публичного музея. И уже Дашковский этнографический музей официально определен как «устроенный при содействии ОЛЕ». С выставки поступили 288 манекенов, до 450 №№ (номеров) костюмов, до 1200 №№ предметов домашнего быта и до 2000 №№ рисунков и фотографий, представлявших народы России и славянских земель. Автор отметил, что благодаря постоянной заботливости директора музей значительно пополнился, и сам В.А. Дашков лично обогатил музей значительными приношениями. Среди них особенно ценными В.Ф. Миллер назвал фотоснимки большого формата со всех манекенов музея. Директор также осуществлял материальную поддержку ряда изданий Этнографического отдела ИОЛЕАЭ (в частности, «ЭО») и Дашковского музея. Отдав дань организационным и меценатским заслугам покойного, В.Ф. Миллер напомнил, что со своей стороны Отдел постоянно пополнял коллекции музея, передавая в его фонды все этнографические предметы, привозимые членами ИОЛЕАЭ⁵⁴.

В.В. Богданов в 1910 г. отмечал, что русское и славянское отделения Румянцевского музея возникли и развились главным образом благодаря ИОЛЕАЭ. Имя же В.А. Дашкова было присвоено этим отделениям ввиду «того крупного участия, которое было принято бывшим директором Румянцевского

музея в деле устройства в 1867 году Обществом этнографической выставки, оставилшей после себя громадные коллекции⁵⁵. Впоследствии в трудах послереволюционного времени⁵⁶ В.В. Богданов рассказывал о роли В.А. Дашкова в истории московской музейной этнографии, о плане А.П. Богданова создать в Москве большой антропологический музей, который соединил бы в себе коллекции по «физической антропологии, этнической антропологии, или этнологии (этнографии), и доисторической антропологии, или палеоэтнологии (доисторической археологии)», а также о деятельности В.Ф. Миллера как этнографа-музееведа в Румянцевском и Политехническом музеях в связи с музейным планом А.П. Богданова.

Так, В.В. Богданов привел высказывание Д.Н. Анутина 1908 г.: «Этнографические коллекции в Румянцевском музее есть труд и дар нашего Общества. Общество не забыло об этом»⁵⁷. При обсуждении в 1910 г. вопроса о нарастающей тесноте помещений Румянцевского музея и переводе оттуда этнографических коллекций в другое место В.В. Богданов напоминал, что именно ИОЛЕАЭ «создало эти коллекции, дало им свое имя и потребовало от директора Румянцевского музея Дашкова гарантии, что коллекции получат настоящее музейное помещение, а не сарай, и будут в полной сохранности»⁵⁸.

А.П. Богданов, по сведениям В.В. Богданова, имел в виду вернуть эти коллекции и продолжал проводить свой музейный план, этапами осуществления которого вслед за Этнографической выставкой стали выставки Политехническая (и Музей Прикладных знаний) и Антропологическая (и затем Антропологический музей Московского университета).

Между тем, музейно-научная работа В.Ф. Миллера с этнографическими коллекциями в Политехническом и Румянцевском музеях представляла собой воплощенные в жизнь фрагменты музейного плана А.П. Богданова. А.П. Богданов привлек В.Ф. Миллера к осуществлению

«этнографического раздела» задуманного им единого антропологического музея. Работы Миллера в обоих музеях должны были дополнять друг друга, ведь и в 1880-х годах сохранялась надежда на объединение этнографических коллекций. В.В. Богданов полагал, что если бы А.П. Богданов мог в четвертый раз напрячь свои организаторские силы и построить второе музейное здание (первое – это здание Музея прикладных знаний. – Х.Т.), то все собранные им и его сотрудниками выставочные и дарованные коллекции вошли бы полностью в этот новый музей, освободив от тесноты и Румянцевский и Политехнический музеи. «Но, как видно, силы Анатолия Петровича были уже не те, как в 60-х и 70-х годах»⁵⁹. По разным причинам его планы объединить все этнографические коллекции в Москве в одном музее так и не были осуществлены.

После смерти А.П. Богданова коллекции по этнографии из Политехнического музея были переданы в Румянцевский, который и прежде страдал от тесноты, материальной скучности и отсутствия научных сотрудников. Сначала этнографические коллекции, входившие в возглавляемый до 1897 г. В.Ф. Миллером Отдел промышленности окраин России (Отдел промышленной этнографии), которые начали теснить основные коллекции Политехнического музея, Комитет музея в 1896 г. решил передать в дар Румянцевскому музею⁶⁰. В конце 1902 г.⁶¹ в его фонды перешли и этнографические коллекции руководимого до 1897 г. В.Ф. Миллером Туркестанского отдела Политехнического музея. Между тем, состояние «архинемузейного помещения», «внешнего и штатного неустройства» этнографических коллекций в Румянцевском музее сохранялось и в последующие годы⁶². Часть этнографических коллекций Антропологической выставки в свернутом виде сначала в университете помещении, а затем в залах Исторического музея дожидалась, «пока, наконец, Д.Н. Анучин, преемник А.П. Богданова и сотрудник по

Антропологической выставке, не сорганизовал университетский антропологический музей, в который вошли коллекции всех трех разделов богдановского плана, но в меньшем объеме»⁶³.

В связи с историей Дашковского музея В.В. Богданов отмечал, что если большинство смотрело на Этнографическую выставку 1867 г. как на удачно прошедший праздник, то для А.П. Богданова она была «началом этнографического музея, университетского преподавания и популяризации этнографии». В.В. Богданов с сожалением констатировал, что московский этнографический музей, отошедший от попечения ИОЛЕАЭ и А.П. Богданова, сразу попал на положение инертного и безыдейного хранилища: «преподавание с ним не было связано»; «массы ходили в него, но не просвещались». По сведениям автора, А.П. Богданов считал уход музея «из рук Общества» ошибкой, но ошибкой «неизбежной, роковой, из-за неимения средств»⁶⁴.

Историографические источники, таким образом, показывают, как тесно связана история учреждений с фактором личности в науке и культуре, выявляют малоизвестные страницы истории музейной этнографии в Москве, во многом объясняют те неблагоприятные обстоятельства, которые сопровождали собирание и хранение этнографических коллекций, трудности в осуществлении научной и просветительской работы Дашковского этнографического музея. Вместе с тем представляется, что проблема судеб науки и музейного дела заключается далеко не только в персоналиях. Не менее важным, а во многих случаях решающим фактором, определявшим историю научных и музейных предприятий в России в изучаемый период, являлось недостаточное внимание и слабая поддержка, оказывавшаяся государством науке и музеям, постоянные финансовые и организационные затруднения в деятельности учреждений науки и культуры. Следует учитывать, что научные общества, являвшиеся

фактически центрами развития науки в России, были добровольными объединениями ученых. Их бюджеты складывались из членских взносов, частных пожертвований и средств, вырученных от продажи изданий⁶⁵.

В редких случаях некоторые научные общества (как ИРГО, ИОЛЕАЭ) получали ежегодную субсидию от правительства. Однако всех этих сумм далеко не хватало для полноценной научной деятельности и для ее развития. Известно, что даже возросшая к 1880-м годам до 5 тыс. руб. правительенная субсидия ИОЛЕАЭ являлась крайне недостаточной, и его деятели обращались к правительству с просьбой увеличить субсидию. Президент Общества Г.Е. Щуровский обращал внимание власти на тяжелое положение естественно-исторических обществ вообще и в частности ИОЛЕАЭ, «двадцать лет уже напрягающего свои силы в борьбе с нуждою, и пришедшего к сознанию невозможности выдержать ее без помощи правительства»⁶⁶.

Такие музеи, как Румянцевский, находились в ведении Министерства народного просвещения, «самого бедного из министерств», и получали от казны содержание, крайне недостаточное для нормального функционирования. Эти учреждения страдали от тесноты и неприспособленности помещений, нехватки научного и технического персонала, получавшего скучные оклады⁶⁷. Поддержка меценатов также не могла решить всех проблем музеев. Работа научных учреждений и организаций в России была бы невозможна без энтузиазма и самоотверженного труда отечественных ученых и деятелей культуры.

Изучение материальной культуры и этнографические коллекции Румянцевского музея

Материалы журнала «Этнографическое обозрение» отражают собирательскую, научную и издательскую работу, проводившуюся в Этнографическом отделении Румянцевского музея. Она связана, прежде всего, с деятельностью хранителя этнографических коллекций музея В.Ф. Миллера и Этнографического отдела ИОЛЕАЭ.

Многолетние исследования В.Ф. Миллера в области лингвистики, фольклора, археологии были связаны с различными регионами, в частности с Кавказом. Ученый был связан тесными узами с общественностью, поддерживал контакты с местной интеллигенцией, стремился популяризовать в широких кругах российского общества достижения этнографии, откликался на новые этнографические издания, в том числе провинциальные⁶⁸. Научная работа с музейными коллекциями требовала от ученого больших знаний в области материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Современники отмечали, что научные изыскания и экспедиции (на Кавказ и в другие местности) В.Ф. Миллера подготовили в нем «хорошего заведующего Этнографическим музеем»⁶⁹.

Библиографические обзоры в «ЭО» анонсировали появление в свет составленного Миллером «Систематического описания коллекций Дашковского этнографического музея» (вып. 1–4. М., 1887–1895). Издание представлено не только в качестве пособия для публики, знакомившего с собраниями музея, но и как справочный и руководящий труд для тех, кто занимался этнографическими исследованиями⁷⁰, с библиографией и экскурсами в область материальной культуры⁷¹. Первые два выпуска «Систематического описания» ученый-хранитель посвятил коллекциям музея, отражающим быт «инородческого населения» России. При подготовке третьего выпуска издания, посвященного русским, украинцам, белорусам и полякам Российской империи, В.Ф. Миллер выступил с предложением собрать сведения о крестьянской

одежде, которые дополнили бы имеющийся для «Систематического описания» материал.

С этой целью составитель через Этнографический отдел ИОЛЕАЭ разослал в 1890 г. специально разработанную программу с вопросами и с просьбой к местным сельским учителям и учительницам и вообще к «любителям этнографии» содействовать в сборе сведений по народной одежде. «Ввиду постепенного и нередко быстрого исчезания старинных особенностей в одежде среди крестьянского населения России, главным образом под влиянием городской промышленности и торговли», в интересах этнографии местным собирателям предлагалось обратить особое внимание, в каких местностях еще сохранилась старина в одежде.

Составителя «Систематического описания» интересовало, какие материалы идут на изготовление крестьянской одежды (домашние или покупные), из каких частей состоит одежда, их названия, особенности покроя, каковы украшения и головные уборы женщин, вышивка, мужская и женская обувь. Нужно было выяснить, известны ли «более редкие, уже вышедшие из употребления» покрой одежды и головные уборы и не заметно ли влияния городского костюма на сельский, «инородческого» на русский и русского на «инородческий». Требовалось указать точное название местности, в которой носится описываемая одежда, а описание малоизвестных или редких костюмов желательно было сопроводить рисунком. Вообще собирателям следовало обратить особое внимание на женскую одежду, так как считалось, что в ней разнообразия больше, чем в мужской⁷².

На программу по одежде, разосланную В.Ф. Миллером «разным лицам, близко стоящим к народной жизни», поступила масса сообщений преимущественно от сельских учителей. Эти материалы были обработаны сотрудниками Этнографического отдела, использованы Миллером в работе над 3-м выпуском «Систематического описания» и помещены в архив Отдела⁷³, чтобы послужить затем для «более полного и обстоятельный

исследования вопроса о современном народном костюме». Некоторые из присланных ответов планировалось обнародовать путем опубликования в «ЭО» с целью вызвать больший интерес к изучению народного костюма⁷⁴. Как показывают материалы журнала, осуществить эти намерения редакции в полной мере не удалось: были опубликованы лишь несколько сообщений по данной тематике⁷⁵.

Важным являлось то, что внимание научной общественности было привлечено к одной из профильных этнографических тем, именно к одежде, и в тот период развития русской этнографии, когда наука еще сравнительно «скудно обслуживала народный костюм и украшения»⁷⁶. В.Н. Харузина обращала внимание на неразработанность «научного костюмоведения» в России, на необходимость монографического исследования народного костюма по регионам, изучения исторических условий и факторов, под влиянием которых он возник и видоизменялся на обширной территории страны, рассмотрения вопроса о взаимодействии русского и «инородческого» костюма⁷⁷.

Н.Н. Харузин в библиографическом обзоре⁷⁸ передал основные идеи В.Ф. Миллера и подчеркнул научную ценность труда, проделанного составителем «Систематического описания». Миллер не только описывал коллекции по этнографии славянских народов России, хранящиеся в Дашковском музее со времени, когда русская этнографическая выставка превратилась в русский этнографический музей, но и вводил в научный оборот сведения по современной одежде, полученные из более чем тысячи ответов на разосланную программу и представлявшие 35 губерний. За время, прошедшее после выставки, крестьянская одежда, а именно она составляла главное богатство выставки и музея и привлекла основное внимание В.Ф. Миллера, значительно изменилась. Н.Н. Харузин сослался на оценку, которую ученый дал собранию одежды Дашковского музея. По словам

В.Ф. Миллера, теперешний посетитель музея, осматривая коллекции, получает понятие не о современных крестьянских костюмах, находящихся во всеобщем употреблении, а о тех, которые были в ходу двадцать пять лет назад и более, так как некоторые костюмы были доставлены на Этнографическую выставку уже как редкие и старинные; поэтому «этнографический музей естественным путем переходит в археологический»⁷⁹.

Продолжая эту мысль, Н.Н. Харузин предположил, что таким же образом и собранные в труде В.Ф. Миллера «сведения о *современном* костюме обитателей разных губерний России постепенно перейдут в сведения о *бывшем* костюме их». Значение труда составителя «Систематического описания», по мнению Н.Н. Харузина, состояло в исследовании такой слабо разработанной этнографической наукой проблемы, как влияние городской культуры на крестьянский быт, особенно «внешний» (т. е. материальную культуру). По этой теме много говорилось, но, по словам Харузина, не было ни одного труда, который бы «систематически и серьезно проследил это влияние на ту или иную сторону народного быта». Работа В.Ф. Миллера в направлении решения данной научной проблемы являлась значительным достижением теоретической этнографии.

Таким образом, современники оценивали работу В.Ф. Миллера не только как картину крестьянской одежды по разным районам, но и как анализ того, что собственно в отношении костюма охотнее всего воспринималось крестьянским населением в различных местностях. Н.Н. Харузин обозначил и другую проблему, актуальную для этнографической науки. С одной стороны, влияние города на деревню шло постоянно, с другой, сама культура города претерпевала изменения, в частности относительно одежды. Необходимо было, по мнению ученого, всесторонне изучать этот процесс «замены старого новым» в разных сферах жизни народа⁸⁰. В собирании и изучении

предметов материальной культуры этнографы видели возможности и пути решения многих научных проблем.

Именно «живая деятельность» В.Ф. Миллера в должности хранителя Дашковского музея ставилась современниками ему в заслугу перед обществом, наукой и музейным делом. Д.Н. Анучин указывал на то, что до прихода Миллера в музее в течение 18 лет «по части изучения собранных коллекций не было сделано ничего»⁸¹. В.Ф. Миллер, не ограничиваясь одним только хранением и приведением в порядок коллекций, активно трудился, привлекал новые пожертвования в музей, стремился «оживить это учреждение», сделать музейные коллекции более известными и доступными для публики и ученых, притягивал внимание общественности к работе музея. Для этого ученый-хранитель разработал многоократно переиздававшийся путеводитель, проделал большой труд по научной систематизации и описанию коллекций музея, по собиранию новых этнографических материалов для научной оценки этих коллекций, по изданию «Систематического описания». В.Ф. Миллер основал и редактировал повременное издание музея «Сборник материалов по этнографии»⁸² (вышло три выпуска – за 1885, 1887 и 1888 гг.⁸³ при финансовой поддержке В.А. Дашкова⁸⁴), и из этого издания, по словам А.Н. Максимова, впоследствии развился первый в России специальный этнографический журнал – «Этнографическое обозрение»⁸⁵.

Коллеги В.Ф. Миллера отмечали его подвижничество в науке и музейном деле. В.В. Богданов сообщал, что ученый разбирал музейные коллекции и составлял их научное описание «без помощника, без вольнонаемных лиц, совершенно один»⁸⁶. В условиях малочисленности музейного и научного сообщества в России⁸⁷ сформировался тип разностороннего ученого, сочетавшего занятия наукой, преподаванием, музейной, просветительной, общественной работой. Миллер писал: «Наш русский тип ученых сложился исторически и

удовлетворяет потребностям государства и общества, в котором постоянно слышится одна и та же жалоба, что дела много, а рук мало»⁸⁸. Такую же характеристику от коллег получал и сам В.Ф. Миллер, разносторонний ученый, организатор науки и музейного дела, общественный деятель. В.В. Богданова поражало то, что он мог так производительно распределять свое время, чтобы, помимо работы в музее, читать лекции, руководить Этнографическим отделом, чуть ли не каждый вечер посещать заседания научных обществ, принимать у себя дома учеников, друзей, знакомых, писать статьи и доклады⁸⁹.

В.Ф. Миллеру в 1897 г. в связи с назначением его на пост директора Лазаревского института восточных языков пришлось покинуть должности хранителя Дашковского музея и хранителя этнографических коллекций Политехнического музея. Этот крупнейший русский ученый внес огромный вклад в развитие этнографии и музейного дела в Москве и России.

* * *

В ИОЛЕАЭ поступали различные этнографические материалы, не только «сырые», но и научно-обработанные и готовые к печати, но значительная часть их оставалась неопубликованной из-за недостатка средств на издательскую деятельность. В архиве Этнографического отдела Общества скапливались материалы, собранные как московскими и иногородними членами Отдела, так и «посторонними лицами». Помещать большие исследования и сырье материалы считалось более оправданным в «Трудах» Отдела, то есть в издании большого формата, а не в журнале, издании общедоступном и меньшего объема.

Между тем, издавать «Труды» было «не на что, разве подвернется какая-нибудь случайная сумма», а объем книжек журнала «ЭО» вследствие скудости средств постепенно уменьшался с 15 листов до 12 (в 1894–95 гг.)⁹⁰, а затем и до 10 (к 1910 г.). Ряд научных исследований их авторы, не дождавшись опубликования, забирали из Отдела и передавали в

издания других учреждений и организаций, порой менее доступные широкой публике.

В ответ на просьбу редакции журнала ко всем занимающимся этнографией присыпать сведения о себе с фотографией в Отдел от этнографов поступали автобиографии. Эти материалы планировалось включить в «летопись» русской этнографической науки в дополнение к «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина⁹¹. Данный проект остался неосуществленным.

Вопросы по разным этнографическим темам, в том числе по одежде, содержались в общей «Программе для собирания этнографических сведений», выпущенной Этнографическим отделом в 1887 г. в «Известиях ИОЛЕАЭ» и отдельной книжкой. Программы рассыпались Отделом в различные местности, где исследователи пользовались ими в своей работе. На заседаниях Отдела в 1890–1900-х годах многократно обсуждался вопрос о необходимости переиздания программы, на которую поступали заявки от разных лиц из провинции, однако на это не было средств. Программа в течение ряда лет готовилась к изданию, но так и не была переиздана⁹². Ограниченные издательские возможности Общества, таким образом, не могли не сдерживать сбор и публикацию этнографических материалов и, в конечном итоге, распространение этнографических знаний. В без того непростую ситуацию с издательской деятельностью Общества вмешался несчастный случай: в 1905 г. в результате пожара в здании Политехнического музея⁹³ на складе изданий ИОЛЕАЭ Этнографический отдел лишился «почти всего научного богатства, накопленного им за 42-хлетнее его существование»⁹⁴.

Недостаток средств в бюджете Общества негативно отражался и на работе сотрудников Этнографического отдела в области изучения культур народов России и зарубежных стран и музейного собирательства и музейно-выставочного дела.

Московские этнографы с сожалением констатировали, что такие крупные предприятия последнего времени, которые могли бы дать богатые результаты для этнографии вообще и для Отдела в частности, как выставки Чешская этнографическая в Праге и Всероссийская в Нижнем Новгороде, должны были «пройти для Отдела бессследно», так как не было возможности командировать туда специальных лиц, а о приобретении коллекций и думать было нечего⁹⁵.

Несмотря на трудности материального и организационного характера, научная работа с этнографическими коллекциями, начатая В.Ф. Миллером в Румянцевском музее, была продолжена его преемниками в должности хранителя (Н.А. Янчук, затем и В.В. Богданов). Готовился 5-й выпуск «Систематического описания коллекций Дашковского этнографического музея», в который должны были войти сведения по этнографии народов крайнего северо-востока Азии и северо-запада Америки с подробной библиографией⁹⁶. В частности, Н.А. Янчук готовил к печати для этого выпуска очерк об айнах⁹⁷. Данный труд не был опубликован. «ЭО» в рубрике «Новости этнографической литературы» анонсировало выход путеводителей по Дашковскому этнографическому музею, отчетов Румянцевского музея за разные годы, а также работы Е. Варба «Одно из наших центральных просветительных учреждений»⁹⁸.

* * *

Продолжалось сотрудничество этнографов – деятелей ИОЛЕАЭ и московского этнографического музея. Материалы «ЭО» свидетельствуют о том, что значительное количество этнографических предметов и моделей, фото- и иллюстративных материалов, изображавших виды местности, типы населения, жилище и проч., поступало в Этнографическое отделение Румянцевского музея через Этнографический отдел ИОЛЕАЭ, в частности из научных экспедиций его сотрудников и корреспондентов. Хроника журнала, содержавшая ежегодные

отчеты о работе Отдела, регулярно информировала о ходе исследований материальной и духовной культуры и собирательской работы его членов и о новых поступлениях в музей⁹⁹.

Так, Отделом была передана в Дашковский музей коллекция бытовых и культовых предметов гольдов (нанайцев)¹⁰⁰, собранная П.П. Шимкевичем¹⁰¹. Из поездок членов Отдела в музей поступили этнографические предметы эстонцев из Эстляндии (собиратели Н.Н. Харузин, А.Д. Солодовников и другие)¹⁰², глиняные игрушки и полный русский женский костюм из Тамбовской губ. (от А.А. Семенова), фотографии и «некоторые характерные части костюма и обстановки» украинцев Полтавской губ. (от Н.А. Янчука). В 1900 г. через Н.А. Янчука в Дашковский музей передала часть дублетных коллекций своего частного музея в Лубнах (Полтавской губ.) его владелица Е.Н. Скар-жинская¹⁰³. В ходе научных поездок в Архангельскую губ. в Пинежский и Мезенский уезды А.Д. Григорьевым были собраны образцы женской и мужской одежды русских (в том числе женский старинный и летний мужской рабочий костюмы)¹⁰⁴. В 1903 г. В.П. Налимов, «сам зырянин», в ходе экспедиции приобрел среди зырян (коми) костюмы и игрушки¹⁰⁵.

Продолжались исследования русского народа. Братья Б.М. и Ю.М. Соколовы из своей этнографической и диалектологической поездки в Кирилловский уезд Новгородской губ. привезли для музея этнографическую коллекцию (женские головные уборы – шлыки, кокошники, короны, сборники и пр.) и фотографии¹⁰⁶. А.Д. Воронцов в Новосильском уезде Тульской губ. собрал не только предметы для музея (образцы вышивки, игрушки, обрядовые печения), но и сведения о пище, постройках, обрядах крестин, свадьбы, похорон, о религиозных верованиях, народном календаре, детских играх и забавах молодежи. В том же районе Д.Т. Янович изучал и коллекционировал предметы

материальной культуры, «особенно принадлежностей костюма», описывал типы построек, фотографировал¹⁰⁷.

Помимо этнографических и фольклорных материалов известные в будущем ученые П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон и Н.Ф. Яковлев из экспедиции в Верейский уезд Московской губ. доставили женские старинные костюмы для музея¹⁰⁸. И в дальнейшем эти исследователи продолжали в своих научных поездках сочетать сбор этнографических и фольклорных материалов с коллекционированием этнографических предметов для Дашковского музея. П.Г. Богатырев привез из Шенкурского уезда Архангельской губ. братины, бирки, деревянный замок и другие вещи; Р.О. Якобсон доставил из Дмитровского уезда Московской губ. старинные приспособления для лучины (светец и скобку), женскую рубаху и сарафан; Н.Ф. Яковлев совместно с Е.М. Шиллингом приобрели в Яренском уезде Вологодской губ. женский костюм, атрибуты рождественских представлений, предметы домашнего обихода – «светильни, пряслицу, ступу» и проч.¹⁰⁹

Помощник библиотекаря (затем библиотекарь) Этнографического отдела ИОЛЕАЭ Е.Н. Елеонская в ходе экспедиций в Калужскую губ. в разных уездах фотографировала и собирала для музея коллекции, представлявшие русскую народную одежду (в том числе полный подбор головных уборов замужних крестьянок Козельского уезда), ткачество (образцы узорного тканья для полотенец и ткани для понёв), сельское хозяйство, постройки, домашний обиход, обряды¹¹⁰. Исследовательница помещала на страницах «ЭО» свои полевые наблюдения по материальной и духовной культуре в связи с привезенными коллекциями¹¹¹.

И.Е. Лахерма побывал у обруссевшей мещеры Саратовской, Пензенской и Тамбовской губерний. В «ЭО» помещено не только указание на привезенные собирателем полный мещерский женский костюм, рисунки и фотографии, но и его рассказ об

экспедиции и об этнографических (в том числе по одежде), антропологических и фольклорных наблюдениях¹¹².

Н.Ф. Яковлев по поводу доставленного им в Дашковский музей старинного женского костюма сообщал сведения и об истории данного костюма, и о старинной и современной одежде донских казаков, с указанием материала, покроя, украшений, способов ношения, народных названий, а также прозвищ, связанных с ношением в определенной местности того или иного типа женской верхней одежды. Сам собиратель, однако, оговорил, что записанные им сведения касались главным образом женского костюма, и только отчасти девичьего и мужского¹¹³.

Ежегодно в Дашковский этнографический музей поступало до нескольких сотен предметов. В 1909 г. – более 800, среди которых выделялись коллекции генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова (по ламаизму), Р.С. Данковской (обрядовое печение из Курской губ.), З.А. Фалеевой (игрушки с прошедшей в Москве выставки при Кустарном музее), а также купленные «остяцкие» (хантыйские) и «якутские костюмы и предметы». В 1910 г. поступило св. 700 предметов, в том числе снова от Н.И. Гродекова по ламаизму, от З.А. Фалеевой и других лиц обрядовые печенья, а также от А.А. Кривицкого писанки (пасхальные яйца) из Подольской губ. с описанием народной номенклатуры их орнамента¹¹⁴. Этнографические предметы, фотографии поступали также от членов Этнографического отдела Г.И. Куликовского, В.В. Богданова, В.А. Гордлевского, Б.В. Миллера, В.Н. Харузиной, И.Т. Савенкова, М.Н. Сперанского и многих других лиц. Источники свидетельствуют, что исследовательская и собирательская работа сотрудников ИОЛЕАЭ в годы первой русской революции и первой мировой войны сократилась, но не прекратилась совсем.

Среди поступлений в Отделение иностранной этнографии Румянцевского музея материалы «ЭО» отмечали ценные китайские и маньчжурские этнографические коллекции,

пожертвованные Н.И. Гродековым. Они включали лубочные картины, акварели, костюмы и головные украшения и, как указывалось, явились «довольно полным собранием современных китайских предметов». Администрация музея планировала временно выставить вновь поступившие коллекции Н.И. Гродекова для обозрения. Московские этнографы сожалели, что теснота помещений Румянцевского музея не позволяла выставить в надлежащем порядке и с достаточной наглядностью поучительные и редкие собрания по этнографии зарубежных стран¹¹⁵.

Имея в виду состав коллекций, научную и просветительскую работу, проводившуюся в музее, московские этнографы называли Дашковский этнографический музей «лучшим образцом этого рода учреждений у нас в России»¹¹⁶, «драгоценным наглядным пособием для изучения материального быта русского населения России, западных и южных славян и наших инородцев»¹¹⁷. С подобными оценками нельзя не согласиться. Многие из поступавших в Румянцевский музей этнографических коллекций по полноте и содержанию не имели себе равных в других российских музеях того времени.

Вместе с тем, отечественные ученые отчетливо осознавали проблемы, которые сдерживали развитие музея. Они неоднократно отмечали, что пополнение музея коллекциями по русской, славянской, «инородческой» и иностранной этнографии шло исключительно в виде пожертвований¹¹⁸, что Дашковскому музею не отпускалось специальных сумм на приобретения¹¹⁹, не было возможности снаряжать целевые экспедиции для музейных сборов, что отрицательно сказывалось на содержании и качестве музейных коллекций. Лишь с введением нового штата Румянцевского музея в 1912 г. появились ассигнования на приобретение коллекций, что открывало дорогу постоянному и систематическому пополнению собраний всех его отделов.

Вместе с тем, увеличивалась теснота помещения, ухудшались условия хранения и экспонирования музейных коллекций. Об этом говорилось и на страницах периодики, и в отчетах музея¹²⁰. И постоянное обогащение музея коллекциями, «не находящими себе удобного размещения в старом, крайне тесном и не приспособленном здании», и возрастающее из года в год число его посетителей – все это, по убеждению сотрудников музея, наглядно и настоятельно подтверждало давно сознанную необходимость вывести Этнографический музей в другое, специальное помещение, где его органическому развитию не мешали бы «неодолимые препятствия, с какими приходится бороться в течение ряда последних лет»¹²¹.

* * *

Ряд коллекций поступал в Румянцевский музей благодаря частным лицам и различным учреждениям.

Российские ученые отмечали важную роль, которую играли частная и общественная инициатива, благотворительная деятельность в развитии отечественной науки и музеев¹²². К началу XX в. значительно возросла активность общественности и меценатов в организации и финансировании научных обществ, учебных заведений, музеев, научных мероприятий (экспедиций, выставок) и изданий¹²³. При недостаточной государственной поддержке науки и музеев частные пожертвования на научные исследования и приобретение коллекций составляли существенное подспорье¹²⁴.

Научная периодика не могла не отмечать подобные факты. Она отразила, в частности, деятельность золотопромышленника и благотворителя И.М. Сибирякова, который целенаправленно финансировал научные предприятия в Сибири. Меценат отпустил 10 тыс. руб. на экспедицию по изучению быта «инородцев Якутской области». В ее организации участвовали деятели Восточносибирского отделения ИРГО Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц. В Якутской (Сибиряковской) экспедиции (1894–1896) приняли участие Н.А. Виташевский, В.И. Иохельсон,

Э.К. Пекарский, А.И. Попов, И.И. Майнов, В.М. Ионов и другие¹²⁵. Были собраны материалы по этнографии и антропологии якутов, коллекции для сибирских музеев. В хронике «ЭО» сообщалось, что Н.А. Виташевский (в 1896–1898 гг. «консерватор», т.е. хранитель, Якутского музея) изучал быт, шаманство, юридические обычаи якутов, проводил антропологические исследования, добыв для музея различные предметы, в том числе «содержимое древней шаманской могилы»¹²⁶.

Финансированная Ф.П. Рябушинским Камчатская экспедиция 1908–1910 гг., являлась, по отзыву современников, одной из немногих русских ученых экспедиций, на которую в России частное лицо пожертвовало очень крупную сумму¹²⁷. Научная периодика того времени акцентировала внимание, прежде всего, на научной стороне этого мероприятия, экономические же интересы семьи Рябушинских, связанные с этой экспедицией, здесь не получили отражения. Между тем, полагают, что промышленников и банкиров Рябушинских в начале XX в. интересовали не только рынки сбыта их товаров, но и естественные ресурсы ряда районов Российской империи. Подобно тому, как за разведками под покровительством Рябушинских русскими учеными-геологами углей в Печорском бассейне, возможно, стоял поиск урана¹²⁸, Камчатская экспедиция была увязана с интересами династии к рыбным богатствам Дальнего Востока¹²⁹. Подобный, по выражению В.В. Богданова, «альянс русских коммерсантов с русскими учеными» получал в России в начале XX в. все больший размах.

При этом Камчатская экспедиция как научное предприятие отвечала не только деловым интересам, но и научным увлечениям Федора Рябушинского. Известно, что он, пользуясь уже достигнутым его семьей богатством, получил высшее образование в Горном институте и мог уделять время занятиям наукой, в частности, историей освоения Сибири и

вулканологией. Известный антрополог А.А. Ивановский (один из ведущих членов ИОЛЕАЭ, ученый секретарь Антропологического отдела Общества) преподавал Ф.П. Рябушинскому географию и антропологию России. В организации Камчатской экспедиции сошлись деловые и научные интересы Рябушинских, устремления русских ученых и объективная необходимость всестороннего исследования слабо изученного региона.

Ф.П. Рябушинский в 1906 г. обратился с просьбой к ИОЛЕАЭ, Императорской академии наук (ИАН) и ИРГО принять под свое покровительство планировавшуюся экспедицию, которая должна была включать в себя археологическое, антропологическое, этнографическое, геологическое, географическое, ботаническое, зоологическое обследование Камчатки. Экспедиция была рассчитана на два года. Меценат отпустил по 100 тыс. руб. в год¹³⁰ и еще 100 тыс. руб. на публикацию трудов экспедиции¹³¹. Перспектива такого издания в России, на русском языке особенно приветствовалась российскими учеными. Ибо только после обнародования, опубликования полученных материалов, как они полагали, можно было считать экспедицию успешно завершенной и результативной для науки¹³².

Собранные коллекции должны были поступить в музеи Москвы и Петербурга. К этому научному предприятию, щедро оплаченному и технически хорошо оснащенному, были привлечены известные ученые, которые провели исследования на высоком профессиональном уровне. В свою очередь, они воспользовались экспедицией для получения новых знаний, продолжения и расширения своих научных работ¹³³. Экспедиция продолжалась и после смерти Ф.П. Рябушинского, умершего от туберкулеза в марте 1910 г. на 26-м году жизни¹³⁴.

Основные этапы проведения этнографической части экспедиции получили отражение в материалах «ЭО». В этнографо-антрополого-археологическом отряде экспедиции

работали два человека – известный отечественный антрополог, этнограф, археолог, в то время сотрудник МАЭ В.И. Иохельсон (1855–1937) и его жена Д.Л. Иохельсон-Бродская, которая занималась медицинскими и антропологическими исследованиями. Начиная с 1908 г. в течение полутора лет они изучали материальную и духовную культуру, языки, фольклор населения Алеутских островов, собирали антропологический и археологический материал в этом районе. Затем работа была развернута учеными в 1910–1911 гг. на Камчатке. Для В.И. Иохельсона Камчатская экспедиция стала продолжением его научной работы, проводившейся исследователем в Сибиряковской и Джезупской экспедициях. Экспедиция Рябушинского была снабжена фото- и киноаппаратурой, фонографом. Были собраны большие этнографические, археологические и антропологические коллекции¹³⁵. Еще в 1910 г. «ЭО» отмечало, что пока не решен вопрос, какому учреждению они достанутся¹³⁶. В 1911 г. стало известно, что этнографические и антропологические коллекции, собранные В.И. Иохельсоном, «одним из лучших коллекторов-этнографов», передаются вдовой Ф.П. Рябушинского, согласно воле покойного, в Румянцевский музей¹³⁷.

После окончания экспедиции собранные коллекции были доставлены с Дальнего Востока в Петербург и выставлены в здании ИРГО. В.В. Богданов, которому было поручено перевезти их в Москву и устроить в Румянцевском музее, вспоминал, что благодаря поддержке директора музея кн. В.Д. Голицына удалось «преодолеть претензии на эти коллекции со стороны Русского географического общества и Академии наук, а также – жесткие условия, поставленные вдовой Рябушинского». Т.К. Рябушинская требовала, чтобы в Румянцевском музее специальный зал был выделен под коллекции, оборудован стеклянными шкафами и назван именем Федора Рябушинского¹³⁸. Несмотря на тяжелое положение, в

котором постоянно находился музей, эти требования были выполнены.

В день празднования 50-летия перенесения Румянцевского музея из Петербурга в Москву (1862–1912) в музее был открыт зал с выставленными этнографическими и археологическими предметами, поступившими из Камчатской экспедиции. Собранные В.И. Иохельсоном коллекции, по отзывам ученых, давали наглядное представление о современном быте и историческом прошлом алеутов и камчадалов (ительменов), о взаимных отношениях культур народов азиатского и американского побережий Берингова моря¹³⁹. Ценности коллекциям добавляло то, что само их собирание носило комплексный характер, как и научная программа Иохельсона в целом: этнографические материалы дополнялись археологическими и антропологическими, а также географическими, метеорологическими, ботаническими и зоологическими. С другой стороны, в рамках собственно этнографических исследований данные по материальной культуре дополнялись сведениями по духовной культуре, фольклору и языку изучаемых народов.

Как и из предыдущих своих экспедиций, так и из Камчатской, В.И. Иохельсон вывез не «немые» коллекции¹⁴⁰. Согласно планам, сам собиратель составлял описание привезенных им коллекций, что, по убеждению этнографов, было очень важно для выявления их научной ценности¹⁴¹. Материалы отрядов экспедиции планировалось опубликовать на средства Рябушинского, но их научная обработка и подготовка к изданию были прерваны первой мировой войной и революцией. В.В. Богданов составил краткий каталог-путеводитель по коллекциям, собранным В.И. Иохельсоном и находившимся в Дашковском музее, опубликованный музейем в 1914 г.¹⁴²

В целом, Камчатская экспедиция явилась примером плодотворного сочетания поставленных практических и научных задач и их решения.

В американской Северо-Тихоокеанской экспедиции, снаряженной несколькими годами ранее на средства мецената и председателя совета Американского музея естественной истории (Нью-Йорк) Морриса Джезупа (умер в 1908 г.), представители российского научного сообщества видели яркий и завидный пример организации крупного этнографического предприятия в области этнографической науки. Джезупа они относили к «тому нередкому в Америке типу дельцов, которые, нажив финансовыми операциями большое состояние, употребляют его затем на поддержку... ученых предприятий и учреждений»¹⁴³.

Работа Джезупской экспедиции, которая началась в 1900 г. и руководилась Ф. Боасом, отражена на страницах «ЭО». В составе ее русского этнографического отряда на территории Российской империи работали известные российские ученые (В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг). Коллекции собирались для Американского музея естественной истории¹⁴⁴. Труды экспедиции были изданы музеем «с привычной роскошью, солидностью и точностью»¹⁴⁵. В частности, в 1908–1909 гг. вышли в свет на английском языке иллюстрированные монографии В.И. Иохельсона о коряках (W. Iochelson. The Kor-yak) и В.Г. Богораза о чукчах (W. Bogoraz. The Chukchee). Московские этнографы с сожалением отмечали, что цена этих книг слишком высока для русского читателя (около 40 и 30 руб. соответственно)¹⁴⁶, а перевод на русский язык даже не планировался. «Странная судьба русской этнографической науки», – замечали они в связи с этим¹⁴⁷. На русском языке монографии В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза появились много лет спустя¹⁴⁸.

В 1904 г. В.И. Иохельсон в статусе ассистента Американского музея естественной истории и В.Г. Богораз в

качестве делегата от ИОЛЕАЭ выступали на международном конгрессе американистов в Штутгарте с докладами по результатам исследований в ходе экспедиции Джезупа¹⁴⁹. Джезупская и затем Камчатская экспедиции¹⁵⁰ работали на территории северо-востока Азии и северо-запада Америки и дали материалы, подтверждавшие существование «этнического моста» из Азии в Америку. В.И. Иохельсон, участник их этнографических отрядов, увязывал свои исследования, проводимые в рамках обеих экспедиций, и материалы, полученные им в Камчатской экспедиции, восполнили ряд пробелов Джезупской. Ценность коллекции, собранной для России в результате Камчатской экспедиции, состояла в том, что она в значительной мере выяснила «круготихоокеанскую проблему», поставленную учеными при организации экспедиции Джезупа¹⁵¹.

* * *

Сотрудники Этнографического отдела ИОЛЕАЭ собирали сведения по различным этнографическим темам в области материальной и духовной культуры народов России и разнообразные коллекции для Дашковского этнографического музея. Эта работа получила освещение в «Этнографическом обозрении».

Важной вехой развития этнографической науки в конце XIX – начале XX в. стала разработка и использование программ по изучению различных сторон народной культуры¹⁵². Например, в 1891 г. учителям и учительницам сельских и городских школ Московского учебного округа было разослано 6 тыс. программ по этнографии и юридическим обычаям, с прибавлением вопросов по жилищу¹⁵³. Вообще, программы как практические пособия для исследователей были разработаны, изданы и разосланы Отделом по всей России в огромном количестве экземпляров, что служило подспорьем в сборе этнографических сведений. В результате московские этнографы отмечали прилив новых достоверных материалов, оживление

«дремавших сил» в провинции и общего интереса к этнографии. Поступавшие материалы члены Этнографического отдела стремились не оставлять под спудом, а обнародовать их в виде научных докладов на заседаниях Отдела и в виде публикаций, хотя печатные возможности Общества, как уже говорилось, были весьма ограниченными¹⁵⁴.

К разработке и рассылке программ членов Отдела подталкивало и то, что они «не имея надежд ни на осуществление хорошо сорганизованных этнографических экспедиций, ни на возможность изучить этнографию России собственными сравнительно немногочисленными силами», вместе с тем наблюдали, как ценные пережитки народной старины бесследно исчезали. Поэтому в качестве задачи работы Отдела и составления программ этнографы видели если не изучение, то хотя бы собирание того, что еще жило в народе. Московские этнографы отмечали, что на их призыв с программами к российской интеллигенции она «живо и добросовестно откликнулась», русская про-винция объединилась «под флагом этнографии» и «принесла свою обильную дань науке»¹⁵⁵.

Не менее важно и объяснение, которое давалось этнографами этой работе с точки зрения нового этапа развития этнографической науки, который потребовал «перейти от сомнительных и необоснованных обобщений к детальным исследованиям отдельных вопросов». Это повлекло необходимость выработать специальные руководящие программы по отдельным конкретным темам¹⁵⁶ и уделять особое внимание изучению определенных этнографических проблем. Помимо общей программы для собирания этнографических сведений 1887 г.¹⁵⁷, которой продолжали руководствоваться многие исследователи, деяниями Этнографического отдела ИОЛЕАЭ были составлены и изданы программы по обычному праву, верованиям.

Также в «ЭО» появился ряд программ для сбора сведений по отдельным отраслям материальной культуры и соответствующих коллекций для Дашковского музея. Учеными было уделено особое внимание изучению и коллекционированию отдельных групп этнографических предметов. Среди таких программ – уже упоминавшаяся предложенная В.Ф. Миллером краткая программа для собирания сведений по крестьянской одежде. Но если одежда относилась к числу вопросов, которые в середине XIX – начале XX в. пользовались, при общем сравнительно слабом внимании к изучению материальной культуры, известным интересом исследователей и собирателей, то такие явления культуры, как музыкальные инструменты, игрушки, пасхальные яйца (*крашенки/крашанки, писанки*), обрядовое печенье стали на рубеже XIX–XX вв. новыми темами для изучения, музейного и частного коллекционирования. Материалы «ЭО» отразили возрастание интереса к этим группам этнографических предметов и развитие их научного изучения и собирания в России.

* * *

Научная периодика играла большую роль в развитии музыкальной этнографии, изучения, частного и музейного собирания народных музыкальных инструментов. На страницах «ЭО» освещалась деятельность Музыкально-этнографической комиссии, созданной в 1901 г. в ИОЛЕАЭ при Этнографическом отделе. Ее председателем являлся Н.А. Янчук, а секретарем А.Л. Маслов. Члены Комиссии этнографы-музыканты, фольклористы, композиторы, музыканты вели исследования музыкальной культуры народов России, истории музыки, изучали народные музыкальные инструменты, хранившиеся в частных и общественных (например, в Дашковском музее и в Московской консерватории) музейных коллекциях, содействовали

пополнению коллекций музыкальных инструментов Дашковского этнографического музея.

Музыковед-этнограф А.Л. Маслов, один из наиболее активных деятелей музыкальной этнографии в России, поместил в «ЭО» исследование «малороссийской лиры» в контексте музыкальной культуры населения Орловской губернии. Описав историю лиры, музыкант-этнограф дал характеристику ее бытования у лирников в России. Маслов высказал мнение о том, что в народе исчезают и былина, и старая песня, и духовный стих, вместе с ними исчезают исполнители и их спутники музыкальные инструменты в связи с тем, что «культурный элемент неудержимо вливается в народные массы, и народные инструменты заменяются более совершенными». И лире, как и другим выходящим из употребления инструментам, по мнению автора, суждено сделаться только достоянием музеев. Лира, описание и обстоятельства покупки которой дал А.Л. Маслов, была им пожертвована в Дашковский музей¹⁵⁸.

В 1901 г. Музыкально-этнографическая комиссия поместила в журнале составленную А.Л. Масловым программу для собирания народных песен и других музыкально-этнографических материалов. Этнографы придавали научное значение «всем напевам», однако главное внимание собирателям предлагалось обратить на старинные, исчезающие песни. Искать их нужно было в местах, удаленных от культурных центров, не затронутых заводской и фабричной культурой и отхожими промыслами, а первым признаком старинности песни считалась ее запись от пожилых людей. Следовало зафиксировать точное место собирания материалов, с указанием расстояния от ближайших го-родов, фабрик, железной дороги.

Народные инструменты входили в число тех музыкально-этнографических материалов, которые должны интересовать собирателя. Инструменты желательно было собирать,

фотографировать, описывать их устройство, материал изготовления, способ игры, звук, отмечая, кто, что и когда на них играет. При-чем, в случае с музыкальными инструментами собиратель также должен был обращать особое внимание на старинные образцы. Комиссия приглашала присыпать материалы Н.А. Янчуку на адрес Дашковского музея¹⁵⁹. В следующем году эта программа была издана тиражом 3 тыс. экз. и разослана, в ответ на нее от разных лиц в Комиссию поступали музыкально-этнографические материалы¹⁶⁰.

Однако работа в области музыкальной этнографии, сетовали московские этнографы, тормозилась скучостью материальных средств. То же, впрочем, можно было сказать и в отношении других направлений этнографической науки. Но члены Отдела питали надежду на то, что наступят лучшие времена, «когда для разумной силы найдутся достойные покровители»¹⁶¹. Этнографический отдел ИОЛЕАЭ и входившие в его состав деятели музыкальной этнографии устраивали этнографические концерты, на которых звучали народные музыкальные инструменты. Концерты знакомили публику с народной музыкой и народными инструментами, а также давали некоторые средства на музыкально-этнографические экспедиции и издания¹⁶². Сами члены Отдела и Комиссии во время своих поездок с научными целями собирали народные музыкальные инструменты, которые затем передавались в Дашковский музей.

Московские этнографы отмечали, что музыкальная этнография получала развитие и в Петербурге, в частности, в деятельности Песенной комиссии ИРГО. Комиссия вела организационную работу с тем, чтобы народная музыка, народные исполнители и музыкальные инструменты были представлены на первой Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Таврическом дворце в 1902 г.¹⁶³

Усиление внимания к музыкальной этнографии, наметившееся к началу XX в., этнографы связывали с общим

оживлением в научным кругах интереса к народному творчеству. Но и в музыкально-этнографических исследованиях, как и в работе по другим темам этнографической науки, ученые считали необходимым прежнему «любопытству», «курьезу» и «сентиментальной идеализации» противопоставить стремление получить «точное знание». Соответственно этой точке зрения, этнографы начала XX в. стали выражать недоверие и собранным в прежние годы материалам, считая их недостаточно точными и достоверными, и сделанным на их основании выводам. Музыкально-этнографические поездки сотрудников Этнографического отдела ИОЛЕАЭ и других научных центров дали ученым основания утверждать, что народная песня и народная поэзия не исчезли, а лишь ждали своих серьезных исследователей¹⁶⁴. На 12-м Археологическом съезде в Харькове прозвучало утверждение, что вымирание кобзарства – миф, кобзари «все еще хранят, хотя и с трудом, свое песенное богатство и все ждут... ленивых адептов науки, чтобы ими занялись, как они того заслуживают, и сохранили бы их достояние для последующих поколений. Но ученые медлят»¹⁶⁵.

Московские деятели науки объясняли сложившуюся ситуацию общим состоянием русской науки. Для занятий музыкальной этнографией нужны были музыканты-этнографы и этнографы-музыканты, то есть подготовленные специалисты, обладающие знаниями и в области музыки, и в области этнографии. Между тем в России таких исследователей было мало, и более того, само существование учреждений, ведающих музыкальной этнографией, по словам Н.А. Янчука, было крайне шатко и неопределенno. Признавалось, что объем работы, которую они могли выполнять и выполняли, для такой страны, как Россия, с ее огромными интересными и малоисследованными этнографическими богатствами, был явно недостаточен.

Дело изучения народных музыкальных инструментов, как считали ученые, находилось только в зачатке. Осмысленная запись образцов народной инструментальной музыки была невозможна без знакомства с народными инструментами. Большинство народных музыкальных инструментов квалифицировалось учеными того времени как «некультурные», и многие профессиональные музыканты практически не имели сведений об их строе, употреблении и даже внешнем виде. Для изучения музыкальных инструментов музыкантам-этнографам могли бы быть полезны соответствующие музейные коллекции. Тем более, в русской науке начала XX в. утверждалось понимание того, что научному изучению какого-либо предмета «должно, как всегда, предшествовать собирание коллекций, и ученый, который бы заинтересовался этим предметом, обратится прежде всего к музеям, чтобы не езда далеко, в натуре ознакомиться с характерными экземплярами» интересующего предмета.

Между тем, русские ученые наблюдали в музеях и консерваторских собраниях качественную и количественную бедность музыкально-этнографических коллекций: коллекции инструментов невелики, малоизвестны, научно практически не изучены, их сохранность «незавидная». Историко-этнографические исследования А.С. Фаминцына, Н.И. Привалова, В.А. Мошкова, Д.И. Аракишвили (Аракчиева), посвященные народным инструментам, считались единичными и лишь частично охватывающими проблему. В связи с этим московские этнографы замечали, что за границей положение в сфере музыкальной этнографии, в том числе по части музейных коллекций, было ненамного лучше¹⁶⁶. Известная деятельница музыкальной этнографии Е.Э. Линева считала, что в этом направлении необходима громадная коллективная работа, нужны «целые фаланги собирателей», ибо драгоценный источник старинных песен грозил скоро иссякнуть, исчезнуть под новыми наслоениями¹⁶⁷.

Накануне первой мировой войны Музыкально-этнографическая комиссия планировала организацию этнографических концертов уже не только в Москве, но и в других городах по программе, выработанной Комиссией. Московские этнографы намеревались наладить более интенсивное собирание памятников народного музыкального творчества по территории страны. Для повсеместной регистрации этих материалов предлагалось использовать местные научные общества и специально учрежденные местные песенные комиссии. Комиссией было решено разослать соответствующие циркулярные обращения к учреждениям и частным лицам. Планам созыва съезда музыкантов-этнографов в Москве помешала война¹⁶⁸. 15-й этнографический концерт был устроен в 1915 г. в пользу лазарета при Политехническом музее¹⁶⁹.

Интерес к музейной музыкальной этнографии в конце XIX – начале XX в. возрастал. Ряд исследований в этой области был удостоен научных наград. Например, в 1908 г. премия по этнографии имени великого князя Сергея Александровича, учрежденная при ИОЛЕАЭ, была присуждена за труд А.Л. Маслова «Иллюстрированное описание народных музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве», вскоре изданный¹⁷⁰. Эта работа охватила обширный научный и музейный вещевой материал. Автор опубликовал большинство народных музыкальных инструментов, хранившихся в Дашковском музее, а это собрание московские этнографы считали самым большим в России.

А.Л. Маслов исследовал эти предметы не по этнографическому принципу, как они распределялись в музейных коллекциях, а по техническо-музыкальным группам (струнные, духовые, ударные). Представляя каждый инструмент, ученый указывал народность, местное название, если в документах при музеином предмете была такая информация, а также описывал вид инструмента, его

устройство, составные части, материал, размеры, способ игры и строй, если степень сохранности инструмента позволяла его определить. Автор давал и библиографическую справку: он ориентировался и в отечественной, и в иностранной литературе по данному вопросу¹⁷¹, а также посетил ряд музеев Западной Европы, где изучил имевшиеся там коллекции народных музыкальных инструментов¹⁷². Проведя сравнительное изучение инструментов, А.Л. Маслов смог сделать некоторые поправки в их музейную номенклатуру.

Коллеги, ученые разных специальностей высоко оценили научную и музейную значимость труда, осуществленного Масловым. Они видели в нем первый опыт научно-систематического иллюстрированного описания тематической коллекции, составлявшей значительную часть собрания этнографического музея. Работа А.Л. Маслова могла служить источником и справочным трудом для дальнейших подобных исследований, в которых нуждались не только другие коллекции Дашковского музея, но и собрания других музеев России. Московские этнографы не могли не отметить, что большинство описанных инструментов поступило в Дашковский музей через ИОЛЕАЭ, его Этнографический отдел и от самого исследователя¹⁷³. Через некоторое время музыкoved-этнограф снова посетил Западную Европу, где в музеях Берлина, Базеля, Цюриха, Вены изучал коллекции для исследования на тему «Народные музыкальные инструменты, их эволюция и географическое распространение». После гибели А.Л. Маслова в сражении в годы первой мировой войны собранная им частная коллекция народных музыкальных инструментов через его брата поступила в Музикально-этно-графическую комиссию, которая, в свою очередь, передала эту коллекцию в Дашковский музей¹⁷⁴.

Работа по музыкальной этнографии, проводившаяся отечественными учеными, знакомила широкую общественность с народной музыкой и народными музыкальными

инструментами, делала народную музыку достоянием русской культуры и этнографической науки.

В этой связи необходимо отметить то важное значение, которое придавалось представителями ученых кругов успехам коллег в изучении материальной культуры. Научными премиями в области этнографии все чаще отмечались не только заслуги в разработке какой-либо темы или в монографическом исследовании этнической группы, но и собранные «систематические и более полные коллекции предметов, иллюстрирующих быт населения России»¹⁷⁵. Так, полковник В.А. Мошков был награжден премиями столичных научных обществ за свои труды в области музейного дела и этнографии, в том числе музыкальной. Отделение этнографии ИРГО присудило ему серебряную медаль¹⁷⁶ за работу «Труба в народных верованиях», которая основывалась на личных полевых наблюдениях автора, данных этнографической литературы, изучении коллекций труб в зарубежных и российских музеях.

Известно, что В.А. Мошков был активным собирателем этнографических предметов для музеев. Например, в 1890-х годах он передал в МАЭ ряд коллекций по народам Европейской части России¹⁷⁷. В их состав входили разнообразные предметы культуры, в том числе музыкальные инструменты. Собранные Мошковым этнографические памятники, наряду с другими материалами, использовались им в научной работе, чему примером служит исследование о трубе. К слову, оно было опубликовано в виде большой статьи в «ЖС» (в III и IV вып. за 1900). ИОЛЕАЭ отметил собирателя премией имени вел. кн. Сергея Александровича за исследование, посвященное этнографии гагаузов; оно было опубликовано в «ЭО» в нескольких номерах за 1900–1902 гг. И в этом случае учитывались представленные В.А. Мошковым в Этнографический отдел фотографии и иллюстративные материалы, а также переданные в МАЭ ценные вещевые

коллекции по этнографии гагаузов¹⁷⁸. Позднее Отдел принес в дар Румянцевскому музею 25 таблиц фотографий, сделанных с гагаузских коллекций В.А. Мошкова МАЭ¹⁷⁹.

* * *

Значительное внимание этнографов, собирателей музейных коллекций стало привлекать такое явление культуры, как пасхальные яйца. Серия таких исследований появилась в 1880-х годах впольской и немецкой этнографической литературе. Получили известность заграничные музейные и частные коллекции крашенок, эти этнографические предметы экспонировались на выставках.

Российские ученые также обратили внимание на это явление народной культуры. Украинский этнограф Н.Ф. Сумцов в 1889 г. отмечал, что этнографические вопросы, связанные с бытованием пасхальных яиц у славянских народов, в отечественной литературе пока не разработаны. Между тем, по его мнению, изучение писанок могло дать материал, характеризующий эстетику искусства и религиозно-нравственные установки народа. Ученый предложил краткую программу для сбора сведений о пасхальных яйцах, учитывавшую не только обстоятельства и технологию окраски яиц, но и особенности рисунка, а также относящиеся к ним поверья, обряды и поговорки. К соображениям Н.Ф. Сумцова редактор «ЭО» Н.А. Янчук добавлял, что в России есть коллекции пасхальных яиц (у нескольких частных лиц, в том числе у самого Янчука и в Дашковском музее), но о них мало кто знает¹⁸⁰.

Спустя несколько лет, в 1898 г. Н.А. Янчук возвращает читателей «ЭО» к этому вопросу, отмечая значительный рост за прошедшее время публикаций о писанках и соответствующих коллекций как в общественных (Дашковский, Варшавский этнографические музеи), так и в частных хранилищах (музей Е.Н. Скаржинской в Лубнах и Городецкий музей на Волыни). Скаржинская издала программу для собирания народных

писанок, а затем альбом собственного и других собраний пасхальных яиц. Воспользовавшись программой Е.Н. Скаржинской, Н.А. Янчук на страницах «ЭО» обратился к собирателям с просьбой присыпать сведения об орнаментированных яйцах и коллекции и предложил ряд вопросов, которыми желательно было руководствоваться в этой работе.

Как и в программе Н.Ф. Сумцова, спрашивалось, когда и как писались писанки, какими красками, орудиями, приемами, какие использовались рисунки и цвета, какими обычаями, обрядами, преданиями, сказками, песнями, поговорками сопровождалось их изготовление и проч. Следовало сообщать народные названия, точное место, где получены сведения и собраны писанки, указать этническую принадлежность, пол, возраст, общественное и семейное положение, если возможно, то и имя человека, у которого получены сведения и собраны коллекции.

Этнографы считали, что обычай изготовления орнаментированных яиц в народе клонился к упадку, и их интересовали причины такого положения дел. Осознавая важность данного явления культуры в этнографическом, археологическом, художественном смысле, ученые считали нужным организовать сбор сведений и коллекций, отражавших эту отрасль стариинного народного искусства. В «ЭО» даны инструкции, как правильно сохранить и переслать собранные пасхальные яйца. Н.А. Янчук пригласил присыпать их в Дашковский музей напрямую или через Этнографический отдел ИОЛЕАЭ (обещая сообщать о присланных предметах в журнале), либо в музей Е.Н. Скаржинской¹⁸¹.

В ответ на призыв «ЭО» изучать и собирать пасхальные яйца сотрудник Этнографического отдела из Черниговской губ. А.Н. Малинка прислал подробный рассказ о писанках (окрашенные яйца с узорами) и крашанках (окрашенные яйца без узоров) и их бытовании в Волынской губ., по упомянутой

программе. При этом Малинка сообщил, что несколько лет назад послал в дар Дашковскому музею коллекцию писанок, собранную им в Волынской губ. Редакция отвечала, что из более чем сотни посланных собирателем пасхальных яиц «к сожалению, многие не дошли благополучно».

Московские сотрудники журнала и Отдела возобновили просьбу к читателям присыпать дальнейшие сведения и коллекции, и опубликовали варианты рисунков писанок из разных губерний России, хранящихся в Лубенском и Дашковском музеях, а также писанок из Галиции, опубликованных в польских литературных источниках¹⁸². В последующие годы, как показывают материалы «ЭО» и другие источники, собрание Дашковского музея продолжало пополняться писанками.

Таким образом, интерес к изучению и собиранию пасхальных яиц возрастал, и происходило это не без стимулирующего влияния научной периодики. Разработка и введение в практику сбора этнографического материала специальных программ способствовали научной фиксации различных пластов традиционной культуры.

* * *

Особое внимание этнографов в конце XIX – начале XX в. стала привлекать игрушка как объект изучения и музейного коллекционирования, что получило отражение в различных историографических источниках, в том числе в научной периодике. В «ЭО» освещалась работа выставки игрушек в Москве в 1909 г. Ее инициатор и устроитель директор Кустарного музея московского земства художник Н.Д. Бартрам определял целью выставки обратить внимание общества на значение игрушки, проследить происхождение русской игрушки, развитие техники и влияние народного творчества, эпохи и окружающей среды. Организаторы просили вместе с посыпаемыми экспонатами (игрушки «русские» и «инородческие», а также пряники) сообщать, где и когда они

приобретены, к какому времени и месту владелец относит ее происхождение.

При том что выставка считалась выставкой игрушек «прошлого», собирателям предлагалось экспонировать на ней и старинные, и современные народные игрушки, ибо те и другие представлялись источником, ценным для этнографической науки в деле изучения истории культуры народов. Московские этнографы оценивали выставку как вполне этнографическую и научно продуманную, заметив, что она с большим интересом посещалась и детьми, и взрослыми.

Н.Д. Бартрам пропагандировал идею создания Музея игрушки, который служил бы источником для дальнейшего развития игрушечного дела в России и материалом для его изучения. Такой музей был организован Н.Д. Бартрамом после Октябрьской революции, а пока исследователь занимался сбором коллекций для Кустарного музея, иллюстративных материалов и сведений об игрушке по специальной программе. Также под его руководством кустари изготавливали игрушки по народным образцам, по старинным лубкам и музейным экспонатам («этнографическим группам» из собрания Румянцевского музея)¹⁸³.

Отметив развивающееся в России собирание музеями коллекций игрушек, появление новой литературы по данной теме, стремление к реставрации игрушки в народном духе или по народным образцам в кустарном производстве, возросший интерес публики, собирателей и ученых к игрушке, В.В. Богданов предлагал обратить внимание на ряд проблем, связанных с собиранием и изучением этого сложного феномена культуры. Например, он считал важным в исследовании различать «специально-игрушки», то есть предметы, изготовленные для игры самими детьми или взрослыми для детей с учетом «детской психологии», и «случайные игрушки», то есть предметы, не являющиеся специально-игрушками, а используемые в качестве игрушки. Этнограф должен был

уловить и адекватно интерпретировать «примитивные», «народные» и «культурные» элементы игрушки, взаимные связи детской игры и игрушки.

Выражая мнение многих ученых того времени, В.В. Богданов полагал, что «исследователь идет, конечно, вслед за собирателем», потому на собирателе лежит большая ответственность за полноту и точность сведений, представленных им для собранных им коллекций. Научное изучение игрушки, по мысли В.В. Богданова, будет успешным только тогда, когда будут иметься научные коллекции, должным образом скомплектованные и снабженные необходимым описательным материалом. Поэтому прежде всего работы описательного характера и коллекции с достоверными научными иллюстрациями должны быть предметом ближайших занятий в этой области. Требуется осмотрительность при собирании и описании «специально-игрушек» сделанных как детьми, так и взрослыми для детей. Что же касается «случайных игрушек», то, по представлениям Богданова, следовало собирать для музеев не столько их, сколько описания с иллюстрациями, отражающие детские игры и забавы с этими предметами¹⁸⁴.

Программные заметки В.В. Богданова были попыткой классифицировать игрушку с учетом ее функционального значения, привнести теоретическую основу и систематичность в процесс изучения и собирания игрушки как ценного этнографического источника. Этнографическое изучение игрушки представлялось ученыму сложным и трудновыполнимым. Во всяком случае, он утверждал, что чтобы установить и изучить категории игрушек, их появление у детей разных, в частности, как тогда выражались ученые, «малокультурных» народов, их связь с детской психологией и детской игрой, их отношение к «примитивным» элементам культуры, их изобретение, бытование, заимствование,

производство, нужно было собрать огромные, строго научные коллекции¹⁸⁵.

* * *

Исследовались этнографами и другие отрасли материальной культуры.

В первые годы XX в. объектом для активного изучения и музейного собирания стало русское и украинское обрядовое печенье, что получило освещение в этнографической периодике. На страницах «ЭО» помещались сообщения о коллекциях обрядовых печений, поступавших в Дашковский этнографический музей: от Р.С. Данковской из «малороссийских» (украинских) слобод Курской губ., из г. Белгорода и Белгородского уезда, из Фатежского уезда Курской губ.¹⁸⁶; от П.И. Васильевой из Малоярославецкого уезда Калужской губ.¹⁸⁷; от крестьянки Д.А. Яковлевой из Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губ.¹⁸⁸; от О.Г. Ивановой из Михайловского уезда Рязанской губ.¹⁸⁹; от Е.А. Масленниковой из Рязанского уезда¹⁹⁰; от П.М. Козловой из Юрьевского уезда Владимирской губ.¹⁹¹ Эти сообщения сопровождались более или менее подробными описаниями предметов и тех событий религиозной и семейной жизни, к которым приурочено изготовление того или иного вида печения.

Некоторые виды обрядового печения представлены как уже исчезнувшие или исчезающие из народного быта. Р.С. Данковская, описывая отдельные образцы украинского обрядового печения Курской губ., заметила, что это восстановленные в памяти «стародавних бабушек» модели с печений, исчезнувших несколько десятков лет назад. Эти модели с подробным описанием соответствующих обрядов собирательница и передала в собрание музея. Своими публикациями в «ЭО» московские этнографы поддерживали интерес к наблюдениям, изучению и собиранию обрядового печения, которое признавалось учеными важным этнографическим источником. Обрядовое печенье рассматривалось отечественными

специалистами как явление не только материальной, но и духовной сферы культуры, и такое понимание этнографического предмета было новым достижением науки этнографии.

Это в полной мере относится к культовым предметам¹⁹². То же можно сказать в связи с интересом этнографов к такому обрядовому предмету, как «кукушка». Это трава «кукушкины слезки», одетая в сарафан, рубаху и платок и являющаяся атрибутом обряда «крещения и похорон кукушки». Три исследовательницы поместили в «ЭО» (№ 1–2 за 1912 г.) свои наблюдения этого обряда и участия в нем «кукушки»: Р.Е. Кедрина в статье «Обряд “крещения” и “похорон кукушки” в связи с народным кумовством» (в частности, по материалам Козельского уезда Калужской губ.); В.Н. Харузина в статье «Обряд “крестить кукушку” в Орловской губернии»; Е.Н. Елеонская в статье «Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях». Фотографии, запечатлевшие разные стороны обряда и саму «кукушку», были сделаны Р.Е. Кедриной и Е.Н. Елеонской и пожертвованы через редакцию «ЭО» в Дашковский этнографический музей¹⁹³.

Внимание этнографов было обращено также на изучение и собирание для музеев коллекций русского кружева. Этнографический отдел ИОЛЕАЭ в 1912 г. командировал В.Л. Турбину в Елецкий и Мценский уезды Орловской губ. для работы по этой теме. Результатом поездки стало научное исследование и собранная для Румянцевского музея коллекция елецких кружев и вышивок. В 1913 г. В.Л. Турбина, к этому времени за свои этнографические труды избранная в члены-сотрудники Этнографического отдела ИОЛЕАЭ¹⁹⁴, была командирована Отделом для изучения народных кружевых промыслов, представленных на третьей Всероссийской выставке кустарных изделий в Петербурге.

Интересно мнение этнографов по поводу современного им состояния кружевых и других народных промыслов. Вообще,

проблемы кустарной промышленности и народного искусства с точки зрения этнографии занимали умы исследователей. В частности, этнографы могли высказать свое суждение по поводу влияния технического и художественного инструкторства, требований рынка, привнесенных извне идей и форм на кустарную промышленность как на самобытное народное творчество. Этнографическое изучение русских кустарных промыслов В.В. Богданов связывал с необходимостью исследования «поступательного движения культуры» на всех стадиях ее развития, «от самых примитивных до самых высоко-культурных». Этнографы считали желательным научное изучение кустарных производств в их прошлом и настоящем состоянии, и в этой работе важная роль отводилась научным музеям и обществам: местные деятели призывались исследовать, описывать, коллекционировать для музеев и изучать предметы русского кустарного производства¹⁹⁵.

В.Л. Турбина в связи с увиденным на Кустарной выставке замечала, что «экономически чрезвычайно полезная для населения и заслуживающая всякого уважения деятельность земств и частных лиц все же способствовала большому обезличению кружев». На выставке, по ее мнению, оказалось выставлено наименее интересное с точки зрения этнографа – рыночное, модное, привитое интеллигенцией; техника, узоры кружев благодаря вмешательству интеллигенции и неизбежному приноравливанию ко вкусам потребителя становятся все более однородными по всей России. Как исключение В.Л. Турбина отмечала кружева, изготовленные петербургской Мариинской школой кружевниц и рязанской школой госпожи Половцовой, которые воспроизводили образцы старинных русских кружев.

В целом же не только кружево, но и вся выставка произвели на Турбину впечатление «переделки народного в стиле модерн», при этом, наиболее характерное, типичное, «не

подверг-шееся влиянию интеллигенции» осталось на местах, за исключением нескольких попавшихся «подлинно народных», сохранивших «прежний тип» старинных и современных кружев. Среди них исследовательнице показались наиболее интересными в смысле сохранения старой техники и старых узоров кружева из Михайловского уезда Рязанской губ., которые тут же на выставке плела и объясняла кружевную номенклатуру михайловская крестьянка. Именно эти образцы приобрела В.Л. Турбина, планируя передать их в Румянцевский музей после завершения своего исследования, посвященного кружевам Орловской губернии.

Существовали и частные коллекции кружев, например, коллекция известной исследовательницы и собирательницы С.А. Давыдовой, относящаяся к 1880-м годам. В 1910-х годах эта коллекция, по сведениям В.Л. Турбиной, прежде недостаточно оберегавшаяся и сохранившаяся не полностью, находилась в Мариинской школе кружевниц. Здесь В.Л. Турбина приобрела для Румянцевского музея фотографии со старинных образцов елецкого кружева, найденного С.А. Давыдовой¹⁹⁶. Во время первой мировой войны исследовательница продолжала изучение материальной культуры; в 1915 г. на заседании Этнографического отдела прозвучал ее доклад, посвященный народному костюму и кружевоплетению Мценского уезда Орловской губ., во время которого В.Л. Турбина демонстрировала собранные в экспедиции образцы и рисунки¹⁹⁷.

Изучались и другие группы предметов материальной культуры. В.В. Богданов обращал внимание этнографов на важность и необходимость исследования и собирания бирок в своей статье «Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей». По отзыву ученого, этнографическое изучение бирки у русских только началось; музейный материал по биркам скучен, сведения о них в литературе редки. В.В. Богданову не удалось встретить бирки и в описаниях и

указателях коллекций российских этнографических и историко-археолого-гических музеев. Он был убежден, что при таком состоянии научных (музейных и литературных) материалов изучение происхождения и современного бытования бирки было задачей непростой.

Между тем, бирка представлялась ученым того времени не просто счетной палочкой, а юридическим документом, определяемым хозяйственно-правовыми нормами и отношениями членов общины; предметом, в известной мере отражавшим общественно-экономическую организацию. Затронув различные аспекты бытования бирки у разных народов Европы, Богданов счел, что необходимы усилия общеевропейской этнографической науки для изучения древнейших элементов этого явления культуры. Исследование В.В. Богданова в «ЭО» было дополнено сообщением Е.Н. Клетновой «Записка о метах и знаках собственности Вяземского уезда»¹⁹⁸. Думается, не без влияния данных научных устремлений в числе предметов, поступавших в собрание Дашковского музея, появились и бирки, как в упоминавшейся выше коллекции, привезенной членом Этнографического отдела П.Г. Богатыревым из экспедиции в Шенкурский уезд Архангельской губ.

Таким образом, материалы «ЭО» отразили основные вехи истории Этнографического отделения Румянцевского музея. Особое внимание уделялось разнообразным связям ИОЛЕАЭ с музеем, новым поступлениям, издательской деятельности музея. Следует иметь в виду, что регулярно публиковались отчеты музея, содержащие сведения о росте этнографических коллекций, текущей научной, хранительской, музейно-технической, экспозиционной, просветительной (экскурсии по экспозиции для посетителей) работе¹⁹⁹. По сведениям И.И. Шангиной, в коллекциях Этнографического отделения Румянцевского музея к началу первой мировой войны насчитывалось свыше 50 тыс. ед. хр., в частности, вещевое

собрание Этноотделения составляло свыше 20 тыс. предметов. Это учреждение развивалось как научно-публичный музей²⁰⁰. Несмотря на отмеченные разнообразные трудности в музейной деятельности, картина развития музеиного дела предстает в источниках в целом динамичной и положительной.

Другие музеи Москвы

В материалах «Этнографического обозрения» известное внимание уделено Антропологическому музею Московского университета, своего рода фрагменту музейного плана А.П. Богданова, о котором говорилось выше. Этот научно-учебный музей в своей организации и деятельности был тесно связан с ИОЛЕАЭ. В 1908 г. в журнале сообщалось о произошедшем перемещении музея из здания Исторического музея в старое здание университета на Моховой улице, о росте за прошедшие годы коллекций всех отделов музея – и по физической антро-логии, и по археологии и палеонтологии, и по этнографии. Музей обладал коллекциями по этнографии народов Сибири, Средней Азии и других регионов России, а также народов Азии, Африки, Америки, Океании.

При этом в заметке «ЭО» об Антропологическом музее содержится важное замечание: «музей не задается специальной целью собирания коллекций по этнографии, предоставляя это настоящим этнографическим музеям»²⁰¹. Это указание на концепцию музея, выраженную Д.Н. Анучиным, согласно которой «этнография не может... получить значительного развития в Антропологическом музее как по недостатку для того средств, так и по ограниченности помещения», и собирать этнографические коллекции в более широких масштабах должны специальные этнографические музеи – Этнографическое отделение Румянцевского музея в Москве, Этнографический музей (МАЭ) Императорской академии наук и Этнографическое отделение Русского музея Александра III в

Петербурге. В Антропологическом же музее, по необходимости, приходилось ограничиваться только учебными коллекциями или случайными поступлениями этнографических коллекций благодаря жертвователям или выгодным покупкам²⁰².

«ЭО» сообщал и о некоторых текущих поступлениях в музей от членов ИОЛЕАЭ. Возвратившийся из организованной ИРГО экспедиции на Ямал Б.М. Житков привез для Антропологического музея этнографические и антропологические коллекции²⁰³. В этот музей поступили антропологические материалы из раскопок курганов в Новгородской губ., проводившихся членом ИОЛЕАЭ А.И. Колмогоровым²⁰⁴, а также из Камчатской экспедиции²⁰⁵. Сотрудники «ЭО» и коллеги Д.Н. Анучина по ИОЛЕАЭ отмечали роль этого ученого в организации Антропологических выставки и музея.

Музей трудами Д.Н. Анучина пополнялся коллекциями, несмотря на скучные средства, отпускаемые университетом. Развивался и созданный ученым учебный Географический музей университета, в основу которого по окончании Географической выставки 1892 г. положены коллекции, пожертвованные правительственными учреждениями, научными обществами, частными лицами, земствами. Этот музей также временно находился в здании Исторического музея²⁰⁶.

После переезда оба музея расположились в старом здании Московского университета, где были размещены более просторно и систематично²⁰⁷. При содействии Анучина и материальной поддержке ИОЛЕАЭ весной 1914 г. в Южную Америку отправилась экспедиция в составе Ф.А. Фиельструпа, Г.Г. Манизера, И.Д. Стрельникова, Н.П. Танасийчука и С.В. Геймана. В 1915 г. экспедиция продолжала свою работу. Ее участниками были собраны этнографические (среди индейцев Бразилии и Парагвай) коллекции для Москвы, в

частности, для Антропологического музея²⁰⁸. Основным организатором экспедиции являлся МАЭ, фонды которого также пополнились привезенными коллекциями²⁰⁹. По возвращении из Южной Америки исследователи (И.Д. Стрельников и Ф.А. Фиельstrup) на заседании Отделения этнографии ИРГО 13 мая 1916 г. сделали сообщения об этнографических результатах поездки²¹⁰.

В материалах «ЭО» отражена также деятельность московских Политехнического, Исторического музеев как хранилищ ценных собраний, научных и просветительных центров²¹¹; работа учебного Художественно-промышленного «музеума» при Строгановском училище технического рисования.

Этнографическое музейное дело в Петербурге

Московские этнографы следили за жизнью научных учреждений и организаций (ИАН, ИРГО и др.), этнографическими исследованиями и развитием этнографических музеев в Петербурге. Особый интерес к музеиному опыту столицы во многом объяснялся трудностями, которые этнографам-музееедам приходилось преодолевать в организации этнографического музейного дела в Москве.

Обозревая историю Географического общества с момента его основания (1845), Д.Н. Анучин упомянул о его роли в развитии этнографического музейного дела в Петербурге и в целом в России. Общество в своем помещении собирало доставляемые путешественниками и случайно присыпаемые этнографические предметы, но устроить из них «настоящий музей» не удалось²¹². Вместе с тем, в Этнографическом музее ИРГО, основанном в 1848 г., за 40 лет были собраны ценные коллекции по традиционной культуре русского и других народов России. Плодотворное коллекционирование предметов материальной культуры способствовало пробуждению интереса

общественности к этнографии русского народа, на которую до этого времени обращалось недостаточно внимания²¹³. Для организации пополнения собрания Этнографического музея ИРГО в 1863 г. была разработана и опубликована специальная программа²¹⁴.

В связи с открытием для посетителей экспозиций Музея антропологии и этнографии ИАН в 1891 г. ИРГО решило передать свои этнографические коллекции в МАЭ «в виду большей пользы при сосредоточении подобных материалов в одном учреждении»²¹⁵. Эта передача была связана со стремлением Общества сделать коллекции достоянием не только ученых, но и широкой публики²¹⁶. Затем в МАЭ поступили этнографические предметы, собранные в начале XIX в. русскими моряками в кругосветных плаваниях и хранившиеся в Адмиралтействе²¹⁷. По губерниям рассыпались циркулярные письма, в которых Академия наук обращалась с просьбой присыпать в музей этнографические предметы, предметы современного народного быта и предметы древности²¹⁸.

Периодика сообщала о некоторых новых поступлениях в академический этнографический музей от разных лиц (покупки и пожертвования), в обмен с другими музеями и из экспедиций коллекций, представлявших этнографию народов России и зарубежных стран²¹⁹, а также об экспозиции музея. Когда помещения музея были дополнительно расширены, в них были выставлены коллекции, прежде находившиеся в кладовых. Но существовало также мнение о том, что, несмотря на увеличение помещений, этнографический музей все еще не мог удовлетворять своему назначению, так как значительная часть предметов в нем не будет выставлена²²⁰.

Это было связано с представлениями конца XIX – начала XX в., согласно которым в музеях необходимо помещать все собранные коллекции в залах, открытых для посещения. Однако постоянный рост коллекций приводил к тому, что всем

им уже не находилось места в экспозиционных залах, и возникала потребность в специальных хранилищах для предметов, не использованных на экспозиции. Например, при строительстве в первые годы XX в. специального здания для Этнографического отдела Русского музея не были предусмотрены хранилища резервных коллекций, а по мере увеличения собрания были приспособлены для этих целей помещения в разных частях здания, в частности, в экспозиционных залах и подвалах. Вопрос о необходимости специальных хранилищ для фондов возник позднее, когда здание было почти готово, а коллекционное собрание приняло огромные размеры²²¹.

200-летие Петербурга (1903) ознаменовалось упомянутым расширением помещений МАЭ, созданием новой экспозиции, открытием музея в совершенно преобразованном виде. К этому юбилею музей был удостоен имени Петра Великого. Создатели экспозиции стремились «расположить рядом, в известной постепенности» коллекции народов, живущих смежно, близких по религии, культуре, языку²²². Устраивались в МАЭ также выставки новых поступлений²²³.

Публиковались путеводители по музею и его отделам, отчеты музея. С 1900 г. стало выходить повременное научное издание «Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук», и библиографический раздел московского этнографического журнала отметил это важное событие в научной и музейной жизни России. «Этнографическое обозрение» рецензиями А.Н. Максимова и В.Н. Харузиной откликнулось на появление в 1901 г. 2-го выпуска «Сборника», содержавшего «Очерк материального быта оленных чукчей». Этот труд был составлен российским этнографом В.Г. Богоразом на основании хранящейся в МАЭ ценной чукотской коллекции, поступившей от Н.Л. Гондатти. Работа В.Г. Богораза была признана крупным вкладом в русскую этнографическую литературу как впервые дающая

систематическое и строго научное представление о чукчах. В ней описываются пища, одежда, украшения, жилище, утварь, оружие, орудия труда, оленеводство, охота, игры и игрушки, культовые предметы, костяные изделия чукчей.

Как было отмечено выше, Богораз в ходе своих научных экспедиций по исследованию населения северо-востока Сибири изучил этот народ. Данное обстоятельство прибавляло ценности его труду²²⁴. Близкое и продолжительное знакомство с изучаемым народом давало ему возможность разобраться в коллекции и научно оценить каждый предмет. С другой стороны, исследователь затронул ряд явлений культуры чукчей, которые не могли быть проиллюстрированы коллекционными предметами. Поэтому, по мнению А.Н. Максимова, книга В.Г. Бого-раза – это не простое описание музейной коллекции, а труд, со-составленный на основании личных наблюдений с привлечением музейной коллекции в качестве иллюстрации.

С МАЭ и его этнографическими коллекциями была связана научная деятельность многих ученых. В российском научном сообществе высоко оценивался вклад директора (с 1894 г.) МАЭ крупного тюрколога и этнографа академика В.В. Радлова (1937–1918) в развитие науки и музейного дела. Большое значение имело введение В.В. Радловым в МАЭ системы каталогизации предметов (номер коллекции – номер предмета), благодаря которой в музейной работе становилось возможным «разрознивать коллекции», размещать предметы в любом порядке – эволюционном или культурно-этническом, по номеру коллекции на каком-либо предмете находить остальные предметы, относящиеся к этой коллекции. Отмечался также проведенный при Радлове культурно-этнический принцип в размещении коллекций в экспозиции; внутри каждой культурно-этнической группы предметы располагались по однородности их назначения и роли в культуре, что делало экспозицию более понятной для посетителей.

Московские этнографы видели в истории МАЭ, как и в истории других просветительных учреждений России, пример того, «что может сделать, при недостаточности средств, воодушевленная энергия настоящих работников»²²⁵. Музей с его ценностями коллекциями, прежде «находился в забросе», ютился в тесном помещении, имел скучный бюджет, пополнялся лишь случайными поступлениями. В.В. Радлов добился принятия новых штатов, увеличения помещения музея, притока ценных коллекций в дар, в обмен и из специально снаряженных экспедиций²²⁶.

Современниками отмечалась также значительная роль в истории российской науки и музейного дела, которую сыграл археолог, этнограф, географ Д.А. Клеменц. Он был известен, в частности, своей деятельностью в ИРГО, в его Восточносибирском отделе, в ИОЛЕАЭ, в Минусинском²²⁷ и Иркутском музеях, в МАЭ (в 1896–1900 гг.), организацией и руководством (в 1902–1910 гг.) ЭОРМ²²⁸.

В Москве стало известно из газет о том, что существовала мысль об основании «русского национального этнографического музея»²²⁹; одновременно появились сообщения о планировавшейся И. Р. Г. Обществом организации Всероссийской этнографической выставки в 1892 г. в Петербурге в Михайловском манеже²³⁰. Вероятно, эти известия были связаны с проектами национального музея и идеей о необходимости создания в столице музея народов Российской империи, которые в XIX в. разрабатывались в различных кругах российского общества.

С самого времени создания такого музея – Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1902) московские этнографы наблюдали за его организацией и развитием. В «Этнографическом обозрении» отмечалась масштабная работа по комплектованию фондов ЭОРМ – музея, в круг ведения которого входила «этнография

всех племен и народов, населяющих Российскую Империю, а также стран, входящих вообще в сферу культурнополитического влияния России, славян в особенностях»²³¹. Собрание формировалось коллекциями, приобретенными хранителями музея в экспедициях, доставленными «коллекторами», купленными или принесенными в дар²³². Многие отечественные этнографы сопровождали свои полевые исследования сбором коллекций по поручению музея. До официального открытия ЭОРМ проводились выставки новых поступлений²³³.

О развитии музея можно было узнать и из публиковавшихся отчетов. Московские этнографы из них извлекали сведения о бюджете музея, о значительном росте коллекций, о работе по регистрации, описанию, составлению карточного каталога коллекций, по оборудованию музея мебелью, фотографическими приборами и проч. Они замечали, что в отношении материальных средств ЭОРМ обеспечен не только неизмеримо лучше всех существующих этнографических музеев России, но и лучше многих западноевропейских и американских музеев²³⁴. При музее была учреждена этнографическая библиотека, которой могли пользоваться лица, интересовавшиеся этнографией. На развитие библиотеки, как и по другим статьям расходов музея, выделялись значительные суммы.

Московские этнографы приветствовали начало научного издательства музея – выход в 1910 г. первого тома повременного сборника ЭОРМ «Материалы по этнографии России». Они высоко оценивали научную значимость этого прекрасно иллюстрированного издания, в котором помещались статьи по различным этнографическим вопросам, в том числе по коллекциям музея. Музей в своих «Материалах» мог «доказать русскому образованному Обществу, как много ценного в научном отношении сохранили еще в своем быту многочисленные народности России и как надо спешить с

собиранием этого ценного материала и его изданием». Выполнить эту задачу, понимали московские коллеги, один петербургский музей не мог, нужны многие этнографические музеи по всей России в провинциальных и в университетских городах, этнографические общества и журналы. С «солидно начавшим» свою работу ЭОРМ связывались надежды на то, что этот музей сыграет, словами В.В. Богданова, «счастливую роль в истории русской этнографии и привлечет к этой молодой и мало-популярной у нас науке всеобщее внимание и симпатии»²³⁵. В 1914 г. в Москве с чувством большого удовлетворения было встречено издание и второго тома «Материалов»²³⁶.

Оценивая деятельность ЭОРМ и МАЭ, В.Ф. Миллер признавал, что в этнографическом музейном деле в России на первом месте стоял именно Петербург. Ибо здесь находился ЭОРМ, ежегодно снаряжавший поездки по всей стране с целью приобретения предметов, обладатель ценнейших коллекций, в перспективе – «наилучше обставленный этнографический музей в России». В ряд с ним В.Ф. Миллер поставил МАЭ – богатейшее собрание по этнографии народов всех частей света²³⁷.

Таким образом, в России сложились научные центры, собрания которых играли огромную роль в процессе становления музейного дела, в изучении материальной культуры народов мира, в развитии теоретической этнографии.

Этнографическое музейное дело в российских регионах

В.Ф. Миллер и его московские коллеги отмечали общий рост числа этнографических музеев и пополнение коллекций уже существовавших музеев. В европейской и азиатской частях России возникали местные музеи как общественные, так и частные. Во многих из них имелись этнографические

коллекции и устраивались этнографические отделы²³⁸. В материалах московского этнографического журнала на протяжении всех лет его издания находила отражение история местных музеев России и, в частности, их этнографической деятельности, формирования их этнографических собраний и отделов. Сообщалось об уже существовавших музеях, о создании или планах организации новых музеев в различных местностях; о составе коллекций, бюджете, о собирательской, научной, просветительной, издательской работе, о разного рода проблемах местных музеев. Эти сведения, рассеянные по газетным, журнальным публикациям, отчетам музеев и научных учреждений и организаций и собранные воедино и осмысленные учеными на страницах «Этнографического обозрения», чрезвычайно интересны и важны для истории музейного дела в России.

Московские этнографы отмечали работу музеев в разных регионах Российской империи, которые основывались городами, земствами, частными лицами, при различных государственных и общественных структурах. Большинство указанных музеев, пройдя различные фазы своего существования, став культурными центрами своего края, в том или ином виде и качестве продолжали свою работу и в послереволюционную эпоху. Значительный интерес представляют научные этнографические и музееведческие идеи, высказывавшиеся учеными в «ЭО» в связи с историей местных музеев.

В 1888 г. открылся Этнографический музей в Варшаве, коллекции которого (народные костюмы, этнографические фотоснимки и др.) пополнялись путем «добровольных пожертвований местных и заграничных любителей и ученых». Музей принимал коллекции не только в собственность, но и для выставки, таким образом привлекая и делая известными частные собрания. Польские этнографы предлагали способы сохранения народных костюмов: собирать их в подлинном

виде, фотографировать, зарисовывать, изготавлять манекены и модели, то есть костюмы в миниатюре²³⁹.

Финляндский этнографический музей в Гельсингфорсе (Хельсинки) пополнялся многочисленными коллекциями по этнографии народов Финляндии и соседних с ней территорий. Финские ученые (У. Сирелиус, А. Хейкель и другие) привозили для него из различных районов России коллекции, представляющие финно-угорские народы²⁴⁰. Активно работал в Юрьеве (Тарту) основанный в 1909 г. Эстонский народный музей, включавший этнографические коллекции. Появляются в Российской империи в начале XX в. музеи под открытым небом («на открытом воздухе»). Такой музей был основан в окрестностях Хельсинки на острове Фелисен²⁴¹.

Имеются сведения о музее Архангельского губернского статистического комитета, содержавшем около 2 тыс. предметов и который ежегодно посещало до 500 человек²⁴². Естественно-промышленный и историко-этнографический музей при Олонецком губернском статистическом комитете, основанный по инициативе губернатора в начале 1870-х годов на частные и земские средства, получал субсидию от земства в размере 300 р. В 1889 г. был издан каталог музея; к этому времени в его собраниях насчитывалось около 4 тыс. предметов. Коллекции характеризовали флору, фауну, естественные богатства, промыслы и ремесла края, историко-этнографический отдел содержал около 600–700 предметов быта местного населения, в том числе утварь, одежду и средства передвижения. Заведующий музеем краевед зоолог и ботаник А.К. Гинтер, собирая не только коллекции, соответствовавшие его специальности, но и этнографические и археологические²⁴³.

Музей при Витебском губернском статистическом комитете пополнялся археологическими, нумизматическими, этнографическими материалами от частных лиц и учреждений²⁴⁴. Историко-этнографический музей при

Могилевском губернском статистическом комитете, пополнявшийся коллекциями из разных частей губернии, подразделялся на исторический, промышленный (включал образцы кустарного производства) и географический (предметы этнографии белорусов – мужская и женская одежда, обувь, музыкальные инструменты и проч.) отделы²⁴⁵.

Музеи при статистических комитетах основывались и в других регионах страны. В 1893 г. деятели областного статистического комитета во Владикавказе приступили к организации Терского областного музея, в который было решено собирать материалы по географии, истории, археологии, антропологии и этнографии края. До постройки специального здания музей должен был располагаться в здании реального училища. «Горское население» края, как представлялось местным деятелям, являлось разнообразным и интересным объектом для изучения благодаря особенностям своего быта и мировоззрения. Тем более важным считалось создание музея в данное время, когда Терская область переживала «переходный момент», здесь проводились железные дороги, шла «колонизация свободных земель русскими переселенцами». Все это должно было повлечь перемены в жизни горского населения, и, как полагали, «современные особенности ее» могли «окончательно исчезнуть в какой-нибудь десяток лет». Прежде всего, для музея были собраны предметы, хранившиеся у местных любителей старины. Готовились модели «туземных селений», современных сельскохозяйственных орудий, собирались «туземное оружие». Члены статистического комитета считали необходимым также охранять местные древности (могильники, часовни, башни и пр.) от разрушения и расхищения как «заезжими туристами, так и туземцами, которые создали себе целый промысел торговлей разного рода редкостями»²⁴⁶.

Кавказский музей в Тифлисе (ныне Государственный музей Грузии в Тбилиси), основанный первоначально при Кавказском

отделе ИРГО (открыт в 1865 г.), затем перешедший в ведение Министерства народного просвещения (1884)²⁴⁷, обладал коллекциями по этнографии Северного Кавказа и Закавказья. Они собирались в ходе поездок сотрудников (особенно директора Г.И. Радде) или поступали в качестве пожертвований²⁴⁸. Сообщалось, что, несмотря на малые средства, музею удалось собрать много интересных этнографических предметов, особенно типичных старинных костюмов, из которых некоторые уже вышли из обихода. Было намечено представить в отдельных шкафах каждый народ Кавказа «в виде группы, окруженной своей оригинальной обстановкой, причем все предметы утвари должны быть настоящими, по возможности уже бывшими в употреблении». Для этого требовалось изготовить манекены, изображающие представителей народов Кавказа²⁴⁹.

Создавались войсковые музеи, в которых хранились этнографические памятники. Например, в Уральске в специальном музее планировалось собирать коллекции, отражающие быт Уральского казачьего войска²⁵⁰. Охрана и научное изучение памятников истории было задачей также основывавшихся в различных городах России церковно-археологических обществ, церковно-археологических, церковно-исторических музеев и древлехранилищ. Такие музеи, по сообщениям периодики, были созданы, например, в Киеве, Житомире, Чернигове, Каменце, Могилеве, Пскове, Ростове, Туле, Воронеже, Тобольске.

Музеи, содержащие этнографические коллекции, появлялись при средних и высших учебных заведениях. Так, в Вятке при Александровском реальном училище был основан музей в составе естественно-исторического, промышленного, антропологического и научно-художественного отделов. Среди его этнографических коллекций были одежда и предметы домашнего обихода народов, населяющих Вятскую губернию²⁵¹. Получила известность деятельность

Этнографического музея Казанского университета. Музей археологии и этнографии (основан в 1882 г.) Томского университета пополнялся путем частных пожертвований и научных командировок, снаряжаемых университетом. К 1891 г. в нем содержалось около 5 тыс. номеров предметов по сибирской археологии и этнографии. Имевшееся в музее, кроме того, собрание нумизматики, рисунков, атласов было к этому времени не разобрано «за малочисленностью штата служащих», не описано и хранилось в особых ящиках²⁵².

Многие местные научные общества основывали музеи. Музей Петровского общества исследователей Астраханского края состоял из отделов историко-этнографического, естественно-исторического и торгово-промышленного²⁵³. Вологодское общество изучения Северного края в 1911 г. основало Музей родноведения, в котором имелись, помимо естественно-исторических, археологические и этнографические коллекции, а также библиотека²⁵⁴.

Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) в Екатеринбурге предприняло систематическое описание коллекций своего музея (основан в 1870 г.) и публикацию каталогов. В 1889 г. был издан каталог его этнографических и археологических коллекций. Сведения об этнографических коллекциях были сгруппированы по народам: пермяки (коми-пермяки), вогулы (манси), вотяки (удмурты), черемисы (марийцы), башкиры, самоеды (ненцы), китайцы, дунгане, тунгусы (эвенки), киргизы (казахи), буряты, якуты. Представлена информация о территории проживания, образе жизни, занятиях, религии данной этнической группы. Описываемые предметы распределены по рубрикам: жилище, одежда и обувь, пища, религиозные предметы, музыкальные инструменты, детское воспитание, медицина и др. Иногда указывался способ употребления предмета, место его происхождения, имя дарителя²⁵⁵.

Пермский научно-промышленный музей²⁵⁶ был образован в 1890 г. на основе коллекций Пермской комиссии УОЛЕ. Местные деятели ставили своей задачей не только музейное собирание, но и просветительскую работу (объяснения коллекций), проведение выставок, заседаний²⁵⁷. Московские коллеги отмечали, что в течение своего существования Комиссия «сумела привлечь многие местные силы к плодотворной работе»; в 1901 г. в ней состояло 277 человек. Музей привлекал большое количество посетителей (вход в него был бесплатный), стал общеобразовательным учреждением; чтения и лекции посещались значительным числом слушателей. При нем был образован особый отдел – «подвижной музей наглядных пособий» для демонстрации коллекций в начальных училищах. Для научных исследований и сбора коллекций комиссия организовывала «экскурсии» (экспедиции). В числе 13 отделов музея с общим фондом в 11 тыс. ед. хр., этнографический отдел обладал сравнительно небольшим количеством предметов (свыше 500). Более представительными в музее были естественно-исторические и археологические собрания, что было связано с приоритетными интересами сотрудников. Московские коллеги выражали надежду, что по мере того как круг задач Комиссии будет расширяться, в ходе обследования края будет проводиться и серьезное этнографическое изучение Пермской губернии²⁵⁸.

Общество изучения Амурского края располагало музеем (основан в 1884 г.), занимавшим собственное здание, библиотекой и «в известной мере денежными средствами». В музее имелись коллекции по этнографии орочей, чукчей, коряков и других народов. Общество вело исследования края, включая экспедиции, издавало «Записки» и отчеты²⁵⁹. Покровителем Общества являлся великий князь Александр Михайлович.

В ряде случаев при местных музеях основывались научные общества, изучавшие свой край. Так, при Чердынском музее

древностей, основанном в 1899 г., было образовано Общество любителей археологии, истории и этнографии Чердынского края²⁶⁰.

Минусинский музей, основанный известным краеведом и музеенным деятелем Н.М. Мартыновым в 1877 г., многими учеными считался образцовым среди местных музеев. Московские этнографы и музееведы называли его «едва ли не самым обширным и прекрасно устроенным» среди провинциальных музеев России. К 1890 г. для Минусинского музея было выстроено специальное каменное здание. В составе его собрания (археологический, естественно-исторический и другие отделы) известное место занимали этнографические коллекции. Они входили в антропологический и образовательный отделы. Довольно полно была представлена этнография качинцев, сагайцев (этнографические группы хакасов), сойотов (тувинцев). Менее представительны были коллекции по другим этническим группам края – русским, латышам, мордве, алтайцам, бельтирам (этнографическая группа хакасов). В образовательном отделе имелись коллекции по этнографии остыков (хантов), тунгусов (эвенков), народов Китая, Кореи, Японии и др.

Сотрудники музея стремились к тому, чтобы он приносил «возможно больше пользы местному населению в образовательном смысле». С этой целью они считали необходимым организовать систематические общедоступные объяснения коллекций, как это делалось в Политехническом музее в Москве. Посетители должны были, по их мнению, кроме стройного и отчетливого представления о музее, получать общеобразовательные и практически полезные знания²⁶¹. Минусинский музей вел издательскую деятельность: публиковались отчеты, научные описания коллекций. Был опубликован 4-й выпуск «Описания Минусинского музея» – исследование Е.К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и

объяснительный каталог этнографического отдела музея» (1900).

К этому времени в этнографическом отделе, где собирались предметы местного происхождения, было 2440 ед. хр., в образовательном 560. Автор полагал, что необходимо спешить с изучением народной жизни в крае; новые формы жизни вторгаются с необыкновенной быстротой, «внесенные пришлыми элементами – русскими, мордвой, эстами, латышами». Минусинский музей вел изучение края, в том числе экспедиционное. Его история, по мнению В.Н. Харузиной, доказывала, «как много может сделать кучка людей, энергичных работников, бескорыстно преданных делу»²⁶².

Этот замечательный восточносибирский музей²⁶³ своим созданием и успешной работой был во многом обязан Н.М. Мартынову, по отзывам современников, одному из выдающихся деятелей культуры Сибири. Получив образование на фармацевтическом отделении медицинского факультета Московского университета, Мартынов приехал в Минусинск в качестве заведующего аптекой, увлекался ботаникой, естественно-научным коллекционированием, краеведением. Его интересовали также археологические и этнографические богатства края.

Н.М. Мартынов привлек к музейной деятельности представителей широких кругов местного населения. От частных лиц поступали не только коллекции, но и денежные средства на раз-витие музея. С 1900 г. музею ежегодно отпускалось казенное пособие в 1500 р. С коллекциями работали видные отечественные ученые²⁶⁴. При музее имелась большая библиотека. Научно-исследовательская и просветительная работа Минусинского музея, основанного в небольшом городе, расположенному вдали от крупных научных и музейных центров, получила известность и признание в России и за рубежом. Этот пример мог, по мнению московских

ученых, ободряюще действовать на всех, кто имел отношение к делу русской науки в провинции²⁶⁵.

Еще одним известным сибирским музеем, объединявшим местных энтузиастов науки, музейного дела и просвещения был Тобольский губернский музей, основанный в 1870 г. Он имел отделы естественно-исторический, археологический, промышленный, общеобразовательный и этнографический, который содержал предметы, характеризующие «экономический быт северных инородцев Тобольской губернии – остыков и самоедов». Всего в начале 1890-х годов в музее хранилось свыше 4 тыс. предметов, была библиотека²⁶⁶. Работники музея ставили целью этого учреждения ознакомление публики с историей Тобольской губернии и развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях²⁶⁷. Музей был принят под покровительство наследника цесаревича, будущего императора Николая II²⁶⁸.

Велась научная и издательская работа. Выходили «Ежегодники» музея²⁶⁹, содержащие хронику музея и его Комитета, отчеты о текущей работе, о состоянии коллекций, этнографические исследования, в том числе в связи с коллекциями музея²⁷⁰. Издательская деятельность, однако, встречала материальные затруднения, и сотрудникам музея приходилось обращаться к лицам, «известным своею благотворительностью и просвещенным вниманием к насущным нуждам родного края» за финансовой поддержкой для продолжения выпусков «Ежегодника».

Московские этнографы горячо поддерживали на страницах «ЭО» деятельность кружка лиц, сгруппировавшихся при Тобольском музее. В своей заметке Н.Н. Харузин отмечал, что музей не только играл роль учреждения, собирающего и хранящего коллекции, необходимые для изучения края, но служил центром объединения «интеллигентных сил края»²⁷¹. По мнению ученого, тобольские исследователи находились в благоприятных условиях, поскольку их окружал живой и

разнообразный этнографический материал, «разнохарактерное и стоящее на столь различных ступенях культуры население Тобольской губернии». Это накладывало на местных деятелей, по мнению московских коллег, обязанность прежде других позаботиться о сортировании и сохранении для науки сведений по этнографии, тем более что самобытные черты жизни и русского, и «инородческого» населения, как полагали, постепенно уничтожались²⁷². В условиях, когда «цивилизация» начинала даже в «удаленных от культурных центров уголках оказывать неприятное для этнографа влияние, стирая черты старинного быта», сберечь от гибели старину было бы легче местному обитателю, чем заезжему из столицы этнографу²⁷³.

Музей играл большую просветительскую роль. Московские ученые с удовлетворением отмечали, что работа по исследованию края местными деятелями оказалась не мимолетной вспышкой научных стремлений небольшого кружка лиц²⁷⁴. Однако сами деятели Тобольского музея жаловались на невнимание местного общества к его деятельности и научно-просветительным задачам: музей работал не первый год, а местные люди до сих пор знали его большей частью понаслышке, имели о нем довольно смутные представления²⁷⁵.

Тем не менее, несмотря на разного рода трудности, сотрудники музея продолжали научную работу, в том числе выставочную и издательскую. Тобольский музей своими коллекциями участвовал в первой Западносибирской выставке в Омске (1911). В связи с этим был опубликован указатель к выставленным коллекциям «Изделия осятков Тобольской губернии», который явился не простым перечнем, а целым научным иллюстрированным исследованием материальной культуры хантов (обработка шкур, изделия из меха, фабричных тканей, крапивы, бисера, кости, рога, дерева, вышивки и их орнамент). В который раз московские коллеги выразили пожелание местным деятелям поскорее обогатить науку своими

исследованиями, «пока не исчезли архаичные пережитки осязкой культуры, сильно тускнеющей под напором цивилизации»²⁷⁶.

Основанный в 1891 г. Якутский музей, представлявший «интересное собрание предметов из окружающей природы и быта местного населения», в 1911 г. получил собственное каменное здание, в котором одна комната была отведена под этнографические коллекции по якутам, тунгусам (эвенкам), ламутам (эвенам), юкагирам, местному русскому населению, а также под антропологические и археологические коллекции; еще одна комната – под коллекции промышленного и сельскохозяйственного отделов. Местные краеведы признавали, что отдел этнографии пока еще довольно беден²⁷⁷.

Музей в Красноярске²⁷⁸ был основан в 1889 г. купцом Матвеевым, в 1890 г. передан городу и размещался в городском здании вместе с приходской школой. За 8 лет существования вышло лишь два отчета музея. В первые годы он активно пополнялся предметами, в последние же пять лет, как сообщал наблюдатель, музей если и приобрел, то очень немного. Причину видели в том, что в городе не было почти никого, кто бы посодействовал его развитию.

Всего в отделах естественно-историческом, археологическом, нумизматическом, сельскохозяйственном, промышленном и этнографическом значилось до 10 тыс. предметов. Среди этнографических предметов – костюмы, в том числе шаманские, и утварь «инородцев» края, а также курдская и японская обувь, «монгольская икона» и проч. Характерно, как автор заметки о Красноярском музее описывает коллекцию одежды. Наиболее интересными ему представлялись шаманские костюмы сойотов (тувинцев), якутов и «самоедов» и женский костюм «инородок Ачинского и Минусинского округов», который, «правда, очень не сложен, и состоит из ситцевого балахона». Остальные образцы, добавляет автор, «особенного интереса не представляют. Это –

обыкновенные зимние осяцкие костюмы, сделанные из оленевых шкур, шерстью наверх». Деятели музея признавали, что он пополнялся всевозможными предметами из разных местностей Сибири и сопредельных территорий, и менее всего предметами местными. Одной из причин этого они считали отсутствие сотрудников²⁷⁹.

Этнографические коллекции содержались в музеях при региональных отделах ИРГО, например, в Хабаровском музее Приамурского отдела (основан в 1894 г.), в Иркутском музее (основан в 1782 г., перешел в ведение ИРГО в 1854 г.) Восточносибирского отдела. Небольшой кружок местных деятелей решил основать в Троицкосавске музей, который представил бы в своих собраниях Забайкалье в естественно-историческом и культурном отношении. Городская дума ассигновала на нужды музея из городских средств ежегодно 200 руб.²⁸⁰ Позже музей перешел в ведение Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, открытого в 1894 г.

Коллекции Публичного музея в Нерчинске, основанного в 1886 г. находившимся в политической ссылке революционером А.К. Кузнецовым при городской библиотеке, за три года достигли 6 тыс. предметов. Более представительным считался естественно-исторический отдел, имелись также отделы антропологии и этнографии. Сотрудники музея планировали расширять работу по изучению края²⁸¹. Затем деятельность краеведа и музейного деятеля А.К. Кузнецова переместилась в Читу, где он стал инициатором (совместно с врачом Н.В. Кирилловым) и ди-ректором музея. Быстрый рост его коллекций (до 10 тыс. предметов) стал в известной мере поводом к образованию в 1894 г. Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО. Отделы музея содержали материалы по минералогии, флоре и фауне; по археологии, антропологии и этнографии; по промышленности края²⁸². Среди этнографических коллекций были предметы буддийского

культта, шаманского культа, предметы быта бурят, орочон (эвенков), семейских (группа русских старообрядцев – сибирских старожилов) и другие.

На страницах «ЭО» имеются сведения о создании и работе музеев разного статуса, профиля, с различным составом отделов: Смоленского историко-археологического музея, Самарского и Рижского публичных музеев, Исторического музея Гельсингфорса, музеев Твери, Череповца, Оренбурга, Уфы, Новочеркасска, Одессы, Минска, Ковно (Каунаса), Вильно (Вильнюса), Семипалатинска, Ташкента, музея при статистическом комитете в Самарканде, музеев Енисейского общественного, Благовещенского городского, музея Сарапульского уездного земства, Новгородского музея древностей при губернском статистическом комитете, Курского историко-археологического и кустарного музея, Киевского городского художественно-промышленного и научного музея, Киевского музея древностей и искусств, Харьковского музея редкостей и древностей, музея древностей при Костромской губернской архивной комиссии, музея Рязанской ученой архивной комиссии, музея при Воронежском губернском статистическом комитете, музея при Ставропольском губернском статистическом комитете и др.

Благодаря тому, что в своих публикациях московский этнографический журнал широко и глубоко отражал процессы, происходящие в музейном мире России, «Этнографическое обозрение» стало своего рода связующим звеном между этнографическими музеями центра и региональными краеведческими музеями по всей стране.

* * *

Большое значение в развитии культуры, науки, просвещения играла частная инициатива в музейном деле, частные музеи и коллекции, примеры чему можно было встретить по всей России. Многие из владельцев частных музеев и коллекций были известны в нашей стране и за

рубежом, становились участниками разнообразных выставок, открывали свои двери для специалистов и публики, публиковали описания, каталоги своих собраний. Значительная их часть путем покупки или пожертвования оказалась позже в составе общественных музеев. Важность представляют фактические сведения, которые можно найти в историографических источниках по этой теме, а также научные этнографические и музееведческие идеи, высказанные на страницах научной периодики.

Как сообщалось в «ЭО», после смерти известного собирателя А.Н. Поля за его коллекции «англичане предлагали 200000 серебряных долларов». Музей, как полагали, ждала печальная судьба, поскольку он был завещан наследникам²⁸³. Коллекция древностей, собранная в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) А.Н. Полем, промышленником и общественным деятелем Южной России и Новороссийского края, представляла большую ценность. Собрание отражало историю, археологию и этнографию региона. Среди этнографических коллекций помимо предметов местного происхождения, были вещи и из других районов России и иностранные. Московские ученые высказывали пожелание, чтобы собрание, на которое потрачено «столько любви, труда и средств», не было распродано и не разошлось «по мелочам»; чтобы цельность его как собрания, характеризующего край, не была нарушена²⁸⁴. На базе этих коллекций в Екатеринославе был основан музей имени А.Н. Поля как образовательное учреждение и хранилище коллекций с отделами историческим, археологическим, нумизматическим и естественно-историческим, который включал этнографические предметы²⁸⁵.

В Городке Ровенского уезда Волынской губ. в 1896 г. был основан частный музей в имении барона Ф.Р. Штейнгеля – областной музей Волынской губернии. Сообщалось, что учреждение музея встретило полное сочувствие со стороны местных землевладельцев и помещиков. Отделы музея, в том

числе этнографический, пополнялись пожертвованиями и из специальных поездок по краю²⁸⁶.

Упомянутый выше Лубенский музей Е.Н. Скаржинской содержал, помимо этнографических, естественно-исторические и археологические коллекции, церковные древности²⁸⁷. Собрание Е.Н. Скаржинской было пожертвовано городу Полтаве и размещено в естественно-историческом музее полтавского губернского земства. В момент передачи в нем содержалось 9533 этнографических предмета (ср. по археологии 1438, по истории 5178 предметов)²⁸⁸.

В имении Талашкино под Смоленском под покровительством княгини М.К. Тенишевой коллекционировались древности, «возрождалось древнерусское искусство», изучался народный быт, который при этом поддерживался «в его разумных и живучих элементах»²⁸⁹. Разнообразные коллекции, включавшие и этнографические материалы, имелись в Черниговском музее украинских древностей В.В. Тарновского, музее древностей Ф.М. Плюшкина в Пскове, музее русских древностей П.И. Щукина в Москве. Ценными этнографическими коллекциями владел К.Д. Долматов, известный собиратель узоров старинного русского народного шитья, тканья и кружев²⁹⁰.

Частный музей Н.Л. Шабельской, «стоивший его владетельнице многолетних усилий, труда и громадных материальных затрат», включал более 4,5 тыс. предметов этнографической старины. Среди них русское древнее шитье, тканье, вышивки, кружева, ткани, одежда, головные уборы, украшения, предметы из дерева, металла, кости; одежда и вышивки других народов России и проч. При собирании предметов по возможности фиксировались названия одежды и ее частей, тканей, швов, узоров, записывались предания, поверья и обряды, с ними связанные. В "ЭО" отмечалось, что прямое назначение научных коллекций, подобных собранию Н.Л. Шабельской, – служить материалом для выработки тех

или иных теоретических взглядов, научных обобщений и публикации научных изданий²⁹¹.

Известным собирателем этнографических коллекций был член Этнографического отдела ИОЛЕАЭ С.К. Кузнецов, исследователь истории и быта народов Поволжья и Приуралья. Ученый регулярно выступал на заседаниях Отдела с докладами и сообщениями о своей исследовательской и собирательской работе среди марийцев и удмуртов Казанской и Вятской губерний. Особенно С.К. Кузнецова интересовали верования²⁹² и кос-тюм. В своих экспедициях ученый приобретал этнографические предметы, проводил археологические раскопки. В его трудах вопросы истории материальной культуры тесно переплетались с изучением народной культуры в целом. В этнографических коллекциях (костюм, вышивки, обрядовые предметы, в том числе жертвенная посуда, оружие, музыкальные инструменты и др.), собранных Кузнецовым, было много «старинных», «древних» вещей. Коллекционер на страницах «ЭО» сообщал местные названия и назначение предметов жертвенной посуды марийцев и другую этнографическую информацию.

Нравы «инородцев», по наблюдениям С.К. Кузнецова, остались прежними, а в одежде все заметнее сказывалось русское влияние²⁹³. Очень важными представляются рассуждения ученого о взаимоотношениях основной массы «инородцев», с их традициями язычества, и представителей духовной и светской власти. Эти взаимоотношения, оцениваемые им как противостояние, не могли не повлиять на возможность научного изучения культуры «инородцев», на их отношение к исследователям и собирателям этнографического материала. «Инородческий мир, – замечал С.К. Кузнецов, – сделался более замкнутым; попасть в него этнографу, если он не знает языка, крайне трудно». Эта ситуация усугубилась, по мнению ученого, после мултанского процесса, который «раскрыл наше невежество» относительно быта и верований

«инородцев»²⁹⁴. С.К. Кузнецов был в числе тех ученых, которые отрицали факт существования человеческих жертвоприношений у удмуртов²⁹⁵.

В свете взаимоотношений ученых-этнографов и представителей изучаемого ими народа также важны и интересны рассуждения С.К. Кузнецова о собирании этнографических коллекций. В «ЭО» в статье «Из воспоминаний этнографа» мы встречаем описание религиозных обрядов марийцев и чувашей, а также своего рода исповедь исследователя и собирателя²⁹⁶. С.К. Кузнецов был убежден, что этнографу в его работе чрезвычайно трудно обойтись без сбора коллекций. В начале своей научной деятельности исследователь путешествует налегке, избегая связывать себя лишним багажом, но постепенно у него разрастается интерес к работе, «и незаметно является уже прямо потребность приобрести тот или иной предмет из инородческого обихода как очевидное доказательство, что известное наблюдение записано совершенно правдиво». Когда этнограф начинает исследовать быт и верования, для него наступает «пора искушений». «Если хочется приобрести какой-нибудь сосуд или часть костюма, все дело решают деньги: есть они – купишь, нет – подождешь. Но как быть, – спрашивал Кузнецов, – с такими предметами, которых продавать у инородцев не принято совсем, мало того – считается за великий грех?». Речь шла о вещах, связанных с религиозными обрядами. Этнограф пытался заказывать копии интересующих культовых предметов, однако их делали не везде и крайне неохотно.

Со временем С.К. Кузнецов прекрасно изучил традиции марийцев и удмуртов, исследователя хорошо знали в среде этих народов. По марийским селениям он путешествовал, вооружившись *паспортом* от главного сновидца, и этот паспорт давал ему возможность, не встречая отказа, все видеть, обо всем выспросить, получить копию любого интересующего предмета. Однако, даже имея копию, собирателю страстно хотелось иметь

подлинник. «Оставалось одно, – признавался С.К. Кузнецов, – совершить этнографическую кражу... Много накопилось на моей душе этих этнографических грехов». И описал несколько случаев, когда он тайно или обманом получал, раздobyвал культовые предметы. Часть их затем передавал в различные музеи (в частности, музей Казанского археологического общества, Будапештский этнографический музей), часть хранилась в его личной коллекции. С определенного момента он стал поручать «этую печальную операцию причетникам и псаломщикам из местных старожилов или учителям»²⁹⁷. С.К. Кузнецов называл эти свои действия прегрешениями, но в то же время оправдывал их интересами науки²⁹⁸.

Современники отмечали заслуги С.К. Кузнецова в этнографическом изучении марийцев, удмуртов, мордвы. В 1906 г. ИРГО наградило ученого за его научные труды по этнографии марийцев и удмуртов малой золотой медалью. Признанный специалист, С.К. Кузнецов вел преподавательскую работу. В частности, в первые годы XX в. в Московском археологическом институте он читал специальный курс «Введение в музееведение». Это была одна из первых попыток организации музееведческого образования в России.

В неразрывной связи со всесторонними исследованиями ученого было огромное и тщательное собирание им этнографических коллекций, большая часть которых оставалась в его личном собрании. Коллегам было известно, что Кузнецов намеревался их обработать и опубликовать и, возможно, передать в один из музеев России²⁹⁹. Ученый умер в 1913 г. от туберкулеза. Известно, что его коллекция в количестве около 600 номеров (сведения о ее составе приводятся в отчете музея³⁰⁰) была куплена Дашковским музеем у вдовы этнографа. Имеются также данные о том, что после Октябрьской революции марийская коллекция С.К. Кузнецова находилась в собрании Этнографического отдела Румянцевского музея³⁰¹, а мордовская – в Историческом музее³⁰². Наблюдения ученого

внесли большой вклад в решение различных теоретических и практических проблем этнографической науки, в разработку вопросов этнографического музееведения.

Этнография на выставках

Музеи, общественные и частные, принимали участие в проведении выставок в России и за рубежом. На ряде городских, областных, всероссийских выставок (научно-промышленных, художественно-промышленных, кустарных, сельскохозяйственных, промышленных и других) организовывались этнографические отделы. В ряде случаев с выставок в музеи поступали отдельные коллекции. Некоторые музеи образовывались на основе выставочных материалов. Выставки становились общественными событиями, освещались в местных и центральных газетах, в научной периодике. Публиковались каталоги и другие издания по материалам выставок.

В 1890 г. в Казани прошла научно-промышленная выставка, видное участие в которой приняло Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете – одно из крупнейших научных обществ России. Экспонаты выставки и переданное в дар городу собрание А.Ф. Лихачева (археологические, этнографические предметы, живопись, нумизматика) составили основу Казанского городского научно-промышленного музея (основан в 1894 г.). Известный ученый И.Н. Смирнов осуществил издание «Этнография на Казанской научно-промышленной выставке»³⁰³, содержащее обзор экспонатов, дополненный данными по этнологии³⁰⁴. Местные издания отмечали, что этнографический отдел выставки давал посетителям возможность «ознакомиться как с бытом разных племен, степенью их обрусения, так и с разнообразными памятниками старинного русского быта»³⁰⁵.

На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (1896) были представлены коллекции по этнографии «инородческого населения» Сибири, Крайнего Севера, Средней Азии. В посвященной этому сюжету заметке член Этнографического отдела ИОЛЕАЭ языковед, этнограф Д.Н. Ушаков замечает, что так как этнографические предметы экспонировались здесь для иллюстрации производительных сил края, населенного теми или иными народами, то на выставке была представлена этнография только некоторых из этих народов и с неодинаковой полнотой. Экспонаты доставлялись музеями (Минусинским, Тобольским, Хабаровским, Семипалатинским, Румянцевским), научными обществами, частными собирателями.

На выставке, как сообщалось, были представлены предметы культуры чукчей, ламутов (эвенов), якутов, тунгусов (эвенков), бурят, остыков (хантов), самоедов (ненцев), сойотов (тувинцев), туркменов и других. В павильонах находились также «живые представители» некоторых народов: «самоед и самоедка с Новой Земли»; киргизы (казахи), изготавлившие чеканные украшения и «время от времени исполнявшие национальные танцы под свою оригинальную музыку»; сарты (узбеки) и туркмены, «хладнокровно занятые ткачеством на своих примитивных станках» или торгующие различными предметами в палатах, представлявших азиатский базар. Демонстрация этнографического материала на выставке не преследовала научных целей, и это отразилось в почти полном отсутствии каталогов, путеводителей и правильно организованных объяснений экспонатов. Часто надписи на экспонатах обозначали предмет как «инородческий», но не указывалось, к какому именно народу он относится. Все эти недостатки, по мнению обозревателя, затрудняли для публики ознакомление с этнографическими коллекциями Нижегородской выставки³⁰⁶.

На основе экспонатов, поступивших со Среднеазиатского отдела Нижегородской выставки, «заботами генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина» был основан Областной музей в Ашхабаде. Было специально построено здание, в котором были выделены помещения под зоологический, ботанико-минералогический и этнографический отделы и лаборатории музея, а также для библиотеки³⁰⁷. Выставки проводились и в самой Средней Азии. Так, в Ташкенте состоялись выставки Туркестанская сельскохозяйственная и промышленная (1890)³⁰⁸ и Туркестанская сельскохозяйственная, промышленная и научная (1909), на которой Ашхабадский музей со своими коллекциями по зоологии и этнографии Закаспийской области был в числе участников и дипломантов³⁰⁹.

Выставки устраивались также местными музеями и научными обществами. Например, в Перми в 1894 г. местной ученой архивной комиссией и УОЛЕ была организована выставка археологических коллекций и предметов древности Пермского края. Сообщалось об успехе выставки: ее посетило за две недели 6 тыс. человек, среди них было много крестьян³¹⁰.

На областной сельскохозяйственной выставке в Орле (1903) был организован отдел, специально посвященный этнографии русского населения края. Орловская ученая архивная комиссия в лице вице-председателя кн. К.В. Кекуатова через прессу обратилась к лицам, сочувствующим делу, с просьбой собирать материал (вещи, модели, рисунки, фотографии) для отдела по программе, включавшей исследование поселений и построек, средств передвижения, орудий труда, различных производственных процессов и связанных с ними обычаем и поверий, народной механики, медицины, пищи, одежды («особенно женской»), украшений, обуви, ковров, скатертей, домашней утвари, игрушек и проч. Считалось желательным также записывать образцы местных наречий, песни, обычай, сказки, сказания³¹¹.

Члены Орловской ученой архивной комиссии планировали положить собранные к выставке коллекции в основу этнографического музея при комиссии, который в итоге не был создан. Московские коллеги видели в истории этнографического отдела на Орловской выставке явление «чрезвычайно поучительное и характерное для жизни современной провинции». Отдел, по их отзывам, отлично обставленный, возник благодаря энергии и настойчивости буквально одного человека – князя Кекуатова, «и только тогда, когда дело наладилось, ему удалось найти себе помощников среди местной интеллигенции». К.В. Кекуатов со-знавал необходимость оборудования местных музеев и искал поддержку в обществе. Он разослал 1,5 тыс. обращений к учреждениям и частным лицам, на которые не получал ответа, за-тем лично обращался к своим знакомым с просьбами, убеждениями, укорами, и наконец все же появились помощники, корреспонденты, собирали.

Было собрано значительное количество этнографических предметов, фотографий, рукописных материалов. Румянцевский музей предоставил манекены и этнографические предметы, относящиеся к 1860–70-м годам и служившие материалом для сравнения с современными костюмами и предметами быта, демонстрировавшимися на выставке. По ее закрытии часть экспонатов этнографического отдела была прислана устроителями в дар Румянцевскому музею. Среди них два «чрезвычайно характерных», выдержаных до мельчайших деталей, богато украшенных костюма – женский (Липецкий уезд Тамбовской губ.) и девичий (Дмитровский уезд Орловской губ.) и коллекция игрушек³¹².

Пример участия российских музеев в зарубежных выставках – Минусинский музей, который отправлял на всемирную выставку в Париж свои коллекции по флоре, географии, этнографии и археологии Южно-Енисейского края, что было отмечено дипломом и серебряной медалью выставки³¹³.

В России также демонстрировались коллекции, привезенные из зарубежных стран. Например, в 1897 г. в Петербурге, за-тем Москве и Одессе проходила Абиссинская санитарно-этно-графическая выставка, на которой были представлены предметы культуры, в основном военный быт и украшения, абиссинцев (амхара), галла и сомали. Эти предметы собирались попутно с экспедицией русского санитарного отряда, направленного в 1896–1897 гг. Российским обществом Красного Креста для помощи раненым и больным в район военных действий между Абиссинией (Эфиопией) и Италией. Выставка была организована после возвращения отряда по инициативе одного из участников экспедиции, известного путешественника К.С. Звягина.

Случайным происхождением коллекций, привезенных из экспедиции, не преследовавшей этнографических целей, московские наблюдатели объясняли их «отрывочность и некоторую несистематичность». В коллекции было много парадных, дорогостоящих, богато украшенных, высокохудожественных предметов. Этнографам же хотелось видеть больше предметов, иллюстрирующих домашнюю, будничную жизнь населения Абиссинии, больше фотографий, изображающих «существенно абиссинцев и их обстановку». Несмотря на наличие пробелов в коллекциях, которые не всегда могли удовлетворить этнографа, идея устроителей выставки познакомить русскую публику с Абиссинией была принята общественностью с «полным сочувствием и признательностью»³¹⁴.

Известно, что и в Петербурге выставка охотно посещалась публикой. По данным М.В. Райт, число посетителей превысило 6,5 тыс. Необходимо добавить, что собиратели представленных на выставке этнографических предметов врачи Н.П. Бровцын, лекарские помощники студенты Военно-медицинской академии П.В. Щусев и Г.Г. Федоров сдали их в 1897 г. в Музей нормальной анатомии Военно-медицинской академии, откуда

эти предметы были переданы в 1933 г. в собрание МАЭ³¹⁵. Вообще, многочисленные экспедиции конца XIX – начала XX в. в Эфиопию и привезенные оттуда этнографические коллекции, пополнившие отечественные музеи, свидетельствовали о значительном интересе к этой стране со стороны российского государства и общественности³¹⁶.

Сведения об этнографических выставках, представленные на страницах отечественных периодических и других изданий конца XIX – начала XX в., показывают, что музейное дело обрело в этот период популярность в России, а широкие круги общественности испытывали большой интерес к культуре разных народов.

Выставки стали также важным фактором научной жизни. Примером служат выставки, сопровождавшие проведение научных съездов в России. Необходимо отметить в этой связи большую роль Московского археологического общества в пробуждении общественного интереса к памятникам старины и этнографии, в распространении гуманитарных знаний. МАО являлось одним из ведущих музееведческих центров в нашей стране, организатором всероссийских археологических съездов – научных форумов, на которые собирались археологи, историки, этнографы, искусствоведы и ученые других специальностей и обсуждали среди прочих вопросов проблемы музеиного дела в России. В рамках съездов проводились не только собственно археологические, но и этнографические выставки, к съездам приурочивались поездки ученых для этнографического изучения края, исследования «живой старины», сбора коллекций, фото- и иллюстративных материалов.

Так, на 10-м съезде в Риге (1896) была организована Латышская этнографическая выставка. В преддверии 13-го съезда в Екатеринославе (1905) местными деятелями на средства губернского земства было предпринято этнографическое обследование Екатеринославской губ. Исследователи

обнаружили, что в крае стремительно исчезала этнографическая старина под влиянием немцев-колонистов и под напором «заводской и рудничной культуры». Рост культуры, по мнению этнографов, сказывался в замене «первобытных» орудий обработки земли машинами, в усовершенствованном устройстве мельниц, в замене прежнего костюма новым – городского типа, в утрате многих старинных обрядов, в забвении песен. Вместе с тем, в ходе сбора коллекции для выставки к съезду все же удалось обнаружить сохранившуюся старину в сельскохозяйственных орудиях и в костюме³¹⁷.

По программе, выработанной Черниговской губернской архивной комиссией к предстоявшему в 1908 г. 14-му съезду в Чернигове, предполагалось изучение местного фольклора и народного быта, в частности представить в фотографиях типичные сельские постройки, народные группы и отдельных лиц в типичных костюмах, сделать по ним манекены, одетые в народные костюмы, чтобы в них можно было выразить «типичнейших представителей уезда» различных полов, возрастов, занятий³¹⁸. На основе материалов этнографической выставки на 12-м съезде в Харькове (1902)³¹⁹ был создан Этнографический музей Харьковского историко-филологического общества³²⁰.

Проблемы музеиного дела в России

Таким образом, в «Этнографическом обозрении» представлена широкая картина музеиного дела в Российской империи. Историографические источники показывают, что музеиная сфе-ра расширялась, развитие музеиного строительства шло по нескольким направлениям: формирование музеев с их научной и просветительной деятельностью, комплектование коллекций, экспедиции, выставки, публикации и проч. Многие существовавшие и

создававшиеся местные музеи содержали, наряду с другими, этнографические коллекции и отделы, вели научную и просветительную работу по этнографии. Повсеместно деятели культуры и науки считали необходимым создавать и поддерживать музеи для сохранения и созиания «исчезающих бесследно памятников прошлого»³²¹. История российской науки и музеев знает массу примеров патриотического энтузиазма, в атмосфере которого формировались научные общества и музеи как культурные центры и содружества единомышленников, шло изучение и созиание исторических и этнографических памятников, распространение знаний в народной среде³²².

В материалах «ЭО» представлена в целом положительная оценка деятельности провинциальных музеев как культурных центров и двигателей научной работы не только для своего края, но и для всей России. Московские этнографы подчеркивали то любовное отношение к музеям со стороны их основателей, любовь к науке в руководителях музеев, которые сказывались в их пополнении, в улучшении систематизации и распределения коллекций³²³.

Однако развитие науки и музейного дела встречало немало трудностей. На страницах периодики находило отражение мнение отечественных ученых (В.Ф. Миллера, Н.Н. Харузина, В.Н. Харузиной, Н.Ф. Сумцова, В.В. Богданова и других) о недостаточном распространении научных знаний, слабом развитии музейного дела, малочисленности и тяжелом положении научных и музейных работников, слабой государственной поддержке науки и музеев в России. Они указывали на то, что музеи, в том числе этнографические, – явление в нашей стране редкое. Создание и развитие музеев сопряжено с большими трудностями; деятелей этнографии и музейного дела в провинции мало, немногие интересуются местной народной жизнью; особенно не хватает специалистов со сравнительно-этнографическими познаниями (Н.Ф. Сумцов).

Научная общественность отдавала дань уважения и внимания тем музейным деятелям, которые работали на местах. «Местные интеллигентные силы» – это учителя, врачи, священники, чиновники, политические ссылочные, «просвещенные инородцы» и многие другие. Немногие представители сельской интеллигенции, например, «заброшенные в сельскую глушь» учителя не ушли «всесцело в заботы о пропитании» и сохранили «еще в душе интерес к успехам просвещения» (Н.Ф. Сумцов)³²⁴. Наука и музейное дело становились занятием кружков просвещенных энтузиастов, «бескорыстно проводящих в жизнь идею “самоизучения” и этим приносящих немалую пользу нашему отечествоведению». С особым удовлетворением московские коллеги отмечали деятельность научных обществ и музеев, которая не заглохла ни с переменой лиц, ни с увеличением трудностей исследования (Н.Н. Харузин)³²⁵.

В периодике получила отражение идея местных деятелей о том, что значение музеев не в богатстве коллекций, а в той интеллектуальной силе, которая этим «кунсткамерам» дает жизнь и душу и которая основывается на единении местной интеллигенции. Они замечали, что в провинции «слишком мало или почти совсем нет средств, но зато есть люди, преданные делу и верящие в него, а были бы люди – средства найдутся!»³²⁶.

Оценки общего состояния культуры, науки, музейного дела часто можно найти в сообщениях корреспондентов «ЭО» из различных местностей. Неутешительные известия приходили, например, из Туркмении. Здесь «в печальном состоянии» находились местные музеи, представлявшие, по выражению корреспондента, «сборища хлама, не разобранного и не приведенного в порядок; причем нет не только каталогов или путеводителей, но отсутствуют даже инвентари. Этнографов-любителей почти нет. Мало и других исследователей края. Сами туземцы все свое народное, старинное забрасывают, и бытовая старина исчезает с поразительной быстротой». Автор

имел в виду состояние традиционных ремесленных производств и материальной культуры местного населения³²⁷.

Нередко краеведы жаловались на слабую общественную поддержку своих начинаний. Члены Общества друзей Аланда открыли в 1905 г. в г. Мариенгамне (г. Марианхамина, Аландские острова, Финляндия) культурно-исторический музей. Однако развитие музея, по наблюдению краеведов, тормозилось вследствие равнодушия местных жителей. Музей ютился в наемном помещении, приток пожертвований был незначителен. Средства на пополнение музея брались из членских взносов сотрудников Общества. Из этого же источника выделялись суммы на содержание народных школ. Краеведы, как и столичные ученые, полагали, что только распространение грамотности может вызвать в населении интерес к музеям³²⁸.

Ученые (Н.Н. Харузин, В.Н. Харузина, В.В. Богданов и другие) признавали, что научные и музейные начинания в России были редки, порой поверхностны и всегда уязвимы. Однако в этом они видели не вину местных деятелей, а беду всей России. В.В. Богданов писал: «отыщутся в городе два-три человека, а то и один, которые воспламенятся желанием послужить научному делу, поволнуются, поговорят, с большим трудом обратят на себя чье-либо благосклонное внимание, иногда дойдут до того, что положат основание местному музею и даже местному ученому обществу, а потом уже сил не хватает, чтобы с таким же напряжением, в таком же одиночестве вести трудное дело науки без материальных средств, без научных пособий, без ободряющего сочувствия со стороны общества». В ряде случаев после энергичного начала наступал длительный период бездействия музея или научного общества.

Местные музеи в России, по мнению Богданова, в большинстве случаев прозябали из-за почти полного отсутствия на местах квалифицированных специалистов, определенной

местной программы научных исследований. В провинциальных музеях, отмечал ученый, собиралось много ненужных, неважных, ничтожных и несистематизированных предметов; такие музеи по содержанию получали случайный характер и в дальнейшем своем существовании не привлекали ни деятелей, ни жертвователей, ни посетителей. Как результат – равнодушие в обществе и бесплодность в науке. Ученый считал, что нужны были люди науки, искренно ей преданные, понимающие ее цели, считающиеся с условиями края, с интересами и настроениями в местном обществе. В.В. Богданов напоминал, что есть в России процветающие образцовые местные музеи, и это должно поддерживать веру в полезность и возможность этих учреждений³²⁹.

Московские музееведы полагали, что для развития этнографической науки и музейного дела в провинции было необходимо, чтобы исследователи традиционной культуры были подготовлены к своему делу. Энтузиазм, энергия, самоотверженность собирателей, по их мнению, подчас оказывались не в состоянии пересилить недостатки общего этнографического образования³³⁰. Собранные музеями коллекции в значительной своей части не были научно обработаны. Это объяснялось тем, что «русский этнограф в огромной массе своей является человеком или случайно работающим, или вообще не подготовленным к тому специально». Причину «научной отсталости русских этнографов» ученые видели в состоянии этнографического образования в России³³¹. В российских университетах не было самостоятельных кафедр этнографии; читались лишь отдельные этнографические курсы в ряде высших учебных заведений.

Научное и музейное сообщество в целом и этнографическое в частности оставалось в России конца XIX – начала XX в. малочисленным, «научные силы» этнографии – слабыми. Оценивая состояние этнографической науки, музеев, научных обществ, сообщества научных и музейных деятелей, периодики

в связи с состоянием страны и общества, В.Ф. Миллер на XII съезде естествоиспытателей и врачей в Москве в 1909 г. отмечал несомненные успехи, достигнутые этнографией за последние годы. Ценный вклад в эти успехи вносили «скромные труженики» на ниве этнографии, добровольцы науки, которые работали безвозмездно, совершили поездки, проводили исследования, собирали коллекции, обогащали отечественные музеи. Эти труженики – представители «просвещенного класса народа, т.н. интеллигенции». Они, как отмечал В.Ф. Миллер, руководились в своем призвании, в своей работе не только научным влечением, но и главным образом глубоким сочувствием к жизни низших слоев народа, сохранявших в своем быту много переживаний старины. Интерес к этнографическим занятиям питался в интеллигентских кругах «высоко гуманным отношением нашего общества к инородческому населению России».

В.Ф. Миллер признал, что едва ли в другой европейской стране научные работники находились в столь тяжелых материальных, а иногда и нравственных условиях, а этнография так мало обременяла государственный бюджет, как в России. Отставание российской этнографической науки и музейного дела ученый объяснял общим состоянием культуры и экономики страны, «условиями нашей жизни». Он считал, что этнография в России не достигла уровня Запада, да и не могла достигнуть.

«Наша слабость, – говорил Миллер, – в малом распространении научной подготовки и в скучности наших материальных средств»; «работы наших любителей-добровольцев представляют главным образом описания этнографических явлений, дают только более или менее ценный материал для науки. Работы эти носят случайный, отрывочный характер и редко покушаются на суммирование и систематизацию наблюдений. Вполне научно подготовленных этнографов специалистов у нас еще очень мало; исследований,

посвященных эволюции этнографических явлений – немного». Большинство научных экспедиций, направлявшихся от научных обществ, проводилось российскими этнографами за свой счет, так как научные общества с их скучными бюджетами практически не имели возможности оплачивать поездки своих членов. Труженики науки безвозмездно, ради идеи работали иногда при самых неблагоприятных условиях, терпели голод и холод, испытывая к себе «недоверие не только местной администрации, но и темного крестьянского люда».

В.Ф. Миллер считал, что едва ли в истории другой науки в России такую существенную роль играли частный почин и участие образованного общества, как в истории этнографии и антропологии. Это касалось также отечественных музеев, которые «стоят дешево и складываются главным образом путем добровольных приношений». Их отставание от уровня музеев Западной Европы и Америки, по мнению В.Ф. Миллера, имело причиной не научную слабость, а плохое материальное обеспечение музейной работы³³².

Следует добавить, что выступавший на том же съезде Д.Н. Анучин, сравнивая состояние науки в передовых странах Запада и в России, призывал принимать во внимание условия их исторического развития. За рубежом – многовековая цивилизация, широкое распространение начального, среднего и высшего образования, густое население, развитые потребности и культурные навыки, материальный достаток. В России же, по мнению ученого, до сих пор не были усвоены некоторые основные начала «культурного правопорядка», преобладала неграмотность, сравнительно ничтожен процент людей со средним и высшим образованием, громадные слабо заселенные пространства, «ограниченные потребности, темнота, скучность и бедность». Учитывая условия страны и ее историю, следовало признать, что русская культура и наука достигли многого, и это вызывало в отечественных деятелях сознание посильного исполненного долга. Д.Н. Анучин провозглашал науку и

просвещение девизом российского научного сообщества. Ученая корпорация представлялась ему силой, без которой немыслим прогресс страны. Деятели науки осознавали лежащий на них долг – работать на пользу науки и Родины³³³.

В.В. Богданов высказывался в том же ключе. В России, по его словам, этнография до сих пор не вышла на свой надлежащий путь. На Западе условия для развития этнографии представлялись более благоприятными: в связи с интересом к колониям шло исследование материального и духовного быта «малокультурных племен», собирались коллекции, оборудовались этнографические музеи, развивалось научно-этнографическое издательство, создавались кафедры этнографии в университетах. В России же это если и происходило, то «в миниатюре, бессистемно и неуверенно»; серьезных этнографических экспедиций было немного, сибирские «инородцы» изучались «невольными людьми», то есть политическими ссылочными, коллекции собирались большей частью людьми случайными и неподготовленными, а этнографические музеи, очень малочисленные, «были в загоне», научно-этнографическое издательство с трудом пробивало себе путь, специальных кафедр по этнографии по-прежнему не было³³⁴.

Музейная этнография за рубежом

Успехи и проблемы организации научной и музейной работы в области этнографии в России в конце XIX – начале XX в. отечественные ученые рассматривали в сравнении с зарубежными примерами. Этим объясняется та, как может показаться, противоречивая оценка состояния музейной этнографии в нашей стране, которую давали отечественные этнографы: отмечая достижения, они вместе с тем указывали на недостатки и проблемы, существовавшие в этнографическом музейном деле. С признанием успехов соседствовала резкая

критика. Со страниц периодики постоянно звучало сравнение уровня общественного развития, науки и музейного дела в России и за рубежом. Отечественные ученые (Н.Н. Харузин, В.Н. Харузина, В.В. Богданов, Б.Ф. Адлер и другие) совершили поездки для научной работы и изучения деятельности зарубежных музеев и были хорошо знакомы с иностранной этнографической и музееведческой литературой. Знакомство с работой зарубежных музеев и с музееведческими идеями, формировавшимися на Западе, оказывало большое влияние на взгляды и деятельность музейных специалистов в России.

Познакомившись с постановкой музейного дела в развитых странах Запада, они отмечали ту роль, которую играло в этой области участие широкой общественности и государства. Обращалось внимание на тот факт, что за рубежом научные занятия вызывали серьезный государственный интерес и превратились в общественное движение; пользовались популярностью и получили распространение провинциальные научные общества, изучающие родной край с его этнографическими особенностями, издающие литературу, создающие музеи. Н.Ф. Сумцов замечал, что в Западной Европе «даже в... глухих ее местах» были этнографические музеи, которые служили важным подспорьем для широкого и разностороннего изучения местной народной жизни³³⁵.

На страницах «ЭО» освещались события и явления музейной жизни зарубежных стран. Московские этнографы приветствовали организованную в Праге в 1895 г. Чешско-Словацкую этнографическую выставку, которая по размаху подготовки и проведения и по интересу, вызванному в обществе, напоминала московскую Этнографическую выставку. Из Праги в Москву приходили сообщения известного чешского ученого и общественного деятеля Л. Нидерле о ходе приготовлений к выставке. Отмечались рост общественно-политического самосознания, горячее сочувствие и участие всего народа в работе местных отделений комитета Пражской

выставки³³⁶. Широко понимая этнографию, организаторы стремились представить полную картину жизни и быта, историю разных слоев «чешско-словоцкого народа». Устроители не только достигли своей цели, но и осуществили свой план создания Этнографического музея в Праге на основе коллекций выставки.

В ходе подготовки выставки и затем, с созданием музея, публиковались вестники, каталоги, периодические издания³³⁷. При Этнографическом музее издавался «Этнографический чешско-славянский вестник», в котором помещались сведения о новой этнографической литературе, об этнографических музеях и научных обществах, печатались исследования, отдельная рубрика посвящалась вопросам музееведения. Пражский музей пополнялся коллекциями и был материально обеспечен, так как пользовался популярностью публики (в 1905 г. платных посетителей было свыше 10 тыс. человек)³³⁸.

Н.Н. Харузин обращал внимание на то, что на Западе этнографические музеи уже перестали играть роль кабинетов редкостей и собраний изделий, оригинальных на взгляд европейца. На новом этапе значение музеев для науки выяснялось все с большей наглядностью: началось серьезное научное изучение коллекций, представлявших быт населения той или иной местности; собирание научных материалов шло рука об руку с комплектованием коллекций³³⁹.

Учеными и музееведами осознавалась не только роль музеев в развитии науки, но и влияние различных научных теорий в музейном деле. О применении принципов эволюционизма, культурно-исторических концепций в науке и музейном деле, в исследованиях материальной культуры, в составлении и изучении музейных коллекций рассуждали на страницах «ЭО» А.Н. Максимов³⁴⁰, В.Н. Харузина³⁴¹, Н.Ф. Сумцов. Н.Ф. Сумцов отмечал мощное благотворное воздействие эволюционизма на организацию и развитие многочисленных этнографических музеев в мире, которые, став

центрами научного развития на Западе, в частности в Германии, пользовались поддержкой, в том числе финансовой, со стороны государства, научных обществ и всей интеллигенции³⁴².

В.Н. Харузина, обозревая деятельность американских научных обществ, учреждений и музеев (Смитсоновского института в Вашингтоне, музея этнографии и археологии при Пенсильванском университете, Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, музея Пибоди при Гарвардском университете, музея Филда в Чикаго, музея этнографии и археологии в Сан-Франциско) отмечала, что острая потребность в ученых-специалистах была даже в США, где была особенно распространена практика крупных частных пожертвований на науку и где постановка антропологического образования и состояние науки и музейного дела вызывали у зарубежных коллег «понятную зависть» и «благородное соревнование».

В связи с этим русские ученые отмечали нехватку специалистов-этнографов в России, где сохранялось так много «живого этнографического материала», требующего собирания, но что важнее, научной систематизации³⁴³. Вслед за зарубежными учеными отечественные деятели науки и культуры высказывались о том, что «публичный музей должен представлять собой нечто гораздо большее, чем дом, наполненный образчиками в стеклянных шкафах; это должен быть дом, наполненный идеями, в размещении которых соблюдено строжайшее внимание к системе». Таким образом, научная систематизация музейных коллекций «лишил их характера мертвого богатства и послужит проводником научных идей»³⁴⁴. Эта мысль соответствовала требованиям этнографической науки, которая нуждалась в работах не только описательного характера, но и содержащих научные обобщения.

На страницах «ЭО» музеям Германии посвящено значительно больше статей, заметок, сообщений, чем музеям других

европейских стран (Австрии, Швейцарии, Франции, Голландии, Швеции, Норвегии). Немецкие этнографические музеи – посвященные и зарубежным народам (*Völkerkunde*), и населению Германии (*Volkskunde*) считались русскими учеными во многих отношениях достойными подражания. В материалах «ЭО» (В.Н. Харузиной, В.В. Богданова и других авторов) обращалось внимание на постановку собирательской работы музеев Берлина, Лейпцига, Дрездена, Кельна, Франкфурта, Гамбурга, Нюрнберга, Штутгарта и других городов, на вклад отдельных ученых в их создание и развитие, в научную, просветительную работу, научное издательство музеев (каталоги, путеводители, периодические издания, исследования отдельных вопросов материальной и духовной культуры), экспозицию, музейные здания и помещения, музейную технику³⁴⁵.

Русские ученые были хорошо знакомы с немецким музееведческим журналом «*Museumskunde*». Помимо немецких, они внимательно изучали опыт работы других европейских музеев в применении к отечественной музейной этнографии³⁴⁶.

Материалы периодики свидетельствуют о том, что российских деятелей науки и культуры волновала в связи с зарубежным опытом проблема разнообразия подходов и «перемены лиц» в развитии музейного дела. По поводу опубликованного в 1912 г. В.Н. Харузиной ее «Отчета о летней поездке в Германию» В.В. Богданов рассуждал о важности субъективного начала в музейном деле и об ответственности музейного работника перед обществом. Разнообразие подходов музейных деятелей к постановке музейного дела, применение ими в работе собственного опыта и наблюдений, существующие между музейщиками разногласия по ряду музейных проблем, по мнению В.В. Богданова, в конечном итоге предохраняют «научное дело от шаблонов и подчиненности принципам и авторитетам, т.-е. от застоя».

Обратившись к опыту Германии и других развитых стран, ученый отметил, что смена руководителей музеев не отражалась отрицательно на судьбе и состоянии музейных коллекций. За рубежом этнография являлась полноправной наукой, кафедры этнографии имелись в университетах, были часты съезды деятелей этнографии, этнографическим музеям щедро покровительствовало государство и городские власти, выходили музейные издания. Музейный деятель-этнограф был всегда на виду и не мог не считаться с обширным и всеобщим интересом к его специальности. «Поэтому, — пишет В.В. Богданов, — не только преданность науке, но и чувство самолюбия не позволит ему своевольно поступить с вверенным ему научным достоянием». Таким образом, разными путями и многими силами создавался «солидный коллективный научный инвентарь образцовых немецких этнографических музеев»³⁴⁷.

Научный музей и изучение народной культуры

Этнографы-ученые и музейные деятели в изучаемый период высказывали мнение, согласно которому музей должен быть научным учреждением. Эта идея все настойчивее повторялась в этнографической периодике в начале XX в.

Так, в связи с проектами выделения этнографических коллекций из состава Румянцевского музея В.В. Богданов полагал, что вновь создаваемые или модернизируемые музеи должны быть музеями научными, идущими в уровень с современными требованиями западноевропейской науки и музейного дела. Необходимо, чтобы работа была поставлена рационально, чтобы музей имел достаточный штат специалистов, немалый штатный бюджет на содержание и приобретение коллекций. Музей должен содействовать развитию и распространению этнографических знаний, а для

этого ему нужно организовывать экспедиции в разные местности, собирать коллекции, издавать научные и популярные труды, группировать вокруг себя заинтересованных ученых и посторонних сотрудников. Пока же «музейское дело в России, за редкими исключениями, поставлено очень примитивно, существует робко и готово в каждую данную минуту разрушиться, развалиться то в одном, то в другом месте», подводил итог В.В. Богданов, имея в виду, в частности, тяжелое положение Румянцевского музея и его Этнографического отделения³⁴⁸.

Периодика отразила развитие научных представлений отечественных этнографов и музейных деятелей, в том числе их понимание принципов изучения народной культуры, понятий «старина», «новое» в народной культуре, взгляд на отражение этнографических реалий в музейных коллекциях, на проблемы «что собирать» и «как собирать» для музея. Со страниц научных периодических изданий российские ученые постоянно призывали спешить с изучением народного быта, для чего требовались усилия большого коллектива ученых. Материалы «ЭО» де-монстрируют особый интерес российских этнографов и музейных деятелей к выявлению, собиранию и исследованию старины в культуре народа. Они призывали обращать внимание на изучение интересных и важных для истории культуры форм быта, «отживающей старины», быстро исчезающих старинных особенностей в материальной культуре русских крестьян под влиянием изменившихся экономических условий, городской культуры, городской промышленности, торговли, а у «инородцев» – под влиянием «цивилизации и русской культуры».

Вместе с тем, в среде деятелей этнографической науки и музеев приходило осознание того, что изучение архаики в народной культуре недостаточно. В.Н. Харузина предложила обратить внимание на идеи известного европейского этнографа А. ван Геннепа, считавшего ошибкой придавать огромное

значение сухому изучению накопленного в музеях этнографического материала, кстати, не всегда достаточно полного. Ученый отмечал, что в собирательской работе сохранялось предпочтение предметам старинным, отличающимся ценностью, красотой исполнения, так называемой самобытностью. Между тем, по мнению А. ван Геннепа, этнограф должен наблюдать предмет в живой обстановке его возникновения и использования, и помимо собирания этнографических предметов в их вариациях он должен выяснить «социальные и психические условия, вызвавшие появление предмета». Согласившись с мнением ученого, В.Н. Харузина предложила включать в музейные этнографические коллекции ввозные предметы, а также такие предметы, которые являются смешение нового со стариной, привнесенного с тем, что кажется самобытным. Ведь этнография и этнографический музей должны наблюдать живую жизнь народов в ее вечно сменяющемся разнообразии, народную жизнь, как она есть. И этнографические музеи, по словам исследовательницы, уже осознали эту необходимость и пошли по этому пути³⁴⁹.

В.Н. Харузина определяла этнографию как науку опытную, строящую свои положения лишь на точных данных, на основании строго проверенного материала. Этнографы, по ее словам, стали отыскивать всякий материал с точностью, «с какой поступает естествоиспытатель». Научное собирание коллекций, включавшее возможно полную фиксацию сведений об этнографических предметах, и научная систематизация коллекций в музеях, за необходимость которых ратовали отечественные этнографы, превращали накопленный в музеях материал из «полного значения, но мертвого алфавита» в материал «живой и яркий», отражающий народную жизнь во всем разнообразии ее проявлений³⁵⁰.

Большой историографический интерес представляют выраженные на страницах «ЭО» идеи московских этнографов и

музеееведов по вопросу полноты и качества музейных коллекций и возможности их использования для исследования различных проблем этнографической науки. Используя в качестве примера коллекции русского костюма Дашковского этнографического музея, В.В. Богданов обозначил те требования, которые предъявляла современная наука к собиранию коллекций по материальной культуре. Ученый показал, насколько эти требования отличаются от тех, которые предъявлялись наукой к музейным коллекциям в середине – второй половине XIX в.

При сборе коллекций должны обязательно фиксироваться время, место, общественно-культурные условия и другие обстоятельства, связанные с происхождением и бытованием этнографического предмета, например, костюма, его элементов. Необходимы рисунки, чертежи, запись названий, описание приемов изготовления костюма и отдельных его частей. Нужно обследовать село за селом весь район, чтобы получить достоверную и детальную карту географического распространения данного явления культуры.

В.В. Богданов спрашивал: «Много ли в наших русских этнографических музеях найдется костюмов, описанных с соблюдением этих требований, и много ли мы знаем вообще описаний народных костюмов, соблюдающих вышеуказанные условия?». Даже очень ценные коллекции Дашковского музея, замечал ученый, не могут претендовать на подобного рода научное значение, так как они собирались в то время, когда наука не предъявляла исследователю материальной культуры тех требований, которые предъявляются теперь. Необходимы «контрольные экспедиции», дополнительные исследования, собирания, полевая работа для повышения научной значимости Дашковских собраний. Ибо только при наличии достоверных и обстоятельных научных описаний, по убеждению В.В. Богданова, можно приступать к «анализу костюма» как этнографического явления.

Музейные материалы, о которых писал Богданов, собирались для московской Этнографической выставки 1867 г. В то время народный костюм, в понимании тогдашних этнографов, «доминировал над всеми другими сторонами народного материального быта» и именно он был особенно заботливо собран. Однако и в этом собрании имелись значительные пробелы: были представлены не все губернии, не всегда типичными костюмами или неполным их подбором; отдавалось предпочтение женскому праздничному горничному костюму, тогда как слабо был представлен женский будничный, верхний летний и зимний, а также мужской костюм. Указанные недостатки коллекций костюма Дашковского музея объяснялись, по мнению В.В. Богданова, «ограниченными пределами научных задач, поставленных себе собирателями» этих коллекций. Ученый вместе с тем считал эти собрания большими, цennыми и интересными, позволяющими подходить к решению ряда научных проблем, связанных с костюмом.

В свою очередь, такие исследования, по мнению В.В. Богданова, требуют привлечения данных не только этнографии, но и истории, археологии, лингвистики. Для этого необходимы кадры специалистов, работающих по согласованному плану, и большие материальные средства. Ученый отмечал, что в России есть силы, серьезно озабоченные изучением народной культуры (Академия наук, музеи, научные общества, земства) и надеялся, что изучение и коллекционирование русского народного костюма «скоро перейдет из своего любительского, случайного и нередко невежественного состояния в состояние, достойное высокого авторитета науки»³⁵¹.

Что же касается судьбы музейной этнографии в Москве, то следует обратить внимание на грандиозный проект устройства «Всероссийского Национального и Румянцевского музея» в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (1913), о чем активно говорилось в прессе. По сообщениям журнала «Старые годы», задачей планировавшегося музея, в

основе которого должны были быть положены собрания Румянцевского музея, было «всесторонне представить культурно-историческое развитие русской жизни». Сотрудники журнала небезосновательно полагали, что этот проект неосуществим из-за расходов и трудностей устройства столь грандиозного общего здания. Они считали также нежелательным касаться таких очагов культуры, сделавшихся во всей своей цельности уже историческими памятниками, как Румянцевский музей³⁵² (к слову, в 1913 г. музей получил наименование «Императорский Московский и Румянцевский музей»). Этого мнения придерживались многие музееведы. В целом, отношение к проекту в обществе было противоречивым.

В то же время, московские этнографы надеялись, что если данный проект будет осуществлен (а в его рамках планировалось создание этнографического музея), то Дашковский музей и Отделение иностранной этнографии станут его ядром, что послужит толчком к развитию музейной этнографии в Первопрестольной. Ведь, как отмечал В.В. Богданов, при всем обилии и разнообразии научных и музейных начинаний, предпринятых в Москве, здесь все же до сих пор не было внешних благоприятных условий для развития этнографической науки и этнографического музея – не было достаточных, регулярно поступавших материальных средств. Это обстоятельство пагубно сказывалось на успехах этнографической науки, «роковым образом как бы связанной по рукам и ногам».

Московские этнографы полагали, что Москва нуждается в новом этнографическом музее, который развился бы из Этнографического отделения Румянцевского музея. Москва его заслужила «как своей культурно-исторической миссией вообще, так и трудами своих ученых деятелей». Необходимость в таком музее давно назрела и ощущалась всеми. Население города, отмечал В.В. Богданов, было настолько велико, число посетителей музея все увеличивалось, потребность в серьезной

научной демонстрации знаний делалась все настоятельнее, что в такой обширной и важной отрасли науки, как этнография, обходиться без солидного этнографического музея Москва уже не могла. В этом отношении Петербург считался «счастливее Москвы», так как там имелись два этнографических музея, причем сравнительно хорошо материально обеспеченных. Для Москвы же Дашковский музей был «мал, неполон, несовершенен». Его следовало превратить в новый грандиозный научно оборудованный этнографический музей, чтобы удовлетворить потребности растущей Москвы³⁵³.

Расформирование Румянцевского музея и создание самостоятельного этнографического музея в Москве было осуществлено после Октябрьской революции. История Этнографического отдела ИОЛЕАЭ и его периодического органа «Этнографическое обозрение», история музейной этнографии, отраженные в источниках, свидетельствовали о том, что в Москве имелись ум, опыт, силы этнографов и музееведов, способных развивать этнографическое музейное дело в интересах науки и просвещения.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что на страницах «Этнографического обозрения» разносторонне отражена деятельность отечественных этнографических музеев, размышления российских ученых по проблемам музейной этнографии в связи с общими проблемами науки и музейного дела в России конца XIX – начала XX в. В журнале освещены такие вопросы, как место и роль этнографических музеев и коллекций в исследовании культуры народов и просвещении; разработка теории и практики этнографического музейного дела; специфика собирания этнографических коллекций.

Характерно, что именно профессиональный этнографический журнал явился полем для обсуждения проблем науки и музеев в связи с общим состоянием России и ее общества. Уровень развития этнографической науки и

музейного дела, состояние «ученых сил и средств» этнографии и музеев необходимо оценивать в связи с общественно-политической и социально-экономической ситуацией, состоянием культуры и образования, с существовавшими в России идеинными течениями. Наряду с признанием очевидных успехов в этнографической науке, в создании и работе этнографических и местных музеев, российские ученые в целом констатировали отсталость музейного дела, этнографии и ее организационной структуры, этнографического образования в нашей стране. Постоянный интерес авторов «ЭО» к научным и музееведческим идеям зарубежных ученых, к работе зарубежных этнографических музеев, сравнение их опыта с музейным делом в России дали возможность выявить достижения и проблемы российских музеев в конце XIX – начале XX в.

На страницах «ЭО» отразился процесс формирования научных теоретических, музейных, культурно-просветительных основ, составивших базу отечественной этнографии, в том числе этнографического музееведения. В комплексе историографических источников, относящихся к изучаемому периоду (материалы периодической печати, монографии, издания музеев и научных обществ, неопубликованные документы по их деятельности), «ЭО» занимает особое место. Публикации московского этнографического журнала широко представляют картину музейной жизни России, отражают проблематику деятельности музеев, от крупных столичных до небольших провинциальных. Лейтмотивом музееведческих материалов «Этнографического обозрения» явилась проблема развития отечественных музеев как научных учреждений и просветительных центров.

¹ От редакции // ЭО. 1889. № 1. С. I.

² Токарев С.А. История русской этнографии... С. 402.

³ От редакции // ЭО. 1889. № 1. С. I–II.

⁴ От редакции // ЭО. 1890. № 1. С. V.

⁵ 25-тилетие бессменного председательства в Этнографическом Отделе И. О. Л. Е., А. и Э. профессора Всеволода Федоровича Миллера // ЭО. 1907. № 1–2. С. 257.

⁶ См. музееведческие материалы в журнале «Землеведение». Напр., *Адлер Б.Ф.* Лейпцигский этнографический музей // 1901. Кн. 1–2; *Он же.* Бременский этнографический и торгово-географический музей // 1902. Кн. 1–2; *Он же.* Музей этнографии и антропологии имени имп. Петра Великого при Академии Наук // 1904. Кн. 1–2; *Он же.* Кабинет географии и этнографии при имп. Казанском университете // 1913. Кн. 3–4.

⁷ См. музееведческие материалы в «Русском антропологическом журнале». Напр., *Кон Ф.Я.* К 25-летию Минусинского местного музея // 1902. № 1; *Анучин Д.Н.* Антропологический музей Московского университета // 1907. № 1–2.

⁸ *Богданов В.В.* Вс.Ф. Миллер как председатель Этнографического отдела // ЭО. 1913. № 3–4. С. 27–28; *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 138; *Токарев С.А.* История русской этнографии... С. 403.

⁹ 25-тилетие бессменного председательства... С. 257.

¹⁰ *Богданов В.В.* Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 28.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 1600 (письма Н.А. Янчука В.И. Ламанскому). Л. 4; *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 140.

¹² *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 138–139.

¹³ Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Фонд В.В. Богданова. Папка 47. Д. 15. Л. 7 об., 17 об.

¹⁴ *Липец Р.С., Макашина Т.С.* Роль Общества любителей... С. 58–59; *Миськова Е.В.* Журнал «Этнографическое обозрение»... С. 1–10.

¹⁵ *Миллер В.Ф.* Вступительное слово при открытии подсекции этнографии на XII-ом съезде естествоиспытателей и врачей // ЭО. 1909. № 4. С. 6.

¹⁶ Ср.: зарплата сельского учителя в последней четверти XIX в. колебалась в пределах нескольких сотен рублей в год; доцент вуза получал 1200 р. в год. См. *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века... С. 169, 184.

¹⁷ *Липец Р.С., Макашина Т.С.* Роль Общества любителей... С. 58–59.

-
- ¹⁸ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 140.
- ¹⁹ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 47. Д. 11. Л. 3 об. См. там же. Д. 12. Л. 13 об.
- ²⁰ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 138–139; Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей... С. 58; Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных... С. 96.
- ²¹ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 3. С. 203.
- ²² От редакции // ЭО. 1889. № 1. С. II.
- ²³ От редакции // ЭО. 1890. № 1. С. VI–VII.
- ²⁴ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 130.
- ²⁵ 25-тилетие бессменного председательства... С. 256.
- ²⁶ Миськова Е.В. Журнал «Этнографическое обозрение»... С. 3.
- ²⁷ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // ЭО. 1889. № 1. С. 23–25.
- ²⁸ От редакции // ЭО. 1889. № 1. С. II.
- ²⁹ Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин // ЭО. 1900. № 2. С. 1–14.
- ³⁰ Керимова М.М. Научное наследие этнографов Харузиных... С. 120–121.
- ³¹ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 139–140.
- ³² Богданов В.В. Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 28.
- ³³ Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных... С. 96.
- ³⁴ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 402.
- ³⁵ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 47. Д. 11. Л. 3 об.–4.
- ³⁶ Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных... С. 90–106.
- ³⁷ Соловей Т.Д. Власть и наука в России. М., 2004. С. 91–140.
- ³⁸ Миськова Е.В. Журнал «Этнографическое обозрение»... С. 1.
- ³⁹ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии... С. 22.
- ⁴⁰ Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей... С. 42–50; Зверева Ю.И. На благое просвещение // Этносфера. 1998. № 2. С. 16–17; Славянский мир...; Найт Н. Империя на просмотре... С. 437–457.
- ⁴¹ Инструкции собирания предметов для Русской этнографической выставки и Русского музея в Москве, учреждаемых Обществом Любителей Естествознания. М., 1866; о программе см. Ивановская Н.И. Из истории собирательских программ по этнографии... С. 88; Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга... С. 13–14.

-
- ⁴² Анучин Д.Н. Полвека жизни Общества // Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1914. С. 8–11.
- ⁴³ Гладкова Т.Д. Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // ОИРЭФА. Вып. II. ТИЭ. Т. 85. М., 1963. С. 182–184.
- ⁴⁴ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии... С. 11, 22–25, 28–35.
- ⁴⁵ Хроника // ЭО. 1900. № 4. С. 169.
- ⁴⁶ Богданов В.В. Выделение этнографии из Румянцевского музея // ЭО. 1910. № 1–2. С. 170.
- ⁴⁷ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии... С. 19; Хроника // ЭО. 1900. № 4. С. 169; 25-тилетие бессменного председательства... С. 253–254; Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 6; Хроника // ЭО. 1914. № 1–2. С. 277.
- ⁴⁸ См. материалы выставки и Этнографического отдела ИОЛЕАЭ: Центральный исторический архив Москвы. Ф. 227. Оп. 3. Д. 5, 8 и др.; Ф. 455. Оп.1. Д. 25.
- ⁴⁹ Объяснительный путеводитель по Этнографическому музею. I Отделение иностранной этнографии. II Дашковский этнографический музей. Сост. Н.А. Янчук. III Зал имени Ф.П. Рябушинского. Сост. В.В. Богданов / Императорский Московский и Румянцевский музей. М., 1916. С. 5.
- ⁵⁰ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии... С. 19.
- ⁵¹ Миллер В.Ф. Памяти Нила Александровича Попова // ЭО. 1892. № 1. С. 2–7.
- ⁵² Известия и заметки // ЭО. 1892. № 4. С. 59.
- ⁵³ Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Вып. 1. М., 1887. С. VIII–XIII.
- ⁵⁴ В. М. [Миллер В.Ф.] Василий Андреевич Дашков (1819–1896) // ЭО. 1896. № 1. С. 150–151.
- ⁵⁵ Богданов В.В. Выделение этнографии... С. 170.
- ⁵⁶ Богданов В.В. Всеялод Федорович Миллер. К столетию... С.158–169; Он же. Музейная этнография... С. 12–20; НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 46. Д.20: рукопись В.В. Богданова «Записка о реконструкции центральных этнографических музеев в Москве и Ленинграде» (1947). Л. 22.
- ⁵⁷ Богданов В.В. Музейная этнография... С. 13.
- ⁵⁸ Богданов В.В. Музейная этнография... С. 19.

-
- ⁵⁹ *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 164–169.
- ⁶⁰ Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М., 1898. С. 22, 56.
- ⁶¹ Путеводитель по Этнографическому музею. I Отделение иностранной этнографии. II Дашковский этнографический музей / Московский Публичный и Румянцевский Музеи. М., 1908. С. 68.
- ⁶² *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 166.
- ⁶³ *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 164.
- ⁶⁴ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 115. Д. 1: рукопись В.В. Богданова «Главные устроители Антропологической выставки 1879 года А.П. Богданов и Д.Н. Анучин и их влияние на развитие этнографии в России» (Москва, 1929). Л. 10–12.
- ⁶⁵ *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество... С. 350; *Они же.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы»... С. 293.
- ⁶⁶ *Мирзоян Э.Г.* Московское Общество испытателей природы. 1805–1995. М., 1996. С. 12–15.
- ⁶⁷ *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России... С. 139.
- ⁶⁸ *Липец Р.С., Макашина Т.С.* Роль Общества любителей... С. 52; *Липец Р.С.* К публикации рукописи В.В. Богданова... С. 126. См. *Миллер В.Ф.* О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа. Вып. I–XXII. Тифлис, 1893–1897.
- ⁶⁹ 25-тилетие бессменного председательства... С. 255.
- ⁷⁰ *Н. Х. [Харузин Н.Н.]* Рец. на: *Миллер В.Ф.* Систематическое описание... Вып. 3. М., 1893 // ЭО. 1894. № 1. Критика и библиография. С. 140; Критика и библиография // ЭО. 1895. № 3. С. 141.
- ⁷¹ *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни // ЭО. 1913. № 3–4. С. XIX.
- ⁷² Известия и заметки // ЭО. 1890. № 2. С. 259–260.
- ⁷³ Данные материалы см.: НА ИЭА РАН. Ф. 22 (ф. ОЛЕАЭ).
- ⁷⁴ [Редакция] К истории народных костюмов // ЭО. 1892. № 2–3. С. 224–225.
- ⁷⁵ ЭО. 1892. № 2–3. С. 225–232.
- ⁷⁶ *Вл. Б. [Богданов В.В.]* Рец. на: Материалы по этнографии России. Том 1. СПб., 1910 // ЭО. 1910. № 1–2. Критика и библиография. С. 184.

-
- ⁷⁷ Критика и библиография // ЭО. 1912. № 1–2. С. 230–236.
- ⁷⁸ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Миллер В.Ф. Систематическое описание... С. 140–142.
- ⁷⁹ Миллер В.Ф. Систематическое описание... Вып. 3. М., 1893. С. III.
- ⁸⁰ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Миллер В.Ф. Систематическое описание... С. 140–142.
- ⁸¹ Анучин Д.Н. Памяти В.Ф. Миллера // ЭО. 1913. № 3–4. С. 127.
- ⁸² Хроника // ЭО. 1900. № 4. С. 169; 25-тилетие бессменного председательства... С. 255, 265.
- ⁸³ Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Под ред. В.Ф. Миллера. Вып. 1–3. М., 1885–1887.
- ⁸⁴ В. М. [Миллер В.Ф.] Василий Андреевич Дашков... С. 151; Анучин Д.Н. Памяти В.Ф. Миллера... С. 127.
- ⁸⁵ Максимов А.Н. В.Ф. Миллер // ЭО. 1913. № 3–4. С. 151.
- ⁸⁶ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни... С. XIX.
- ⁸⁷ Иванов А.Е. Наука... С. 655.
- ⁸⁸ Миллер В.Ф. Памяти Нила Александровича Попова... С. 1.
- ⁸⁹ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни... С. XIX.
- ⁹⁰ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 3. С. 203–205.
- ⁹¹ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 2. С. 232; Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1897–1898 год // ЭО. 1899. № 1–2. С. 382.
- ⁹² Известия и заметки // ЭО. 1894. № 4. С. 232; Известия и заметки // ЭО. 1895. № 3. С. 181; Известия и заметки // ЭО. 1896. № 2–3. С. 323; Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1897–1898 год // ЭО. 1899. № 1–2. С. 382; Хроника // ЭО. 1900. № 1. С. 183.
- ⁹³ Керимова М.М. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива... С. 138.
- ⁹⁴ Хроника // ЭО. 1905. № 4. С. 154.
- ⁹⁵ Известия и заметки // ЭО. 1895. № 3. С. 181.
- ⁹⁶ Хроника // ЭО. 1907. № 1–2. С. 279–280.
- ⁹⁷ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 322.
- ⁹⁸ Варб Е. Одно из наших центральных просветительных учреждений // Очерки Румянцевского музея. М., 1898.

-
- ⁹⁹ См. Отчеты Московского Публичного и Румянцевского Музеев. М., 1864 и след.
- ¹⁰⁰ В скобках даны современные названия народов.
- ¹⁰¹ Известия и заметки // ЭО. 1897. № 3. С. 221.
- ¹⁰² Известия и заметки // ЭО. 1893. № 3. С. 201.
- ¹⁰³ Хроника // ЭО. 1900. № 1. С. 184–185.
- ¹⁰⁴ Хроника // ЭО. 1900. № 4. С. 165; Хроника // ЭО. 1901. № 4. С. 186; Хроника // ЭО. 1903. № 4. С. 196.
- ¹⁰⁵ Хроника // ЭО. 1903. № 4. С. 183.
- ¹⁰⁶ Хроника // ЭО. 1909. № 2–3. С. 262.
- ¹⁰⁷ Хроника // ЭО. 1912. № 3–4. С. 181, 183.
- ¹⁰⁸ Хроника // ЭО. 1915. № 3–4. С. 148.
- ¹⁰⁹ Хроника // ЭО. 1916. № 1–2. С. 141–149.
- ¹¹⁰ Хроника // ЭО. 1903. № 4. С. 183; Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 126, 196; Хроника // ЭО. 1911. № 3–4. С. 283–284; Хроника // ЭО. 1914. № 1–2. С. 267.
- ¹¹¹ Елеонская Е.Н. Гончарное производство в г. Козельске // ЭО. 1908. № 3. С. 97–98; Она же. Женский костюм пригородных деревень г. Козельска // ЭО. 1908. № 3. С. 99–101; Она же. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // ЭО. 1912. № 1–2. С. 146–154.
- ¹¹² Хроника // ЭО. 1915. № 3–4. С. 149–151.
- ¹¹³ Яковлев Н.Ф. Материалы по одежде донских казаков // ЭО. 1916. № 1–2. С. 43–55.
- ¹¹⁴ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 321–322.
- ¹¹⁵ Хроника // ЭО. 1903. № 4. С. 201.
- ¹¹⁶ 25-тилетие бессменного председательства... С. 255.
- ¹¹⁷ Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 6.
- ¹¹⁸ Хроника // ЭО. 1907. № 1–2. С. 280.
- ¹¹⁹ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 321.
- ¹²⁰ Отчет Императорского Московского и Румянцевского Музея за 1913 г. М., 1914. С. 17.
- ¹²¹ Отчет Императорского Московского и Румянцевского Музея за 1914 г. М., 1916. С. 137.
- ¹²² Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 6.
- ¹²³ Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России... С. 139–140; Бастракова М.С., Павлова Г.Е. Наука: власть и общество... С. 372–381.

-
- ¹²⁴ *Берляевский Л.Г.* Наука и политика в России XIX–XX вв. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1992. С. 7–10.
- ¹²⁵ Об экспедиции см. также: *Токарев С.А.* История русской этнографии… С. 374–375.
- ¹²⁶ *Известия и заметки* // ЭО. 1895. № 4. С. 186.
- ¹²⁷ *Хроника* // ЭО. 1906. № 1–2. С. 168.
- ¹²⁸ *Калесник Е.В.* Промышленники и банкиры Рябушинские – организаторы географических исследований // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы международной конференции. Т. 3. СПб., 1999. С. 12–13.
- ¹²⁹ *Богданов В.В.* Музейная этнография… С. 48.
- ¹³⁰ *Хроника* // ЭО. 1906. № 1–2. С. 168. Об экспедиции, снаряжаемой на средства Ф.П. Рябушинского, сообщала и «Живая старина»: ЖС. 1906. Вып. II. С. 48.
- ¹³¹ *Хроника* // ЭО. 1908. № 4. С. 209.
- ¹³² *Хроника* // ЭО. 1910. № 1–2. С. 226.
- ¹³³ *Калесник Е.В.* Промышленники и банкиры Рябушинские… С. 13–15.
- ¹³⁴ *Хроника* // ЭО. 1909. № 4. С. 155.
- ¹³⁵ *Хроника* // ЭО. 1909. № 2–3. С. 261; *Хроника* // ЭО. 1910. № 1–2. С. 223–226; *Хроника* // ЭО. 1911. № 3–4. С. 284.
- ¹³⁶ *Хроника* // ЭО. 1910. № 3–4. С. 262.
- ¹³⁷ *Хроника* // ЭО. 1911. № 1–2. С. 315.
- ¹³⁸ *Богданов В.В.* Музейная этнография… С. 47, 51, 22.
- ¹³⁹ *Хроника* // ЭО. 1913. № 1–2. С. 332–333.
- ¹⁴⁰ Объяснительный путеводитель по Этнографическому музею… С. 111.
- ¹⁴¹ *Хроника* // ЭО. 1911. № 1–2. С. 315.
- ¹⁴² *Богданов В.В.* Краткий каталог коллекций, собранных В.И. Иохельсоном на Камчатке и Алеутских островах во время экспедиции 1908–1911 годов… М., 1914.
- ¹⁴³ *Хроника* // ЭО. 1907. № 4. С. 151.
- ¹⁴⁴ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи… С. 132.
- ¹⁴⁵ *Хроника* // ЭО. 1910. № 1–2. С. 225.
- ¹⁴⁶ См. рецензии *Максимова А.Н.* на эти издания: Критика и библиография // ЭО. 1908. № 4. С. 148; Критика и библиография // ЭО. 1909. № 2–3. С. 189.
- ¹⁴⁷ *Хроника* // ЭО. 1910. № 1–2. С. 225.

-
- ¹⁴⁸ *Богораз В.Г.* Чукчи. Авториз. перевод с англ. Ч 1–2. Л., 1934–1939; *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.
- ¹⁴⁹ Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 143.
- ¹⁵⁰ *Горбачева В.В.* Из истории комплектования В.И. Иохельсоном коллекций по народам северо-востока Сибири // Музей. Традиции. Этничность... С. 89–92; *Слободин С.Б.* Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // ЭО. 2005. № 5. С. 99–108.
- ¹⁵¹ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 315–317; *Богданов В.В.* Музейная этнография... С. 49.
- ¹⁵² См. *Ушаков Н.В.* Полевой этнографический источник по современности... С. 155–156.
- ¹⁵³ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 293.
- ¹⁵⁴ 25-тилетие бессменного председательства... С. 255.
- ¹⁵⁵ *Богданов В.В.* Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 27.
- ¹⁵⁶ 25-тилетие бессменного председательства... С. 255.
- ¹⁵⁷ Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе И. О. Л. Е. А. и Э. М., 1887 (из Известий ИОЛЕАЭ. Т. XLVIII. Вып. 2. Труды Этнографического отдела. Кн. VIII. М., 1888).
- ¹⁵⁸ *Маслов А.Л.* Лирники Орловской губернии, в связи с историческим очерком инструмента «малороссийской лиры» // ЭО. 1900. № 3. С. 1–13.
- ¹⁵⁹ *Маслов А.Л.* Программа для собирания народных песен и других музыкально-этнографических материалов // ЭО. 1901. № 4. С. 199–204.
- ¹⁶⁰ Хроника // ЭО. 1902. № 4. С. 143.
- ¹⁶¹ Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1897–1898 год // ЭО. 1899. № 1–2. С. 382.
- ¹⁶² Хроника // ЭО. 1901. № 2. С. 183; Хроника // ЭО. 1901. № 4. С. 183; Хроника // ЭО. 1902. № 4. С. 142; Хроника // ЭО. 1906. № 1–2. С. 178; Хроника // ЭО. 1907. № 3. С. 146.
- ¹⁶³ Хроника // ЭО. 1902. № 2. С. 194.
- ¹⁶⁴ Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 124–125.
- ¹⁶⁵ *Хоткевич И.* Несколько слов об украинских бандуристах и лирниках // ЭО. 1903. № 2. С. 101.
- ¹⁶⁶ Хроника // ЭО. 1908. № 3. С. 187–189.

-
- ¹⁶⁷ Линева Е.Э. Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губернии по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому // ЭО. 1903. № 1. С. 79.
- ¹⁶⁸ Хроника // ЭО. 1914. № 3–4. С. 216.
- ¹⁶⁹ Хроника // ЭО. 1915. № 3–4. С. 147.
- ¹⁷⁰ Маслов А.Л. Иллюстрированное описание народных музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве. М., 1909.
- ¹⁷¹ Хроника // ЭО. 1908. № 3. С. 190–191.
- ¹⁷² Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 129.
- ¹⁷³ Хроника // ЭО. 1908. № 3. С. 191.
- ¹⁷⁴ Хроника // ЭО. 1915. № 3–4. С. 147.
- ¹⁷⁵ Известия и заметки // ЭО. 1896. № 4. С. 203.
- ¹⁷⁶ Хроника // ЭО. 1901. № 4. С. 185.
- ¹⁷⁷ Общие сведения о коллекциях отдела Европы и их собирателях // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 192, 195–196.
- ¹⁷⁸ Хроника // ЭО. 1901. № 4. С. 183–184.
- ¹⁷⁹ Газеты и журналы // ЭО. 1904. № 1. С. 163.
- ¹⁸⁰ Библиография // ЭО. 1889. № 1. С. 166–168.
- ¹⁸¹ Н. Я. [Янчук Н.А.] Пасхальные яйца // ЭО. 1898. № 1. Вопросы и ответы. С. 205–206.
- ¹⁸² Писанки и крашанки // ЭО. 1899. № 1–2. Вопросы и ответы. С. 405–408.
- ¹⁸³ Хроника // ЭО. 1909. № 1. С. 131–132; Хроника // ЭО. 1909. № 2–3. С. 268–269.
- ¹⁸⁴ Богданов В.В. К изучению игрушки. Программные заметки // ЭО. 1912. № 1–2. С. 222–229.
- ¹⁸⁵ См. рецензию В.В. Богданова на сборник статей под редакцией Н.Д. Бартрама «Игрушка, ее история и значение» // ЭО. 1912. № 1–2. Критика и библиография. С. 252.
- ¹⁸⁶ Данковская Р.С. Малороссийские обрядовые печенья Курской губернии // ЭО. 1909. № 1. С. 21–34; Она же. «Кулик» и «лестничка» – обрядовые печенья Фатежского уезда // ЭО. 1909. № 2–3. С. 173–174; Хроника // ЭО. 1909. № 1. С. 133–134.
- ¹⁸⁷ Хроника // ЭО. 1909. № 1. С. 133.
- ¹⁸⁸ Хроника // ЭО. 1909. № 2–3. С. 275.
- ¹⁸⁹ Хроника // ЭО. 1909. № 4. С. 158.
- ¹⁹⁰ Хроника // ЭО. 1910. № 1–2. С. 229–230.

-
- ¹⁹¹ [Записала Харузина В.Н.] Свадебное печенье – «роща» // ЭО. 1914. № 3–4. С. 179–181.
- ¹⁹² Сюжет об отношении этнографов-собирателей и русских крестьян-сибиряков к шаманским ритуалам и предметам см.: Чеканинский И.А. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губ. // ЭО. 1914. № 3–4. С. 61–80.
- ¹⁹³ См. ЭО. 1912. № 1–2. С. 101–154.
- ¹⁹⁴ Хроника // ЭО. 1912. № 3–4. С. 180.
- ¹⁹⁵ Критика и библиография // ЭО. 1913. № 1–2. С. 281–284.
- ¹⁹⁶ Хроника // ЭО. 1914. № 1–2. С. 268–270.
- ¹⁹⁷ Хроника // ЭО. 1915. № 3–4. С. 146.
- ¹⁹⁸ Богданов В.В. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей // ЭО. 1916. № 1–2. С. 17–39; Клетнова Е.Н. Записка о метах и знаках собственности Вяземского уезда // ЭО. 1916. № 1–2. С. 40–42.
- ¹⁹⁹ См. также сведения из отчетов Московского Публичного и Румянцевского музеев в «Журнале Министерства народного просвещения», напр., в № 5 (май) за 1896; № 6 (июнь) за 1897 и др.
- ²⁰⁰ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга... С. 28, 32.
- ²⁰¹ Хроника // ЭО. 1908. № 1–2. С. 227.
- ²⁰² Анучин Д.Н. Антропологический музей Московского университета... С. 242–243.
- ²⁰³ Хроника // ЭО. 1909. № 2–3. С. 261.
- ²⁰⁴ Хроника // ЭО. 1911. № 3–4. С. 284.
- ²⁰⁵ Хроника // ЭО. 1913. № 1–2. С. 333.
- ²⁰⁶ Известия и заметки // ЭО. 1892. № 4. С. 60.
- ²⁰⁷ Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин. Ко дню 70-летия его рождения 27 августа 1913 г. // ЭО. 1913. № 1–2. С. V–VII.
- ²⁰⁸ Хроника // ЭО. 1915. № 1–2. С. 187; см. также Смирнова Н.А. Этнографические собрания Института и Музея антропологии // Вопросы антропологии. Вып. 53. М., 1976. С. 186; Балахонова Е.И. Этнографические фонды Музея антропологии МГУ: история комплектования и текущие проблемы // Альманах – 1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000. С. 279.
- ²⁰⁹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи... С. 133.
- ²¹⁰ Журналы заседаний Отделения этнографии И. Р. Г. О. // ЖС. 1916. Вып. II–III. С. 19.

²¹¹ См. также Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М., 1883; Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М., 1898; Московский Музей Прикладных Знаний (Политехнический). Краткий указатель коллекций музея. М., 1916; Отчет Императорского Российского Исторического музея. За 1912 г. М., 1913 и др. Сведения из отчетов ИРИМ публиковались также в «Журнале Министерства народного просвещения», напр., в № 11 (ноябрь) за 1906 г., № 8 (август) за 1909 г.

²¹² Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии... С. 18; см также: Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга... С. 20.

²¹³ Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества... С. 28.

²¹⁴ Программа предметов, собираемых для Этнографического музея Общества // Отчет о деятельности ИРГО за 1863 г. СПб., 1864. С. 130–140; Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества... С. 23–24; Ивановская Н.И. Из истории собирательских программ по этнографии... С. 87–88.

²¹⁵ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 295.

²¹⁶ Известия и заметки // ЭО. 1892. № 4. С. 59.

²¹⁷ Известия и заметки // ЭО. 1892. № 1. С. 55.

²¹⁸ Известия и заметки // ЭО. 1894. № 4. С. 212–213.

²¹⁹ См., напр., Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 142; Хроника // ЭО. 1912. № 1–2. С. 289–290.

²²⁰ Хроника // ЭО. 1902. № 3. С. 178.

²²¹ Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб., 2001. С. 38.

²²² Хроника // ЭО. 1903. № 2. С. 188.

²²³ Хроника // ЭО. 1907. № 3. С. 153.

²²⁴ Максимов А.Н. Рец. на: Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей... Сборник МАЭ. СПб., 1901 // ЭО. 1902. № 2. Критика и библиография. С. 165–166; В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: Сборник Музея по Антропологии и Этнографии при Имп. Академии Наук. II. СПб., 1901 // ЭО. 1903. № 1. Критика и библиография. С. 125–126.

²²⁵ См. рецензию В.Н. Харузиной на сборник «Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова». СПб., 1907 // ЭО. 1907. № 1–2. Критика и библиография. С. 219.

²²⁶ Хроника // ЭО. 1909. № 1. С. 121–122.

²²⁷ Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

-
- ²²⁸ Анучин Д.Н. Дмитрий Александрович Клеменц // ЭО. 1914. № 1–2. Хроника. С. 270–273.
- ²²⁹ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 295.
- ²³⁰ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 295; Известия и заметки // ЭО. 1892. № 1. С. 55; Критика и библиография // ЭО. 1892. № 2–3. С. 51; Известия и заметки // ЭО. 1892. № 2–3. С. 82.
- ²³¹ Хроника // ЭО. 1903. № 1. С. 151.
- ²³² Хроника // ЭО. 1902. № 2. С. 193–194; Хроника // ЭО. 1903. № 1. С. 151–152; Критика и библиография // ЭО. 1904. № 4. С. 186; Хроника // ЭО. 1905. № 4. С. 173–175.
- ²³³ Хроника // ЭО. 1909. № 4. С. 156–158.
- ²³⁴ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 321.
- ²³⁵ Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Материалы по этнографии России... С. 180.
- ²³⁶ Критика и библиография // ЭО. 1914. № 3–4. С. 190.
- ²³⁷ Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 3–4.
- ²³⁸ Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 3–4.
- ²³⁹ Известия и заметки // ЭО. 1889. № 1. С. 180.
- ²⁴⁰ Хроника // ЭО. 1901. № 3. С. 179; Хроника // ЭО. 1903. № 2. С. 192.
- ²⁴¹ Хроника // ЭО. 1909. № 4. С. 169.
- ²⁴² Библиография // ЭО. 1889. № 2. С. 195.
- ²⁴³ Библиография // ЭО. 1889. № 2. С. 212–213; Критика и библиография // ЭО. 1891. № 1. С. 216.
- ²⁴⁴ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 294.
- ²⁴⁵ Критика и библиография // ЭО. 1892. № 1. С. 11–12.
- ²⁴⁶ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 2. С. 230.
- ²⁴⁷ Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества... С. 28.
- ²⁴⁸ Кеппен Ф.П. Несколько слов о Кавказском музее // ЖМНП. 1896. № 3–4 (март – апрель). С. 88–100.
- ²⁴⁹ Хроника // ЭО. 1907. № 4. С. 155–156.
- ²⁵⁰ Известия и заметки // ЭО. 1889. № 2. С. 237.
- ²⁵¹ Библиография // ЭО. 1890. № 2. С. 221.
- ²⁵² Известия и заметки // ЭО. 1891. № 2. С. 215.
- ²⁵³ Известия и заметки // ЭО. 1889. № 2. С. 235.
- ²⁵⁴ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 319.
- ²⁵⁵ Известия и заметки // ЭО. 1889. № 2. С. 236.
- ²⁵⁶ См. Материалы по изучению Пермского края. Издание Пермского научно-промышленного музея. Вып. 1–5. Пермь, 1904–1915.

²⁵⁷ Хроника // ЭО. 1902. № 1. С. 150.

²⁵⁸ В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: Отчет Пермского Научно-Промышленного музея за 1901. Пермь, 1902 // ЭО. 1903. № 1. Критика и библиография. С. 129–130.

²⁵⁹ Известия и заметки // ЭО. 1895. № 1. С. 181.

²⁶⁰ Хроника // ЭО. 1902. № 2. С. 193.

²⁶¹ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 2. С. 214–215.

²⁶² В. Х. [Харузина В.Н.] Рец. на: Описание Минусинского музея. Вып. IV. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900 // ЭО. 1900. № 3. Критика и библиография. С. 153.

²⁶³ См. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902.

²⁶⁴ Савенков И.Т. К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк // ЭО. 1905. № 1. С. 1–128.

²⁶⁵ Николай Михайлович Мартынов // ЭО. 1904. № 4. Хроника. С. 209; Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902 // ЭО. 1902. № 3. Критика и библиография. С. 159.

²⁶⁶ Библиография // ЭО. 1890. № 2. С. 232; Библиография // ЭО. 1890. № 4. С. 230.

²⁶⁷ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 1. С. 259.

²⁶⁸ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 3. С. 245.

²⁶⁹ См. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 1. Тобольск. 1893 и след.

²⁷⁰ Критика и библиография // ЭО. 1895. № 3. С. 165.

²⁷¹ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. III и IV // ЭО. 1896. № 1. Критика и библиография. С. 169–170.

²⁷² Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. V // ЭО. 1897. № 1. Критика и библиография. С. 183–184.

²⁷³ Критика и библиография // ЭО. 1907. № 3. С. 111.

²⁷⁴ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. IX // ЭО. 1900. № 1. Критика и библиография. С. 174.

²⁷⁵ Критика и библиография // ЭО. 1907. № 3. С. 111.

²⁷⁶ Вл. Богданов. Рец. на: Пигнатти В.Н. и другие. Изделия остатков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция Тобольского Губернского музея на первой Западно-Сибирской Выставке в г.

Омске. Тобольск, 1911. (Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. XIX) // ЭО. 1911. № 3–4. Критика и библиография. С. 246–249.

²⁷⁷ Хроника // ЭО. 1913. № 1–2. С. 338–339.

²⁷⁸ См. Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск, 1915.

²⁷⁹ Известия и заметки // ЭО. 1897. № 4. С. 188–191.

²⁸⁰ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 1. С. 259.

²⁸¹ Известия и заметки // ЭО. 1890. № 1. С. 264.

²⁸² Известия и заметки // ЭО. 1895. № 1. С. 181.

²⁸³ Критика и библиография // ЭО. 1891. № 1. С. 224.

²⁸⁴ Критика и библиография // ЭО. 1893. № 4. С. 196–197.

²⁸⁵ Хроника // ЭО. 1903. № 1. С. 153.

²⁸⁶ Известия и заметки // ЭО. 1897. № 2. С. 178; Хроника // ЭО. 1907. № 1–2. С. 280.

²⁸⁷ Хроника // ЭО. 1900. № 1. С. 185.

²⁸⁸ Хроника // ЭО. 1908. № 1–2. С. 227.

²⁸⁹ Критика и библиография // ЭО. 1904. № 3. С. 115.

²⁹⁰ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 3. С. 207.

²⁹¹ Известия и заметки // ЭО. 1893. № 2. С. 228–230.

²⁹² Кузнецов С.К. Черемисская секта кугу-сорта // ЭО. 1908. № 4.

²⁹³ Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 129; Хроника // ЭО. 1907. № 3. С. 147; Хроника // ЭО. 1908. № 3. С. 179–180; Хроника // ЭО. 1911. № 3–4. С. 284.

²⁹⁴ Хроника // ЭО. 1904. № 3. С. 127–129.

²⁹⁵ Власова З.И. Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // ОИРЭФА. Вып. IV. ТИЭ. Т. 94. М., 1968. С. 28–29.

²⁹⁶ Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // ЭО. 1906. № 1–2. С. 29–51; 1907. № 3. С. 1–27.

²⁹⁷ Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // ЭО. 1907. № 3. С. 19–20, 27.

²⁹⁸ Туринская Х.М. Этнографическая наука в российских музеях... С. 20–21.

²⁹⁹ Хроника // ЭО. 1913. № 1–2. С. 324.

³⁰⁰ Отчет Императорского Московского и Румянцевского Музея за 1913 г. М., 1914. С. 131, 142–161.

³⁰¹ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 55. Д. 10: Богданов В.В. Проект организации Российского этнографического музея в Москве. Л. 32.

-
- ³⁰² Реброва А.А. Коллекция предметов мордовской женской одежды, собранная С.К. Кузнецовым (по материалам отдела тканей и костюма ГИМ) // Труды Государственного исторического музея. Т. 136. М., 2003. С. 217–229.
- ³⁰³ Смирнов И.Н. Этнография на Казанской научно-промышленной выставке. Казань, 1890.
- ³⁰⁴ Критика и библиография // ЭО. 1891. № 4. С. 216.
- ³⁰⁵ Критика и библиография // ЭО. 1894. № 4. С. 203.
- ³⁰⁶ Д. У. [Ушаков Д.Н.] Этнографические коллекции на Всероссийской Выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // ЭО. 1897. № 1. С. 152–157.
- ³⁰⁷ Хроника // ЭО. 1904. № 4. С. 221.
- ³⁰⁸ Известия и заметки // ЭО. 1890. № 1. С. 264; Известия и заметки // ЭО. 1891. № 2. С. 168.
- ³⁰⁹ Хроника // ЭО. 1909. № 2–3. С. 269–270.
- ³¹⁰ Критика и библиография // ЭО. 1895. № 2. С. 174.
- ³¹¹ Хроника // ЭО. 1903. № 1. С. 151.
- ³¹² Хроника // ЭО. 1903. № 3. С. 209–210; Хроника // ЭО. 1903. № 4. С. 196; см. также Путеводитель по Этнографическому музею... С. 67, 114–115.
- ³¹³ Критика и библиография // ЭО. 1900. № 3. С. 153; Кандаурова Т.Н. Минусинский региональный краеведческий музей // РМЭ. С. 364.
- ³¹⁴ Известия и заметки // ЭО. 1897. № 1. С. 216–217.
- ³¹⁵ Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX в. и их этнографические материалы // Африканский этнографический сборник. Т. I. ТИЭ. Т. 34. М., 1956. С. 247.
- ³¹⁶ Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии... С. 220–281; Токарев С.А. История русской этнографии... С. 393–394.
- ³¹⁷ Хроника // ЭО. 1905. № 2–3. С. 302–303.
- ³¹⁸ Хроника // ЭО. 1906. № 1–2. С. 176.
- ³¹⁹ Хроника // ЭО. 1902. № 2. С. 190; Хроника // ЭО. 1902. № 3. С. 172–175.
- ³²⁰ См. Разгон А.М. Этнографические музеи в России... С. 261–263.
- ³²¹ Известия и заметки // ЭО. 1891. № 4. С. 294.
- ³²² Орешина М.А. Музеи провинции и собирание старины: из истории Вологодского общества изучения Северного края (по материалам Государственного архива Вологодской области) // ЭО. 2005. № 2. С. 166–171.
- ³²³ Критика и библиография // ЭО. 1906. № 1–2. С. 141.

-
- ³²⁴ Библиография // ЭО. 1889. № 1. С. 168–169.
- ³²⁵ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Известия Общества Любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1899 // ЭО. 1899. № 3. Критика и библиография. С. 193.
- ³²⁶ В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: Отчет Пермского Научно-Промышленного музея за 1901... С. 130.
- ³²⁷ Хроника // ЭО. 1907. № 1–2. С. 278.
- ³²⁸ Хроника // ЭО. 1911. № 1–2. С. 325.
- ³²⁹ Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея... С. 158–159.
- ³³⁰ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Известия Общества Любителей изучения Кубанской области... С. 193.
- ³³¹ Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Харузин Н.Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. 1. СПб., 1901 // ЭО. 1902. № 1. Критика и библиография. С. 115–116.
- ³³² Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 1–8.
- ³³³ Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. Речь председателя Распорядительного комитета XII съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г. М., 1909. С. 13–18.
- ³³⁴ Богданов В.В. Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 23.
- ³³⁵ Библиография // ЭО. 1889. № 1. С. 168.
- ³³⁶ Нидерле Л. Чешская этнографическая выставка в Праге, 1894 г. // ЭО. 1892. № 1. С. 56; Известия и заметки // ЭО. 1893. № 4. С. 248–249.
- ³³⁷ Сперанский М.Н. Чешская этнографическая выставка 1895 года // ЭО. 1896. № 4. С. 134–149.
- ³³⁸ Критика и библиография // ЭО. 1906. № 3–4. С. 327.
- ³³⁹ Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Янжул И.И. Отпускная торговля и некоторые меры для ее развития. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарных образцов. М., 1897 // ЭО. 1897. № 1. Критика и библиография. С. 177.
- ³⁴⁰ Максимов А.Н. Современное положение этнографии и ее успехи // ЭО. 1909. № 4. С. 9–24; Он же. Научные методы В.Ф. Миллера в этнографии // ЭО. 1913. № 3–4. С. 35–46.
- ³⁴¹ См., например, Критика и библиография // ЭО. 1903. № 3. С. 162–164; Критика и библиография // ЭО. 1904. № 3. С. 81–82; Харузина В.Н. Историческое развитие этнографии // ЭО. 1907. № 3. С. 53–68.
- ³⁴² Сумцов Н.Ф. Влияние Дарвина на развитие лингвистики и этнографии // ЭО. 1909. № 1. С. 43–44.

³⁴³ *B. X-на [Харузина В.Н.]* Об успехах этнографии в Соединенных Штатах // ЭО. 1903. № 2. С. 107–115.

³⁴⁴ *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: Отчет Пермского Научно-Промышленного музея за 1901... С. 130.

³⁴⁵ К вопросу о переустройстве Берлинск. этнографического Музея // ЭО. 1904. № 3. Хроника. С. 138–139; Этнографические коллекции Германского музея в Нюорнберге // ЭО. 1908. № 3. Хроника. С. 195–197; *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: *Jahrbuch des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. В. I. 1906. Leipzig, 1907 // ЭО. 1908. № 3. Критика и библиография. С. 129–131; *Харузина В.Н.* Оденвальдский этнографический музей д-ра Маурера в Дармштадте // ЭО. 1909. № 2–3. С. 54–58; *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: *Mitteilungen aus dem Verein der Sammlung für deutsche Volkskunde*. В. III. Н. 1. Berlin, 1907–1908 // ЭО. 1909. № 2–3. Критика и библиография. С. 214–216; *Вл. Б. [Богданов В.В.]* Рец. на: *Foy W. Führer durch das Rautenstrauch-Joest-Museum (Museum für Völkerkunde) der Stadt Cöln*. Cöln, 1910 // ЭО. 1910. № 3–4. Критика и библиография. С. 207–208; Критика и библиография // ЭО. 1911. № 3–4. С. 217–219; Хроника // ЭО. 1911. № 3–4. С. 285–286; *Вл. Б. [Богданов В.В.]* Рец. на: *Харузина Вера*. Отчет о летней поездке в Германию. Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях. (Отт. из Отчета Моск. Археолог. Института в 1910–1911 г.) М., 1912 // ЭО. 1912. № 1–2. Критика и библиография. С. 241–243; Критика и библиография // ЭО. 1914. № 1–2. С. 197.

³⁴⁶ *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: *Бранденбург Н.Е.* Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерийскому Музею. I. Отдел Исторический. СПб., 1902 // ЭО. 1903. № 2. Критика и библиография. С. 156–157; *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: *Milloué L. de. Conférences au Musée Guimet 1898–1899*. Paris, 1902 // ЭО. 1903. № 4. Критика и библиография. С. 130–134; *Харузина В.Н.* По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // ЭО. 1907. № 4. С. 91–103; Юбилей Шмельца. Директор Лейденского (Голландия) этнографического музея... // ЭО. 1907. № 1–2. Хроника. С. 273.

³⁴⁷ *Вл. Б. [Богданов В.В.]* Рец. на: *Харузина Вера*. Отчет о летней поездке в Германию... С. 242–243.

³⁴⁸ *Богданов В.В.* Выделение этнографии... С. 171–172, 174.

³⁴⁹ *B. X-на [Харузина В.Н.]* Рец. на: *Van Gennep. Religions, Moeurs et Légendes...* Р., 1914 // ЭО. 1914. № 3–4. Критика и библиография. С. 185–186.

³⁵⁰ *Харузина В.Н.* Этнография. Вып. 1. М., 1909. С. 36–40. Вып. 2. М., 1914. С. 4–16.

³⁵¹ *Богданов В.В.* Из истории женского южно-великорусского костюма // ЭО. 1914. № 1–2. С. 127–154.

³⁵² Вести // СГ. 1913. Апрель. С. 48.

³⁵³ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 116. Д. 9. Л. 10–22.

Глава 2

Развитие этнографического музееведения и журнал «Живая старина» (1890–1916)

Журнал «Живая старина»

Журнал «Живая старина» издавался в Петербурге – Петрограде с 1890 по 1916 гг. включительно по 4 выпуска в год. Объем книжек составлял 10–12 листов, затем уменьшился до 8–10. Тираж 775 экземпляров в 1890–1892 гг., в последующие годы в основном 500 экз., печатались также отдельные оттиски статей¹. Последний выпуск (IV за 1916 г.) вышел 20 сентября 1917 г. Отделение этнографии ИРГО постановило временно прекратить издание журнала по причине чрезвычайного удорожания цен на печатание и на бумагу².

«Живая старина» – научный этнографический журнал, периодический печатный орган Отделения этнографии ИРГО, одного из центров этнографических исследований в России. Мотивы организации этого издания в целом были те же, которыми руководствовались члены Этнографического отдела ИОЛЕАЭ при основании «Этнографического обозрения». Главный инициатор «Живой старине», председатель Отделения этнографии ИРГО В.И. Ламанский от лица других членов Отделения (акад. А.Н. Веселовского, проф. И.П. Минаева, акад. Л.Н. Майкова, А.Н. Пыпина) выразил мысль о том, что ни в какой стране никакая наука не может нормально развиваться без научных периодических изданий. В Западной Европе и Северной Америке развитие науки вызвало появление массы специальных повременных изданий по антропологии, этнологии, этнографии. При огромной территории и этническом разнообразии России, отечественная этнография не могла ограничиться одним журналом, подобным «Этнографическому обозрению», издающемуся в Москве. В.И. Ламанский указывал на научную деятельность Отделения

этнографии ИРГО, которая потребовала создания специального журнала для печатания сравнительно небольших по объему этнографических исследований и материалов, хранящихся и поступающих в архив Общества. Для публикации более крупных трудов при Отделении продолжали издаваться «Записки».

Журнал «ЖС» должен был, по замыслу деятелей Отделения этнографии ИРГО, поддерживать связь, обмен мнениями по различным вопросам этнографии между столичными и местными исследователями, членами Общества в Петербурге и в его региональных филиалах. Издание было призвано служить органом общения столичных ученых сил с провинцией, преимущественно с уездами и уездными городами, которые были лишены всяких научных пособий, но при этом изобиловали этнографическим материалом и людьми, обладавшими непосредственным знанием окружающей действительности, народного быта и обычаяев. В «ЖС», по В.И. Ламанскому, планировалось «уделять место и внимание не только всем разновидностям Русского народа и целого Славянского племени, но и всем инородцам России». Журнал должен был внушать интерес к этнографическому знанию, к всестороннему изучению России, убеждать в необходимости внимательного и бережного отношения к народной жизни, «живой старине», что послужило бы делу науки, просвещения, гражданственности³.

Средства на журнал поначалу собирались подпиской и пожертвованиями. Цена годового комплекта «ЖС» была установлена в 5 руб., с пересылкой 5 руб. 50 коп., при отправке за границу 6 руб. Позже для сельских учителей, духовенства и учащихся подписная цена была снижена до 2 руб. 75 коп. Даже при «даровых», то есть работавших безвозмездно, сотрудниках, издание требовало значительных затрат по части типографии, распространения и проч. Средств на журнал не хватало.

В.И. Ламанский призывал «русское общество» проявить сочувствие к «Живой старине», просил всех читателей и подписчиков распространять это издание среди своих знакомых. Ему представлялось, что журнал больше читают за границей, чем в России. Редактора удивляло и то, что среди подписчиков «ЖС» в России почти не было представителей высшей центральной и провинциальной администрации, духовенства, купечества и «так называемого лучшего общества», то есть тех «классов», которые в просвещенных странах обычно поддерживают отечественную литературу и науку⁴. Когда выяснилось, что журнал не может держаться только подпиской, Совет ИРГО, оценивший его научное значение, удовлетворил просьбу редактора об издании «ЖС» на средства Общества⁵. В ряде случаев издание высыпалось желающим безвозмездно, например, в бесплатные народные читальни, студенческие общества⁶.

В связи с этим следует обратить внимание на замечание сотрудников редакции «Этнографического обозрения», а именно Н.А. Янчука, о том, что такое богатое Общество, как Географическое, «истрачивающее десятки тысяч на отдаленные экспедиции в чужие края», не может уделить «какие-нибудь 1,5–2 тыс.» на издание, посвященное отечественной этнографии, и вынуждено обращаться к частным пожертвованиям и складчинам. Московские этнографы видели в этой ситуации показатель того, в каком положении вообще у нас находится этнографическое изучение России⁷.

В.И. Ламанский не пропустил это высказывание без ответа. Редактор «ЖС» заметил, что Географическое общество не так богато средствами, как кажется. Крупных частных пожертвований оно давно не получало. ИРГО располагало определенными суммами на экспедиции для исследования России и соседних территорий, которое составляет обязанность Общества, и на научные публикации. Отделение этнографии, предпринимая издание «Живой старине», не собиралось

отказываться и от «Записок». Новое предприятие потребовало и новых средств⁸. Пытаясь «рассеять неосновательные подозрения в недружелюбном отношении», Н.А. Янчук прислал В.И. Ламанскому письмо с объяснениями своего высказывания. Он еще раз выразил свою «искреннюю боль на сердце... при виде полного равнодушия со стороны русского общества и правительства к делу первостепенной важности» – к этнографическим исследованиям⁹.

Ответственным редактором «ЖС» «независимо о перемены лица» становился председатель Отделения этнографии ИРГО¹⁰. В редакции журнала были заняты помощник председателя и секретарь Отделения, помощник редактора, а также другие члены Отделения. Большая часть статей и материалов написана авторами, которые также являлись сотрудниками Общества. В материалах «ЖС» получила отражение деятельность ИРГО и его региональных отделов, Отделения этнографии ИРГО и его комиссий, их отдельных членов, а также более широких кругов российского научного сообщества в области этнографии. В журнале печатались исследования и материалы по этнографии, языку и фольклору народов России и сопредельных стран¹¹. Имелись содержательные разделы хроники и библиографии, отражавшие научную жизнь в России и за границей. Для достижения большей полноты этих рубрик редакция просила присыпать и помещала на страницах «ЖС» отчеты, сообщения и другие материалы, характеризующие этнографическую деятельность научных учреждений и обществ¹². Публикации журнала были поставлены на солидную научную основу. Издание находилось в руках крупнейших ученых того времени.

Значительное место в материалах «Живой старины» занимала тема музееведения, в том числе этнографического. Это было обусловлено тесной связью развития этнографической науки с развитием музейного дела. В работе ИРГО, его Отделения этнографии на уровне организации (научного общества) и на персональном уровне музейное дело

занимало одно из ведущих мест. Деятельность Общества имела непосредственное отношение к истории Этнографического музея ИРГО, музеев при местных отделах ИРГО¹³, ряда музеев Петербурга, Москвы и других городов. Председатели Отделения – редакторы «ЖС» являлись крупными учеными, организаторами науки, музейными деятелями.

Глава отечественного славяноведения тех лет академик В.И. Ламанский – основатель и редактор¹⁴ журнала (в 1890–1910 гг.), историк, филолог, общественный деятель, профессор Петербургского университета, академик (1900), участвовал в музейной деятельности. Он был привлечен к разработке программы создававшегося на рубеже XIX–XX вв. ЭОРМ и участвовал в совещаниях по вопросам организации этого музея¹⁵.

Следующим редактором¹⁶ (в 1911–1912, 1915–1916 гг.) являлся востоковед, этнограф, организатор науки, государственный и общественный деятель академик С.Ф. Ольденбург, состоявший также непременным секретарем ИАН и принимавший участие в работе ЭОРМ¹⁷, МАЭ¹⁸, Азиатского музея ИАН и других музеев. После избрания В.Ф. Миллера академиком ИАН в 1911 г. состоялся его переезд в Петербург. С 30 ноября 1912 г. по 5 ноября 1913 г. В.Ф. Миллер председательствовал в Отделении этнографии ИРГО, будучи избран на этот пост вместо С.Ф. Ольденбурга, который по причине нехватки времени сложил с себя обязанности председателя¹⁹. В этот период «ЖС» находилась под редакторским контролем В.Ф. Миллера²⁰. С 1911 г. в издании журнала принимала участие редакционная комиссия Отделения этнографии ИРГО.

Редактор²¹ журнала (в 1913–1915 гг.) языковед, историк, этнограф, фольклорист, славист академик А.А. Шахматов являлся видным организатором науки²² и участвовал в музейном деле²³. Он был включен в обсуждение проектов устройства ЭОРМ и представил свои соображения по вопросу о

задачах нового музея на предварительных совещаниях²⁴. Авторитет ученого, знакомого с музейным делом, повлиял на решение царской семьи, пожелавшей (1913–1914) создать Всероссийский национальный музей в память трехсотлетия царствования Дома Романовых, предложить А.А. Шахматову пост председателя Комиссии для разработки проекта Романовской палаты в Кремле²⁵.

Сотрудники редакции «ЖС» этнографы Э.К. Пекарский²⁶, А.Н. Самойлович²⁷ состояли секретарями Отделения этнографии ИРГО, Н.Н. Виноградов²⁸ – членом Отделения – и сотрудничали с петербургскими этнографическими музеями (МАЭ, ЭОРМ). Видный ученый, один из организаторов этнографического образования в Петербурге, сотрудник Отделения этнографии Л.Я. Штернберг²⁹, с 1904 г. старший этнограф МАЭ, с 1912 г. помощник директора МАЭ по науке, являлся автором статей по этнографии, истории этнографической науки, музейному делу в «ЖС». Антрополог, этнограф, член Отделения этнографии ИРГО Н.М. Могилянский³⁰ был с 1898 г. сотрудником МАЭ, с 1902 г. хранителем ЭОРМ, а в 1910–1918 гг. заведующим этого музея³¹. Он представил ряд крупных статей в «ЖС» по теории и практике этнографического музейного дела, по музееведению, теории этнографии.

* * *

Личность редактора научного журнала во многом определяла направленность издания в целом и в вопросах музееведения в частности. Материалы «Живой старины» отразили взгляды В.И. Ламанского на развитие образования, культуры и науки в российском обществе, на состояние местных (губернских и уездных) музеев и библиотек, на отношения между провинциальной и столичной научной интеллигенцией; на задачи этнографии; идею о Среднем мире – греко-славянском («не настоящая Европа и не настоящая Азия»), промежуточном по отношению к миру романо-

германской Европы и миру Азии. Комплекс представлений В.И. Ламанского получил воплощение в его программе по организации ЭОРМ³².

В материалах издания получила широкое отражение проблематика, связанная с этнографической наукой и музеинм делом в России. Подобная широта охвата материала и широкое понимание предмета этнографии были заданы в программной статье В.И. Ламанского, помещенной в первом выпуске «ЖС». Будущее России ученый связывал с развитием национального образования, национальной науки, национальной культуры. Он призывал уважать российских «инородцев», их культуру и язык. Ибо, замечал ученый, «в образованных наших инородцах уже начало слагаться воззрение на Русских, как исключительно на военных, чиновников, полицейских, на русский язык как лишь на язык власти». Этнографическую науку Ламанский понимал как историко-нравственную, народную, национальную. Ученый признавал, что в стране за последние десятилетия возросло количество университетов и людей с высшим образованием, и вместе с этим увеличилось количество научных деятелей, но этот рост не соответствовал потребностям страны. С другой стороны, полагал он, в работах по изучению России часто недоставало общего плана и системы, не всегда верно намечены главные цели и не соразмерены с ними средства; замечалась «слабость организации, сонливость и вялость в ведении дела».

Выход из застоя В.И. Ламанский видел в пересмотре прежних и составлении новых программ, в улучшении организации исследований, для чего было необходимо взаимное соглашение и распределение работы между столичными и местными научными учреждениями и учеными силами. Эти силы ученый видел и в столице, и в университетских городах, и в губерниях, и в уездах. Это отделы ИРГО, научные общества при университетах, статистические

комитеты и музеи в ряде губернских центров, коллекции и музеи в некоторых уездных городах. Появлению уездных музеев В.И. Ламанский придавал особое значение. Он говорил о необходимости распределения научного труда на местах между губернскими и уездными музеями. Нежелательно было, по его мнению, сосредоточение в губернском городе всех замечательных находок, делаемых в уездах. Полезнее было бы для науки и для внутренней жизни провинции, если бы из столицы и губернских городов шло не давление на уездные города, а одобрение и поощрение создания здесь музеев и сортирования коллекций, хотя бы на первое время при земских библиотеках.

В.И. Ламанский был убежден, что музеи в уездных городах не так невозможны, как могло казаться со столичной точки зрения. «У нас труден только почин и первоначальное обзаведение, — полагал он, — а затем успех их несомненен: открытые народу в базарные и ярмарочные дни, эти музеи приобрели бы скоро в населении большую популярность и стали бы обогащаться приношениями из разных краев уезда». Именно уездный город ученый считал живым центром для местного населения, ибо он ближе и родней, чем губернский; свой уезд все живо знают и любят. «И придет время, когда сельское население уезда полюбит эти музеи, как любят собор или монастырь своего города». По мнению редактора «ЖС», в работе по изучению уезда и просвещению его жителей нужна активность со стороны «грамотных и образованных обывателей уездного города», местной интеллигенции, земских деятелей, священников, учащейся молодежи, приезжающей на каникулы. От столичных научных сил, со страниц печатных изданий должен раздаться голос поощрения мысли о создании и развитии уездных музеев. Примеры таких «маленьких» музеев и научных обществ В.И. Ламанский видел на западнославянских землях.

Ученый писал, что до сих пор не было достойного России и соответственного современным требованиям науки полного обстоятельного русского землеведения и народоведения. Между тем потребность в этом он считал общенародной. Ламанский полагал, что без успехов в самоизучении и самопознании ни одна страна, ни один народ не может двигаться вперед. Выполнению этой задачи – «постройки будущего величавого здания» русской этнографии – служили специальные периодические издания, такие, как «Живая старина» и его «несколько старший Московский товарищ» – «Этнографическое обозрение».

По убеждению В.И. Ламанского, полное этнографическое описание России потребует антропологических, археологических и историко-этнологических, лингвистических, этнографических исследований народностей прежде обитавших и всех ныне обитающих на ее территории. Необходимы также географические описания областей, где проживают эти народы, изучение их истории, «отношений к прочим инородцам и к русскому племени», внешних и внутренних свойств и особенностей (религиозных, бытовых и других), с приложением результатов антропометрических измерений, изображений типов населения, костюмов, жилищ, утвари и проч. Такого рода исследования нужно проводить также по исчезнувшим и ныне живущим в Азии и Европе, но вне России, народам, большие или меньшие части которых входили или входят в состав нынешней России (народы Средней и Малой Азии, Китая, Персии; славянские, германские и другие современные и древние народы Европы)³³.

Воззрения В.И. Ламанского формировались во второй половине XIX в. и выражались в его деятельности как председателя Отделения этнографии ИРГО (в 1865–1871 и 1886–1910 гг.). Он был причастен ко многим общественным, культурным, научным, музейным событиям в России и за рубежом. Ученый был приглашен на Всероссийскую

этнографическую выставку 1867 г. в качестве депутата от ИРГО³⁴ и участвовал в созыве славянского съезда³⁵. Известно, что он подал Н.А. Попову мысль об организации славянского съезда при выставке и предложил меры по устройству ее славянского отдела. В.И. Ламанский обращался с письмами к чешским ученым, приглашая посетить выставку и съезд. Впоследствии он посещал Прагу и знакомился здесь с устройством Этнографического музея, опыта которого он использовал в разработке проекта ЭОРМ³⁶. В 1905 г. Ламанский был избран действительным членом Этнографического музея в Праге³⁷.

Некоторые идеи В.И. Ламанского продолжали занимать умы его коллег по ИРГО, особенно в связи со смертью ученого в год начала первой мировой войны. Н.И. Веселовский (в свое время товарищ председателя ИРГО В.И. Ламанского) отмечал, что Ламанский в своих высказываниях заявлял себя не только как ученый-славист, но и как политический проповедник. Это находило отражение в его взглядах на значение этнографии, задачи русской этнографии. Согласно им, «русская этнография, как наука, имеет своим предметом систематическое описание всех обитающих в России племен и народностей в их физических, лингвистических и религиозно-бытовых особенностях и сравнительно-генетическое изложение, с помощью возможно точных статистических данных, как взаимных отношений инородцев между собою, так и отношений их к господствующей славяно-русской народности, изучение способов и мер, облегчающих или задерживающих процесс поглощения инородческих элементов народностью господствующею». Основываясь на этом определении, В.И. Ламанский рассматривал, в частности, «отношения немецкого и славянского племени». Эти идеи были актуализированы с началом войны³⁸.

Известный ученый-географ и музейный деятель В.П. Семенов-Тян-Шанский видел выражение антропо- и политико-гео-

графических представлений В.И. Ламанского в его идее о трех мирах и в его проекте Этнографического отдела Русского музея. В.И. Ламанский был среди ученых, которые по приглашению управляющего музеем вел. кн. Георгия Михайловича принимали участие в обсуждении вопросов организации ЭОРМ. В 1898 г. ученый составил и представил свою программу создаваемого музея, которая была напечатана на правах рукописи³⁹.

Статья В.П. Семенова-Тян-Шанского позволяет широкому читателю составить представление о содержании этого проекта. Автор обращает внимание на то, что хотя проектируемый музей В.И. Ламанский называет этнографическим, в основу расположения его коллекций положен не порядок отдельных «племен» или категорий предметов, а принципы, во-первых, антропогеографический, то есть «территории, от которой зависит весь типичный уклад местной жизни человека», во-вторых, политico-географический, согласно которому центральное внимание в каждой части Российской империи отводится создателю русского государства – «русскому племени» (восточным славянам), и затем иллюстрируются «научно-беспристрастно его местные взаимные культурные отношения с прочими племенами данной части империи». К этому Ламанский предлагал присоединить музейную сравнительную иллюстрацию «народов Сред-него мира», не входящих в состав России, но тяготеющих к ней культурно.

По мнению В.П. Семенова-Тян-Шанского, эта идея своевременна в связи с событиями первой мировой войны – войны германского мира против греко-славянского. В ней, как он считал, Россия выйдет победительницей, и в ее состав войдут пред-注定енные ей историческим роком и самой географией старые территории на западе и юге.

В разработке плана нового этнографического музея В.И. Ламанский придерживался, по его собственным словам, двух точек зрения – физико-географической и исторической. Задачей

музея он считал представить Россию в ее этнографическом разнообразии. Но Российское государство ученый видел не случайным, механическим «соединением отдельных разнородных стран, ничем, кроме внешней силы и государственной власти не связанных и не спаянных». Россия, по его мнению, живое историческое целое, поэтому при распределении коллекций музея по географическим областям необходимо было держаться одной нити, связующей все периоды истории страны.

Этой нитью В.И. Ламанский считал русскую национальную и государственную идею, распространение русской народности и строение русского государства. В его программе территория России разделена на 13 областей, по которым должны были распределяться коллекции. Опираясь на свое широкое понимание этнографии, ученый предлагал выставлять в музее не только вещевой, но и разнообразный другой материал (рисунки, фотографии, карты, таблицы и проч.), при этом иногда не этнографического характера. В.И. Ламанский считал необходимым привлекать к этнографическим исследованиям данные других наук (истории, археологии, лингвистики, антропологии, географии, демографии и проч.).

Известно, что целиком проект Ламанского не был принят при создании ЭОРМ. Члены предварительных совещаний не могли согласиться с некоторыми из его пунктов. Однако программа содержала ряд идей, которые были использованы в организации музея, и в целом явилась одним из этапов становления отечественного этнографического музееведения конца XIX – начала XX в.⁴⁰. В.П. Семенов-Тян-Шанский считал этот проект имеющим огромную научную ценность и крупное государственное значение. У В.И. Ламанского, «натуры талантливой и уравновешенной, – полагал автор, – широкие антропогеографические взгляды ведут к здоровому, светлому гуманизму. Высший же политикогеографический синтез

приводит его к глубоко продуманному и прочувствованному национализму, чудесно связывающемуся с гуманизмом»⁴¹.

Существовали иные оценки некоторых идей В.И. Ламанского. Н.М. Могилянский в письме к А.А. Шахматову выражал мнение, что в своих воззрениях В.И. Ламанский вовсе не был близок к положениям антропogeографической школы Ратцеля, и, отстаивая географический принцип в расположении коллекций ЭОРМ, он «исходил из идей исторической географии». Н.М. Могилянский полагал, что у В.И. Ламанского так много разного рода неоспоримых заслуг, что кажущееся искусственным указание на его антропogeографические заслуги едва ли многое прибавит к его облику как мыслителя и ученого деятеля⁴².

Среди принципиально важных идей в научном наследии Ламанского – идея о необходимости изучать современность. Задача этнографии состоит в не «праздном собирании и нанизывании разных п е р е ж и т к о в», а в изучении народов во всем их местном разнообразии, как в прошлом, так и в настоящем. В этом ученый видел «просветительное, христианско-человеческое и государственное» значение народоведения (этнологии и этнографии)⁴³. Как представляется, материалы «Живой старины» характеризуют В.И. Ламанского как яркого ученого и общественного деятеля, которого волновали различные проблемы российской науки, культуры, просвещения, общественного развития.

В своих работах в «ЖС» он давал импульс научной и музейной деятельности как в столице и крупных городах, так и в провинциальных уголках страны. Сотрудники и авторы статей в журнале под руководством В.И. Ламанского и его коллег на посту редактора следили за жизнью музеев России.

Этнографический отдел Русского музея

«Живая старина» является ценным источником по истории ЭОРМ. Журнал информировал о различных сторонах работы этого музея. Фактически материалами журнала охвачена история музея с самого его основания. Так, находим сведения о собирательской работе разных лиц для ЭОРМ. Среди них местные собиратели, командированные музеем «коллекторы» и сотрудники музея. В числе собирателей было много членов Отделения этнографии ИРГО и сотрудников местных отделов ИРГО, поэтому их научно-музейная деятельность получила более подробное освещение в «ЖС». Исследуя разные стороны культуры народов России, они приобретали коллекции для музея, фотографировали. В некоторых материалах журнала переданы личные впечатления этнографов о ходе их работы.

Деятельность этнографа и фольклориста А.А. Макаренко⁴⁴ – пример того, как местные собиратели-корреспонденты становились работниками музеев, с которыми прежде сотрудничали. С 1902 г. А.А. Макаренко работал в ЭОРМ в качестве регистратора коллекций, а в 1918 г. стал хранителем его сибирского фонда. С 1886 по 1897 гг. ученый пробыл в политической ссылке в Енисейской губернии и здесь вместе с другими ссыльными организовал земледельческую общину, участвовал во всех сельскохозяйственных работах. В результате постоянного общения А.А. Макаренко с местными крестьянами, по его собственному замечанию, появился интерес к этнографическим наблюдениям⁴⁵. Он работал в Минусинском музее, сотрудничал с ИРГО, а затем стал действительным членом Общества.

Статьи ученого и материалы хроники «ЖС» отражали его научную работу по поручению ИРГО и собирательскую деятельность для ЭОРМ: изучение материальной и духовной культуры русских и эвенков Восточной Сибири, русских и китайцев Амурской области в первые годы XX в. Собиратель проработал в музее вплоть до своей смерти (1942). Разностороннее исследование народов Сибири Макаренко сопровождал сбором коллекций.

Так, в 1904 г. он приобрел для музея до 70 этнографических предметов русских Енисейской губ., в том числе «досельные» (старинные) одежду, головные уборы, деревянную посуду (скобкарь, братина, ковши, ковшики), по убеждению собирателя, занесенные сюда жителями северных губерний Российской Федерации. В коллекции были также вооружение и костюмы ангарских зверопромышленников, среди которых А.А. Макаренко отмечал формы, заимствованные от соседних эвенков. Этнограф заказывал модели и приобретал подлинные орудия охоты и лова, фотографировал типы местного населения, бытовые сцены⁴⁶. Большой интерес представляет исследование ученого «Канун по Сибирским селениям», в котором рассматривается обычай варки пива (*кануна*) в культуре русских Енисейской губ. Описывается техника и распорядок обрядового пивоварения в разных селах и деревнях, а также инвентарь (котел, деревянная посуда) и другие предметы, относящиеся к процессу приготовления «своедельского» пива, образцы которых А.А. Макаренко и приобрел для ЭОРМ в 1904 г.⁴⁷

В 1906 г. ученый собрал новые материалы по культуре русского и «инородческого» населения Енисейской губ.: более 400 предметов и более 200 фотографий. Среди вещей – предметы шаманского культа, одежда, домашняя утварь, предметы, относящиеся к домашнему мыловарению, «сидке водки», ткачеству, обрядовое печенье, средства народной медицины, «предметы суеверия», ловушки на медведя, лисицу, соболя и других зверей, рыболовные принадлежности⁴⁸.

В следующем году А.А. Макаренко по поручению ИРГО и по командировке от ЭОРМ отправился для научных работ и сбора коллекций «в малоизвестный край, к малоисследованным родам тунгусов» (эвенков) района реки Катанги. Из этой поездки ученый доставил в музей этнографические предметы («ассортимент идолов» и прочих «вещественных доказательств распространенности шаманизма» у тунгусов) и фотографии. В

экспедиции вместе с Макаренко участвовали студент Петербургского университета К.А. Масленников и местный крестьянин П.Т. Воронов⁴⁹.

В 1908 г. была совершена повторная поездка членов экспедиции в указанный район. Спутники А.А. Макаренко вели географические наблюдения, а сам он продолжил сбор этнографических коллекций среди эвенков. Помимо предметов шаманского культа собирателем были приобретены домашняя утварь, одежда, оружие, орудия промысла и ремесел, амулеты, берестяная лодка, лыжи, посохи и проч. Собиратель сообщал, что сборы были не очень успешны, так как из-за эпидемии оспы «тунгусы избегали ярмарок и уходили»⁵⁰.

Помимо А.А. Макаренко, большой вклад в формирование коллекционного фонда ЭОРМ по народам Сибири сыграли и другие ученые, представители местной и столичной интеллигенции⁵¹. В 1908 г. в «Живой старине» отмечалось, что к этому времени музей представлял собой одно из наиболее значительных отечественных хранилищ ценных коллекций, содержащих предметы домашней обстановки, культа, одежды, рабочий инвентарь и другие этнографические памятники, собранные среди русского и «инородческого» населения Сибири.

Одним из самых значительных по количеству коллекций и по полноте их состава современниками признавался якутский отдел музея, включавший этнографические предметы якутов, эвенков, юкагиров и других народов Якутской обл., собранные Э.К. Пекарским, А.И. Поповым, В.М. Ионовым, Е.П. Поповым и другими. Среди населения Иркутской губ. и Забайкалья (буряты, эвенки) коллекции собирали Д.П. Першин, Ц.Ж. Жамца-рано, М.Н. Хангалов, Б. Вампилов, Л. Жапов. Отмечалась «отзывчивость как бурятского населения, так и молодой бурятской интеллигенции» к важному делу научного коллекционирования для музея предметов их материального

быта и культа. В музей поступили также коллекции по буддизму, собранные князьями Э.Э. и Д.Э. Ухтомскими.

Народы Енисейской губернии были представлены коллекциями от П.Е. Островских, А.А. Макаренко, Н.М. Мартынова, А.В. Адрианова, Ф.Я. Кона, А.Я. Тугаринова; Томской губ. – коллекцией Д.А. Клеменца; Тобольской губ. – коллекциями А.А. Рагозиной и Ю.О. Горбатовского. Слабее, по отзыву «ЖС», был представлен «киргизский юг Сибири», т. е. территории, населенные казахами, что объяснялось следующим обстоятельством: среди «киргиз» не находилось «достаточного количества лиц, способных отдаваться этнографическому коллекционированию разной национальной обстановки». Слабо освещены коллекциями музея были также Амурский и Приморский края, Сахалин и другие острова на востоке Сибири. По Дальнему Востоку и крайнему северо-востоку Сибири в ЭОРМ отмечены коллекции, переданные Хабаровским Гродековским и Сахалинским музеями, а также собрания П.Ю. Шмидта и Н.П. Сокольникова. Некоторое количество вещей поступило из Китая, Монголии, Тибета и других районов Азии.

В журнале отмечались большие успехи, достигнутые ЭОРМ в области сибиреведения. Однако, как указывалось, некоторые районы Сибири и Дальнего Востока пока вовсе не были представлены в коллекциях музея, по другим территориям имелись лишь единичные этнографические предметы. В условиях, когда «живой переселенческий поток быстрее, чем раньше, стирает своеобразные черты сибирской жизни – русской старожилой и инородческой», со страниц «ЖС» прозвучал призыв спешить с регистрацией этих черт. В этой работе требовалась помочь со стороны сибирской интеллигенции, которая могла бы содействовать собирателям, командируемым ЭОРМ в Сибирь, а также самостоятельно составлять коллекции для музеев. Такая деятельность, по мнению петербургских ученых, внесла бы большее

разнообразие в интеллигентскую жизнь сибирской интеллигенции⁵².

Пополнялись фонды ЭОРМ и коллекциями по этнографии народов европейской части России⁵³. Так, в 1904 г. на средства и при поддержке ИРГО была совершена научная поездка члена-сотрудника Отделения этнографии Н.Е. Ончукова в Олонецкую и Архангельскую губернии. Одной из задач собирателя было приобретение для ЭОРМ предметов по этнографии русских. Н.Е. Ончуков привез свыше 100 этнографических предметов, в том числе коллекцию костюмов, преимущественно праздничных, из Петрозаводского, Повенецкого, Каргопольского уездов, а также полотенца, утварь и другие старинные вещи. В Поморье он собрал коллекцию резных и раскрашенных *палиц* (колотушек для белья), интересных для ученого тем, что это были не изделия кустаря или специалиста-мастера (столяра или плотника), но эти палицы и их орнамент представляли собой личное творчество «каждого отдельного помора, делавшего палицу зимой, в свободное от промыслов время, на память, своей жене». В поездке собиратель записывал произведения народного творчества, приобрел ряд рукописей для библиотеки ИАН. Описание церквей и рукописей он передал во 2-е Отделение ИАН, несколько археологических предметов – в Императорскую археологическую комиссию.

Ученый оценил увиденное им в экспедиции как гибель русской старины «на нашем Севере». Православное духовенство, по его мнению, не ценило старину, считая ее «староверской дрянью». Совершались архитектурные переделки, варварские «реставрации» старинных икон. Н.Е. Ончуков отметил еще сохранявшуюся любовь к старине (к старинным книгам, рукописям, иконам, храмам и их содержимому, к предметам обихода) в старообрядческой среде. Необходимо отметить замечание исследователя о его полевой работе. «Покупка рукописей для Академии и вещей для Музея, – пишет Н.Е. Ончуков, – дело, кажется простое, но оно требует,

однако, столько времени, чтобы купить вещи, а главное отыскать и уговорить владельцев продать, затем составить списки, пронумеровать, запаковать экономически и переправить», что времени для работы другого характера, а именно для записей (сказок, песен, преданий, особенностей говора) уже и не остается⁵⁴.

Сбором и покупкой этнографических предметов, фотографированием крестьянских построек и типов населения в Тверской губ. в 1905 г. занимался командированный ЭОРМ студент Петербургского университета Д.Т. Янович. Параллельно с этой работой он по поручению Антропологического общества при Петербургском университете проводил антропологические измерения⁵⁵. Н.Н. Виноградов проводил сборы для музея в 1905–1906 гг. в своей родной Костромской и в Ярославской губерниях: приобрел «старинные вышивки шелками, образцы набойки, старинный свадебный костюм, светцы, образцы изделий из дерева и глины» и другие предметы⁵⁶. В своих научных поездках по поручению ЭОРМ и ИРГО этнограф исследовал различные вопросы духовной и материальной культуры русского и «инородческого населения» этих губерний⁵⁷.

Исследователь-краевед И.К. Зеленов по поручению музея в 1905–1906 гг. в Вятской и Казанской губерниях среди вотяков (удмуртов), черемисов (марийцев), бесермян, татар собирали предметы языческого культа, одежду, вышивки, тканье, предметы домашнего обихода, орудия охоты и лова, земледельческие орудия, принадлежности гонки водки «кумышки» и проч. Всего собиратель доставил до 1000 предметов и 200 фотоснимков⁵⁸.

Известный ученый Ф.К. Волков в 1904–1905 гг. приобрел для музея коллекцию этнографических предметов гуцулов и бойков – модели построек, предметы домашнего обихода, сельских промыслов, одежды и проч. В частности, орудия добывания огня трением, пороховницы, оружие, сумки,

покрытые резьбой деревянные изделия, украшения, около 600 писанок. Ф.К. Волков отметил высокую художественную ценность многих предметов из собранной им коллекции, например, «удивительных, по роскоши красок и узора, вышивок», «необыкновен-но затейливых головных уборов»⁵⁹.

Командированный музеем в Пинский уезд Минской губ. Э.К. Пекарский привез коллекцию около 120 предметов (крестьянская «белорусская и малорусская» одежда, деревянная посуда и проч.). Обращает внимание замечание собирателя, отметившего особенную недоверчивость крестьян к новому человеку⁶⁰. По поручению ЭОРМ большую коллекцию вещей (более 800 предметов) и иллюстративный материал (фотоснимки, планы дворов, чертежи) по этнографии полешуков в малодоступных районах Полесья Минской и Волынской губерний собрал А.К. Сержпутовский. Этнограф доставил в музей одежду, образцы тканей и вышивок, принадлежности ткачества, охоты, рыбной ловли, пчеловодства, земледельческие орудия, музыкальные, плотницкие, бондарные инструменты, средства передвижения, предметы, относящиеся к табакокурению, добыванию огня, народной медицине, посуде, предметы домашнего обихода, игрушки и проч. Во время экспедиции А.К. Сержпу-товский изучал обычное право, народное творчество и быт местного населения⁶¹.

В собрание ЭОРМ поступали коллекции, переданные из различных ведомств, учреждений, организаций. Например, из Министерства внутренних дел поступила «сектантская коллекция» в составе 127 единиц (предметы быта, живопись), конфискованных в разное время у хлыстов, скопцов и других групп. Эта ценная коллекция нуждалась в изучении, атрибуции, так как МВД передало ее в музей без всяких объяснительных документов⁶².

За первое десятилетие работы музея в его фондах был накоплен, по словам одного из его активнейших деятелей

А.А. Макаренко, огромный запас этнографических сокровищ. Отечественные этнографы-музееведы были убеждены в том, что ЭОРМ предстояло сыграть крупную роль в деле изучения духовной и материальной культуры многочисленных и разнообразных этнических групп в составе населения России⁶³.

Опыт организации этнографического музея был суммирован в статье Н.М. Могилянского «Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III», одной из центральных музееоведческих публикаций «ЖС»⁶⁴. Автор, в то время заведующий этим музеем, затронул и практические, и теоретические вопросы музейного дела в области этнографии и их воплощение в создании и работе ЭОРМ. История нового этнографического музея Н.М. Могилянским рассматривается в связи с историей этнографической науки в нашей стране. Важная культурная и научная задача – этнографическое исследование России, уже более полувека осознававшаяся отечественными учеными, по его мнению, и в первое десятилетие XX в. была по-прежнему далека от осуществления. Ученый видел в обществе отклик и сочувствие этой идеи, однако, считал он, даже если неограниченные материальные средства для ее осуществления поступили бы в распоряжение какого-либо научного учреждения в нашей стране, такое обширное предприятие, как полное, за несколько лет научное исследование народов России и его издание, было обречено на неуспех. Причину Могилянский видел в нехватке в нашей стране подготовленных специалистов-этнографов.

Цели и задачи науки этнографии ученый считал ясно определенными за последние десятилетия, но констатировал при этом наличие разногласий в ученой среде по многим вопросам этнографической науки. Отсутствовали кафедры этнографии в высших учебных заведениях России. Н.М. Могилянский напоминал, что еще К.М. Бэр в середине XIX в. сокрушался по поводу положения русской этнографии и

призывал срочно приступить к этнографическому исследованию России, считая, что «запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен»⁶⁵.

Н.М. Могилянский отдавал должное проделанной работе по изучению народов России. В ней участвовали научные учреждения и общества, в частности, ИАН и ИРГО. Музеем антропологии и этнографии в Петербурге, Румянцевским музеем в Москве, местными музеями, учебными заведениями, частными лицами собраны ценные этнографические коллекции. Однако, по мнению ученого, все это было лишь каплей в безбрежном море, которое представляли для изучения многочисленные народы России со всем разнообразием их духовной и материальной культуры. Не было учреждения, которое своей основной целью поставило бы изучение этнографии России и сохранение памятников быта для будущего. Этот пробел, то есть отсутствие «музея русской этнографии», по убеждению Могилянского, заполнен с организацией ЭОРМ.

Новый музей создавался как Этнографический отдел Русского музея, учрежденного в 1895 г. в память императора Александра III и возглавлявшегося членом царской семьи августейшим управляющим великим князем Георгием Михайловичем. Н.М. Могилянский подробно изложил историю ЭОРМ, начиная с предварительных совещаний 1901 г., на которых ученые различных специальностей и деятели культуры (Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, П.П. Семенов-Тян-Шанский, А.А. Шахматов, А.Н. Харузин, Д.А. Коропчевский, А.И. Соболевский, Н.П. Кондаков, В.В. Стасов и другие) обсуждали принципы устройства и организации музея как научного и просветительного этнографического учреждения⁶⁶. В предварительных совещаниях и в записках, составленных некоторыми

приглашенными к обсуждению лицами (Д.А. Клеменцем⁶⁷, В.И. Ламанским⁶⁸, Д.Н. Анучиным), рассматривались вопросы: этнографией каких народов должен заниматься музей и каков должен быть порядок расположения в нем коллекций. В результате дискуссий было принято решение, что ЭОРМ должен быть музеем «этнографии Российской Империи, славян и сопредельных стран», и при расположении коллекций необходимо в целом придерживаться географического порядка. Были предложены варианты деления коллекций музея по географическим и культурно-историческим областям. На специальных совещаниях 1901–1903 гг. профиль ЭОРМ был скорректирован с профилем МАЭ, при этом учитывалась и направленность работы Этнографического отделения Румянцевского музея⁶⁹.

Временные штаты ЭОРМ были утверждены в 1902 г., и этот год считается годом основания музея. На содержание музея из казны ежегодно выделялось 54 тыс. руб., из них 40 тыс. руб. на составление коллекций. Организационные, технические и прочие музейные вопросы решались Советом Этнографического отдела под председательством августейшего управляющего или товарища управляющего Русским музеем графа Д.И. Толстого. Штат музея состоял из заведующего, трех хранителей, канцелярского чиновника и трех служителей.

Первым заведующим Отделом являлся Д.А. Клеменц⁷⁰, а после его отставки по причине болезни, на это место в 1910 г. назначен Н.М. Могилянский. В числе штатных хранителей музея были известные ученые К.А. Иностранцев, Е.А. Ляцкий, Ф.К. Волков, А.А. Миллер, Б.Ф. Адлер. Систематический сбор коллекций начался с 1902 г. В этом году музеем была издана, разослана местным учреждениям и собирателям, раздавалась в музее всем желающим «Программа для собирания этнографических предметов»⁷¹ с подробными общепонятными инструкциями, что и как собирать для музея. Программа была

разработана Д.А. Клеменцем, Е.А. Ляцким, Н.М. Могилянским и К.А. Иностранным⁷², в последующие годы переиздавалась.

К началу 1911 г. новое, специально для музея строившееся здание не было закончено (его строительство завершилось в 1915 г.⁷³), поэтому «Музея Этнографии, в смысле здания, где собранные коллекции и предметы были бы доступны для обозрения публики и изучения их учеными специалистами», еще не было⁷⁴. Н.М. Могилянский обращал внимание на то, что за прошедшие со времени основания ЭОРМ годы главное внимание сотрудников музея было направлено на накопление коллекций и другого выставочного материала (модели, фотографии и проч.), на их систематизацию, описание, регистрацию, печатание списков коллекций, временную укладку вещей в сундуки и специальные помещения для хранения. В своей статье ученый обстоятельно описывает эту деятельность, приводя большой фактический материал по истории музея за 1902–1910 гг.

Наилучшим, дающим наиболее ценный материал способом комплектования этнографических коллекций для музея ученыe признавали командировки, в ходе которых осуществлялся сбор предметов на местах сотрудниками музея. Заведующий и хранители ЭОРМ совершали экспедиции и курировали сбор, систематизацию и описание коллекций по закрепленному за каждым из них региону. Под наблюдением Д.А. Клеменца (затем Б.Ф. Адлера) был регион Сибири и сопредельных стран Дальнего Востока; К.А. Иностраница (затем А.А. Миллера) – Кавказ, Средняя Азия, Крым, сопредельные страны Ближнего Востока. К 1910 г. Н.М. Могилянский курировал район северной, центральной и юго-восточной России, Ф.К. Волков – территории западной и юго-западной России и зарубежных славян.

В ходе командировок в регионы заведующий и хранители не только приобретали коллекции, но и «приискивали» собирателей на местах, создавали корреспондентскую сеть. Это

было признано необходимым, как объяснял Могилянский, так как собственных сил Этнографического отдела было недостаточно, чтобы охватить сборами огромную территорию страны. Коллекции доставляли также известные Этнографическому отделу или рекомендованные ему разными учреждениями и лицами собиратели, командированные из Петербурга.

Н.М. Могилянский в своей статье привел список собирателей коллекций для ЭОРМ и районов их работ, отметив, что этот список далеко не полон. В сборах были задействованы десятки людей по всей стране, среди которых были ученые разных специальностей, студенты, художники, земские деятели, военные и гражданские чиновники, учителя, преподаватели средних и высших учебных заведений, врачи, духовенство, купцы, крестьяне и другие.

Среди собирателей коллекций по этнографии народов России и сопредельных стран Н.М. Могилянский называл С.М. Дудина (собирал в Средней Азии), Ф.Я. Кона (в Саянском крае), Э.К. Пекарского, А.И. Попова (в Якутской области), А.В. Адрианова, А.А. Макаренко (в Енисейской губ. и в других районах), В.И. Анучина (у «енисейских остыков» – кетов), Ц. Жамцарапова, М.Н. Хангалова, Л. Жапова, В. Вампилова (у бурят в Забайкалье), В.К. Арсеньева (в Уссурийском крае), В.Н. Васильева (на Сахалине), А.В. Журавского (в Большеземельской тундре), И.Н. Смирнова, С.И. Руденко, И.К. Зеленова, М.Е. Евсеевьева, Г.Н. Ахмарова (у народов Поволжья и Приуралья), Д.К. Зеленина (коллекция русских земледельческих орудий), С.И. Сергеля (у зырян – коми Вологодской губ., у лопарей – саамов Швеции, Норвегии и Финляндии), Д.О. Святского (в Орловской губ.), И.С. Абрамова (в Курской, Волынской, Могилевской и др. губ.), В.П. Шнейдер (в Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской губ.), О.П. Семенову-Тян-Шанскую (в Рязанской губ.), Д.Т. Яновича (во Владимирской, Тверской губ.), Н.Н. Виноградова (в

Костромской, Ярославской губ.), А.И. Кондратьева (в Псковской губ.), А.Д. Неуступова (в Вологодской губ.), И.Я. Билибина (в Архангельской, Вологодской губ.), Н.А. Шабунина, В.А. Плотникова (в Архангельской губ.), И.А. Зарецкого, А.М. Высоцкого (на Украине), Е.Р. Романова (в Белоруссии), А.К. Сержпутовского (на Украине, в Белоруссии, Польше, Литве, Дагестане), Р.Г. Заррина (у латышей), Э.А. Вольтера (у литовцев), А.О. Хейкеля, У.Т. Сирелиуса (у финнов), И.Ф. Нижарадзе, М.О. Зандукели, З.П. Валаева, Н.Я. Марра, А.Л. Млоконосевич (на Кавказе), внештатных сотрудников музея Д.Э. Ухтомского (в Забайкалье, Китайской Монголии) и Л.В. Костикова (в Архангельской губ.) и многих других.

На средства императора для ЭОРМ был приобретен ряд частных собраний, в том числе К.Д. Долматова, Н.Л. Шабельской, Э.Э. Ухтомского, А.В. Верещагина. Поступали коллекции также в дар музею от научных учреждений и организаций, частных лиц. Н.М. Могилянский привел статистику поступлений в музей за 1902–1910 гг. по способу их приобретения (командировки хранителей и других лиц, покупка в Петербурге, дары) и по народам, которые были представлены собранными коллекциями. К началу 1911 г. в музее числилось 99228 предметов, а вместе с памятниками археологии 109891. Из всех поступлений дары составляли 7,5%. Н.М. Могилянский отмечал, что музеем на первую очередь был поставлен сбор русских коллекций, и преимущественно «великорусских». К началу 1911 г. по этнографии «великоруссов» было собрано 30632 предмета (в составе 537 коллекций), по «малорусам» (украинцам) 8089 (117), по белорусам 3398 (60), по «кинородцам» России – 40258 предметов (773 коллекции)⁷⁵. В 1914 г. в собрании музея было 140 тыс. единиц хранения⁷⁶.

Для регистрации поступавших коллекций в помощь хранителям были по вольному найму приняты в музей А.А. Ма-

каренко, А.А. Рагозина, Э.К. Пекарский. В работе по регистрации коллекций принимали участие также С.Ф. Ольденбург, А.К. Сержпутовский, А.Н. Самойлович, А.И. Иванов, И.С. Абрамов, Н.П. Славнин, С.И. Руденко, П.П. Ефименко, С.М. Ду-дин, С.И. Сергель и другие. При регистрации каждый поступивший в музей предмет получал двойной номер: номер коллекции, к которой принадлежит предмет, и номер этого предмета. В списках коллекций предметы описывались в общих чертах, с указанием материала, размеров, назначения, названия, места происхождения (губерния, уезд, село, деревня) предмета, как и от кого приобретен музеем. Вещи перед укладкой в сундуки дезинфицировались и обрабатывались защитными средствами. Сундуки нумеровались, для каждого составлялась карточка, где указывались номера предметов, находящихся в данном сундуке. Коллекции хранились в подвалах и помещениях в саду при музее.

Н.М. Могилянский остановился и на других вопросах организации музея. В библиотеке ЭОРМ собирались материалы для изучения этнографии: книги, журналы, атласы и другая литература, а также рукописи, записки, тетради с заметками, альбомы рисунков, которые поступали в музей. В экспедициях ЭОРМ производились фотосъемки, и в самом музее приобретенные предметы фотографировались. В музее было организовано хранение и научное использование фотоматериалов.

Из специальных средств музея решением управляющего был основан издательский капитал ЭОРМ (20 тыс. руб.). На приобретение специальной музейной мебели из казны было выделено 248 тыс. руб. Для изучения постановки музейного дела за рубежом, в частности вопросов музейной техники и музейной мебели, для осмотра «лучших из европейских музеев» в разные годы были командированы Д.А. Клеменц, Н.М. Могилянский, Ф.К. Волков, Е.А. Ляцкий, А.А. Миллер.

Шкафы и витрины для ЭОРМ были заказаны известной дрезденской фирме «Авг. Кюншерф с Сыновьями». К лету 1911 г., надеялся Н.М. Могилянский, должна была быть закончена монтировка Этнографического отдела музейной мебелью и можно было начать работу по выставлению собранных коллекций, чтобы в недалеком будущем открыть музей для обозрения публики и для работ ученых. Пока же, в 1909 и 1910 гг. были устроены две временные отчетные выставки, на которые приглашались только специалисты. Заведующий отметил, что судя по отзывам об этих выставках в повременной печати, деятельность ЭОРМ в области коллекционирования музеиного материала была встречена в общем вполне сочувственно.

Уже со времени основания ЭОРМ его сотрудники считали необходимым начать издание «Ежегодника», в котором должны были помещаться отчеты о работе музея и статьи, касающиеся поступающих коллекций. Музейные деятели полагали, что только при условии постепенного опубликования музеиных материалов музей мог выполнить свое назначение – служить на пользу науке и пробуждать интерес к своей работе в широких научных кругах.

«Нередко в Музеях, – писал Н.М. Могилянский, – скапливается громадное количество драгоценнейших материалов и целыми десятками лет они лежат без всякого освещения, без надежды увидеть свет, нередко даже недоступные для обзора»⁷⁷. Избежать этого, по мнению ученого, «общего музеиного зла» было возможно путем публикации хотя бы сырых научных материалов. В 1910 г. вышел в свет первый выпуск «Материалов по этнографии России»⁷⁸, издавать которые планировалось ежегодно, и осуществление этих планов всецело зависело от наличия средств. Текущая работа ЭОРМ отражалась в ежегодных отчетах⁷⁹.

Н.М. Могилянский отмечал содействие, которое всеми и повсюду оказывалось работе ЭОРМ: музей нашел полное

сочувствие и стремление по мере сил и возможности прийти на помощь общей культурной цели. Это была грандиозная задача, как ее понимал ученый, – создать музей быта народов России, а также народов, родственных им по происхождению, языку и культурным традициям, и народов, влияние которых сказалось на культурном облике народов нашей страны. ЭОРМ, с его небольшим числом работников и «при, сравнительно с объемом задачи, незначительных средствах», взялся за работу, увлеченный грандиозностью задачи, ее исключительным интересом и огромным культурным значением.

Н.М. Могилянский излагает теоретические основы, на которых должна строиться работа этнографического музея. Объектами этнографии, по мысли ученого, являются «жизнь народа, его быт – духовный и материальный, накопляемый в процессе этой жизни запас знаний, навыков и предметов, часто потом целые века переживающих создавших их людей и являющихся как бы окаменелостями духа ушедших в потоке жизни человеческих индивидуумов и групп». Этнография должна раскрыть законы развития человеческих групп и народов. Она нуждается в этих объектах как в материале для своих выводов, как в этнографических документах. Заведующий ЭОРМ указывал, что первая очередная задача музея – добыть и сохранить для будущего наиболее полные подлинные этнографические документы.

Идею эволюции человеческой культуры, медленного и постепенного развития высших форм быта из более элементарных, низших, ученый считал основной руководящей идеей в исследованиях, проводившихся музеем, ибо «все современное миросозерцание проникнуто идеей эволюции». Вместе с тем, Могилянский считал, что было бы слишком односторонне подходить к явлениям культурной жизни народа только с точки зрения теории эволюции. По его мнению, без изучения истории народа, взаимных влияний, переживаемых народами на протяжении их истории, невозможно изучение

фактов культурной жизни, нельзя понять ни эстетики, ни психологии, ни многих явлений материального быта и социальных отношений ныне живущих народов. Поэтому, считал ученый, чтобы составить представление о народе, необходимо всестороннее изучение фактов истории, в связи с данными археологии, культурных влияний, необходимо изучение среды, явлений прогресса и отживания прошлого.

Н.М. Могилянский, таким образом, предлагал исторический подход в вопросах этнографии и музейного дела. Задачей музея он видел собирание и сохранение «следов и обломков», пережитков прошлого, по которым возможно восстановить его картину. Заведующий замечал, что Этнографический отдел осторо-жен в выводах и заключениях, сосредоточившись на собирании «фактов и достоверного материала», на его систематизации и предварительной научной обработке. Решение многих задач этнологии, надежные и несомненные выводы появятся, по убеждению ученого, в будущем, в результате этой «подготовитель-ной, черной работы»⁸⁰.

Н.М. Могилянский обращал внимание на первоначальный проект постройки музея (архитектор В.Ф. Свильин), согласно которому планировалось построить здание более чем вдвое крупнее по размерам и по площади выставочных помещений. Затем было решено строить здание по частям. Сотрудники ЭОРМ не теряли надежду на то, что музей в будущем сможет расти и расширяться. Для музейных работников было очевидно, что для выставления всех собранных за 9 лет коллекций места в построенной к 1911 г. части здания не хватит.

Среди важнейших итогов работы музея заведующий видел значительный этнографический материал, собранный главным образом путем специальных командировок, по выработанной программе и характеризовавший быт почти всех народов России и отчасти сопредельных стран. При этом наибольшее количество коллекций приходилось на «мало затронутый подобного рода исследованием Русский народ в его трех

основных ветвях». Сотрудники ЭОРМ были уверены, что в течение следующих трех лет новый этнографический музей будет открыт⁸¹.

Н.М. Могилянский в своей статье не объяснял причины изменения первоначального проекта строительства здания музея. В архивных документах находим следующее. В записке (3 февраля 1911 г.), подготовленной к одному из совещаний по вопросу размещения коллекций в здании ЭОРМ, заведующий сообщал: «Вследствие затруднений, вызванных несчастной для России войной с Японией, выяснилось, что первоначальные строительные предположения не будут осуществлены во всем объеме и что на ближайшее время придется ограничиться лишь меньшей половиной того помещения, о сооружении которого шла речь в начале». Сотрудники музея, тем не менее, считали, что сокращать объем собирательской работы не следовало. Они были уверены, что будущее принесет с собой то, что было отложено лишь вследствие преходящих причин и обстоятельств, и здание будет достроено по первоначальному плану⁸². Однако этого не произошло. Начавшаяся через три года мировая война помешала строительству корпуса для музейных фондов и мастерских⁸³.

Таким образом, в статье Н.М. Могилянского и других материалах «ЖС», касающихся ЭОРМ, мы видим широкую картину истории и перспектив музея. В связи с опытом его работы в журнале поднимаются различные проблемы этнографической науки и музееведения, культуры и общественного развития в России начала XX в.

Музей антропологии и этнографии Академии наук

В материалах «Живой старины» разностороннее освещение получила история и текущая работа МАЭ.

В связи с проходившей в ноябре – декабре 1906 г. очередной выставкой последних поступлений МАЭ встречаем важное наблюдение сотрудников редакции «ЖС», касающееся тесной связи между печатным словом и интересом общественности к различным музейным проектам и другим фактам и явлениям научной и культурной жизни. В журнале обращено внимание на то, что об этой интересной выставке в печать прониклосли-шком мало сведений. В этом виделась причина довольно холодного отношения к ней публики: за все время работы выставки ее посетили всего около 600 человек⁸⁴. В научной периодике конца XIX – начала XX в. нередко можно встретить указания на зависимость активности публики, посещаемости музеев и выставок от степени освещения данного события в прессе.

Хроника журнала сообщала об экспедициях, направлявшихся для сбора коллекций для музея, например, о поездке В.Н. Ва-сильева в Якутскую область к якутам⁸⁵; о новых поступлениях в музейное собрание⁸⁶. Для МАЭ, как и для ЭОРМ и других отечественных музеев, собирательскую работу проводили представители различных социально-профессиональных групп, жители разных регионов Российской империи. Большой вклад в этнографическую науку и музейное дело столицы и провинции внесли, в частности, политические ссыльные⁸⁷, «невольно проживавшие» в разное время в Сибири Д.А. Клеменц, В.Г. Бого-раз, Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, С.М. Дудин, А.А. Мака-ренко, В.М. Ионов, А.К. Кузнецов, Э.К. Пекарский, Ф.Я. Кон, Н.А. Виташевский и многие другие.

Примером частной поддержки музейного дела в России явилось учреждение Общества ревнителей Музея антропологии и этнографии⁸⁸. Помощь благотворителей существенно облегчала работу МАЭ, который видный ученый и организатор науки В.И. Вернадский называл в числе академических учреждений, «сдавленных недостатком средств»⁸⁹.

Как упоминалось выше, современники отмечали достигнутые значительные успехи в деятельности МАЭ за прошедшие годы, видя в этом заслугу директора музея академика В.В. Радлова, видного ученого и музейного деятеля. Петербургские коллеги в материалах «ЖС» указывали, что за годы его руководства «из забытого и забитого склада этнографических и антропологических предметов музей превратился... в серьезное, живое и растущее учреждение, в научную лабораторию для специалистов, ценное воспитательное учреждение для молодежи и широких масс населения»⁹⁰.

Об истории, проблемах, успехах и перспективах МАЭ, о теоретических и практических вопросах работы музея рассказывается на страницах «ЖС» в статье Л.Я. Штернберга «Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого»⁹¹. Основанный при Петре в составе родоначальницы всех академических музеев Кунсткамеры, преобразованный в 1837 г. в Этнографический музей, а в 1878 г. в «Музей по антропологии и этнографии преимущественно России», МАЭ получил свое нынешнее название в 1902 г. Открытый для публики в 1891 г., музей, однако, по отзывам современников, вплоть до середины 1890-х годов не мог нормально развиваться. Только с введением штатов, которые обеспечили бюджет на содержание постоянного научного персонала и планомерное собирание коллекций, а также с привлечением частных пожертвований удалось добиться увеличения помещения, значительного роста собрания музея, становления и развития МАЭ как подлинно научного этнографического учреждения.

Говоря о целях и задачах музея, Л.Я. Штернберг определял МАЭ как музей *общей* этнографии, который «имеет своим предметом культуру *всего* человечества как в статическом, так и в динамическом отношениях. Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных

народов, но, вместе с тем, должен представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры». Объектом изучения для МАЭ являются все народы Земли, за исключением «современной европейской культуры», которая в этнографических музеях обычно не представлена; по мнению ученого, предметы этого типа культуры нет возможности и нет надобности собирать в музеях. Этнографические музеи, включая МАЭ, сосредоточиваются на показе «культур низшего типа» и «высших культур внеевропейского круга народов». Среди культурных явлений европейских народов музей «интересуется только теми, которые являются анахронизмами, пережитками культуры прошлого времени», а они, по мнению Штернберга, сохранились даже в самых прогрессивных странах Европы среди крестьянского населения.

Ученый обосновывал необходимость собирания музеем археологических и антропологических коллекций. Данные археологии, по его мнению, необходимы для выяснения процесса эволюции культурных явлений, так как даже самые низшие из современных культур представляют собой продукт долгого процесса развития из еще более примитивных форм, форм культуры народов «уже отошедших». Материалы и методы соматической антропологии используются этнографией, которая классифицирует не только культуры, но и их носителей.

МАЭ в своей деятельности преследовал учебные и культурно-просветительные цели. Музей собирал, систематизировал, выставлял коллекции; принимал посетителей; консультировал и инструктировал лиц, интересующихся этнографией. Читались лекции на различные этнографические темы. Сотрудники музея считали своей обязанностью вести научную обработку музеиного материала и издавать его, для чего с 1900 г. публиковались «Сборники»

МАЭ. Выходили каталоги и путеводители по музею. Издавались ежегодные отчеты⁹².

По замечанию Л.Я. Штернберга, штатного бюджета МАЭ (11900 руб.) едва хватало на содержание персонала (директор, один старший этнограф и два младших этнографа) и на удовлетворение самых необходимых хозяйственных нужд музея. В музейной работе участвовали также несколько сверхштатных сотрудников. Расширение помещений, меблировка, приобретение ряда коллекций, снаряжение экспедиций производились МАЭ на средства из частных пожертвований. Необходимость прибегать к помощи меценатов ученый объяснял тем, что этнографический музей не вправе останавливать свои сборы из-за недостатка средств: в условиях распространения европейской культуры по всему миру, «целому ряду первобытных культур при столкновении с европейцами грозит вырождение, и музеям необходимо выступать вовремя, чтобы спасти для науки обреченные на гибель памятники культуры»⁹³.

Л.Я. Штернберг изложил концепцию собирательской работы МАЭ. Общеэтнографический музей, согласно представлениям музейных деятелей, не мог довольствоваться случайными поступлениями. Чтобы добиться полной, цельной картины эволюции и распространения общечеловеческой культуры, такой музей должен был организовывать свою собирательскую работу планомерно. Лучшим способом представлялись специальные экспедиции, в ходе которых коллекции для музея не просто собирались, но и изучались на месте. Одновременно считалось необходимым всесторонне исследовать творца этих коллекций, то есть сам народ, среди которого производятся сборы. Менее удачным, менее научно продуктивным считался способ созиания при помощи «коллекторов» – командированных музеем собирателей. Вообще, при созиании насспех, как полагал Штернберг, сведения о предметах получались недостаточно полны и

достоверны, а культовые предметы, ввиду их индивидуального характера, вовсе оставались без определения.

Л.Я. Штернберг анализировал, как в МАЭ на протяжении его истории использовались разные способы приобретения коллекций. Ученый напоминал, что вплоть до конца XIX в. лучшие собрания были получены музеем из академических экспедиций. Однако большинство поступлений было представлено дарами частных лиц и учреждений, и для музея они являлись ценными, но все же случайными, т. е. собранными не по его инициативе и не под его руководством. Из поступлений XIX в. Л.Я. Штернберг особенно выделял коллекции, собранные Л.И. Шренком, И.Г. Вознесенским, М.А. Кастреном, В.В. Юнкером, Н.Н. Мик-Лухо-Маклаем, Н.Л. Гондатти. Только в последнее десятилетие, как указывал ученый, МАЭ начал самостоятельное и планомерное сортирование, предпочитая экспедиционный способ, результатом которого явились коллекции, собранные с полнотой, точностью и достоверностью, удовлетворявшими научным требованиям.

Музей получал путем обмена, покупки или в дар коллекции (чаще всего дублетные) из экспедиций других музеев (в частности, музеев Нью-Йорка, Буэнос-Айреса, Ла-Платы, Сиднея, Берлина, Лейпцига, Вены), учреждений или частных лиц. Основные усилия МАЭ были направлены на организацию самостоятельных продолжительных экспедиций, однако они требовали больших материальных затрат и подготовленных участников. Для сбора коллекций командировались «коллекторы», предварительно подготовленные для этой цели в музее⁹⁴. Принимались в дар и коллекции от «случайных собирателей».

Остановившись подробно на регистрации музейных коллекций, Л.Я. Штернберг отмечал, что в копенгагенской системе, введенной в МАЭ В.В. Радловым после его знакомства с системами регистрации в разных европейских музеях, за основную единицу была принята коллекция – собрание

предметов общего происхождения, то есть поступившее единовременно от одного лица или учреждения. В музейных документах фиксирувались происхождение, территория, народ, способ приобретения коллекции, местные названия, назначение предметов и другая информация, сообщенная собирателем.

Л.Я. Штернбергом рассмотрены принципы ведения инвентарной книги, списков коллекций, а также карточного каталога музея, облегчившего специалистам научную работу с коллекциями⁹⁵. Специальное внимание автором было обращено также на проблему типа музейной мебели, отвечающей требованиям сохранности предметов и удобства обозрения.

Соответственно целям этнографического музея, как их понимал исследователь, в МАЭ предусмотрены два отдела. Морфологический демонстрирует культуры различных народов мира и связи между культурами, процессы их взаимодействия, миграций, превращений. Коллекции в данном отделе выставляются «в географическом порядке по культурно-этническим группам». Другой отдел, эволюционный, должен представить картину эволюции общечеловеческой культуры. Предметы располагаются здесь по группам однородных культурных явлений (жилище, утварь, одежда и т. д.) в порядке их развития от низшей до высшей ступени и независимо от происхождения.

До сих пор, признавал Л.Я. Штернберг, ни в одном музее подобный план из двух отделов не был воплощен, так как он требовал значительных помещений, материальных средств, вещевого материала. Более того, большинство музеев не могли выставить все свои собрания даже в одном географическом порядке. МАЭ, по словам Штернберга, выставлял коллекции пока только по «морфологическому» принципу. На экспозиции предметы демонстрировались по принципу научной систематики (вещи, относившиеся к определенному народу, были расположены по однородным группам) и удобства для

обозрения. Различные изображения (картины, панно и проч.) играли роль не декоративную, а научно-педагогическую⁹⁶.

Ученый полагал, что музеи, преследуя научные цели, должны, в идеале, выставить для обозрения как можно больше материала – показать больше культур, а в рамках каждой культуры больше разновидностей. В условиях невозможности выставить все собранные коллекции, в музее организуется магазинирование: не экспонируемые предметы хранятся в определенном порядке, при котором нужный предмет по карточному каталогу может быть быстро и легко найден в хранилище. В МАЭ коллекции хранились в кладовых в пронумерованных сундуках.

Л.Я. Штернберг в своей статье привел общую характеристику и научную оценку собранных в музее коллекций, что помогает более четко представить концепцию деятельности МАЭ. Если в 1890-х годах в его фондах числилось около 5,5 тыс. этнографических предметов, то к 1911 г. – до 2 тыс. коллекций, включавших около 100 тыс. предметов по культуре более ста этнических групп, а также археологических и антропологических памятников. Ученый отметил, что не все отделы были одинаково полны, но на новом этапе развития музея, благодаря планомерному собиранию новых коллекций и планомерному пополнению уже имеющихся, в МАЭ накоплен достаточный материал, дающий возможность получить представление о разнообразных типах культуры и о процессах эволюции и распространения культуры. В своем обзоре Л.Я. Штернберг указывал на способ приобретения собраний по отдельным регионам и народам, степень полноты, конкретные «дефекты» (пробелы) в коллекциях, особо ценные и уникальные предметы.

Наиболее полно, по отзыву ученого, в МАЭ были представлены «русские инородцы», под которыми Штернберг в данном случае подразумевал коренные народы азиатской части России. Многие из этих коллекций были собраны

специальными экспедициями музея, в том числе среди народов, считавшихся вымирающими. В целом, собрание МАЭ по «сибирским инородцам» характеризовало «все типы низших культур» северной и центральной Азии, давало возможность решать ряд научных этнографических проблем.

Л.Я. Штернберг указал на ценные в научном и художественном отношениях этнографические коллекции, которые имелись в отделах Северной и Южной Америки, Океании, Австралии, Африки, островов Индийского океана, в отделах «культурных стран Азии» (Китай, Япония, Корея, Индия, Сиам) и буддизма. Собрание по «культурным европейским народам» включало коллекции, представлявшие «крестьянское население Европейской России» (т. е. восточнославянские народы), поволжских татар, финские и некоторые кавказские народы, южных славян и ряд народов Западной Европы. Ученый обратил внимание на то, что эти собрания со времени учреждения ЭОРМ пополнялись лишь постольку, поскольку они являлись необходимым сравнительным материалом для общей связи культуры⁹⁷. В МАЭ имелись также значительные материалы по археологии и антропологии.

Описывая экспозицию, Л.Я. Штернберг отмечал, что в нынешнем помещении музея, значительно большем по сравнению с прежним, наиболее важные коллекции размещались в залах для обозрения публики довольно удовлетворительно. В будущее старший этнограф МАЭ смотрел с оптимизмом: планировалось введение новых штатов, увеличение персонала в два раза, бюджета в три раза, что позволило бы организовывать большие самостоятельные экспедиции в разные регионы мира и начать полное опубликование научного материала музея. Ожидаемое расширение помещения делало возможным шире и полнее разместить коллекции в географическом порядке, а также на основе дублетов составить отдел эволюционный⁹⁸.

Этнографы – музейные работники стремились в своей работе придерживаться ключевого принципа, выраженного в словах Л.Я. Штернберга: «В интересах самого музейного дела, необходимо, чтобы музеи были центрами не только собирания, но и самостоятельных научных исследований»⁹⁹. Как показывают материалы «ЖС», МАЭ являлся одним из основных научных и музейных центров России конца XIX – начала XX в. К 1914 г. коллекционный фонд музея составлял свыше 130 тыс. единиц, в том числе около 62 тыс. этнографических предметов. Проблемы и достижения в его работе отражали состояние отечественной этнографической науки и культуры в изучаемый период¹⁰⁰.

Музейное дело в Москве

Некоторое освещение в «Живой старине» получила история и текущая деятельность московских музеев. По материалам отчета Исторического музея за 1905 г. сотрудники редакции журнала приводили сведения о поступлении в его фонды новых обширных и ценных в научном отношении коллекций в виде покупки и дара (в частности, музея П.И. Щукина, а также собрания А.П. Бахрушина, переданного в 1904 г. по завещанию владельца)¹⁰¹.

В 1906 г. в хронике «ЖС» появляется заметка о работе Московского Публичного и Румянцевского музея в 1904 г., составленная на материалах его отчета. Приводится перечень важнейших приобретений по отделам. Особенно подробно говорится о поступлениях в Дашковский этнографический музей и Отделение иностранной этнографии, о текущей работе по описанию и каталогизации коллекций, составлении путеводителя (по этнографии России и славянских стран). В Дашковский музей поступили, в частности, коллекции Туркестанского отдела Политехнического музея¹⁰², включавшие этнографические предметы, собранные К.П. фон

Кауфманом и А.П. Федченко (свыше 2 тыс. номеров предметов). Это большое собрание, как указывалось, было помещено в одном месте, и несмотря на тесноту музейного помещения, оказалось возможным сгруппировать типы (манекены) и предметы бытовой обстановки в виде нескольких «живых сцен», дававших более наглядное представление о действительной жизни народа.

Петербургские коллеги отмечали, что в отчетах «ярко светится неостывающая любовь к своему делу всего персонала» Румянцевского музея, видно «искреннее сочувствие и желание прийти на помощь занимающейся публике». Замечательная жизнедеятельность музея, по мнению сотрудников редакции «ЖС», являлась неоспоримым фактом; общество поняло это и щедро посыпало в музей свои дары, зная, что они пойдут в дело, а не застрянут в кладовых или не будут служить лишь украшением музейных стен. Хорошо было бы, если бы все музеи работали так же продуктивно, заключили они¹⁰³. Этнографы-деятели ИРГО следили за изданиями Дашковского музея.

Петербургские ученые, как и московские (о чем говорилось в первой главе настоящей работы), отдавали должное заслугам В.Ф. Миллера как этнографа, музейного деятеля, организатора науки, который объединил их, став председателем Отделения этнографии ИРГО и продолжая оставаться в то же время во главе Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Л.Я. Штернберг на страницах «ЖС» в статье памяти В.Ф. Миллера (1913) указал на огромный вклад этого ученого в этнографическое музейное дело России¹⁰⁴. «Что могло, – писал Л.Я. Штернберг, – толкнуть В.Ф., перегруженного занятиями, на скромную, кропотливую, черную работу хранителя музея, как не исключительное “тяготение” к этнографии?». Из уст петербургских этнографов-музеееведов прозвучала высокая оценка деятельности В.Ф. Миллера по систематизации, атрибуции, описанию, реэкспозиции, изданию коллекций Дашковского музея.

На долю В.Ф. Миллера, как указывал Л.Я. Штернберг, выпало решить сразу несколько трудных задач. Во-первых – задачу технического характера. Из прекрасных коллекций, собранных с большими усилиями, только часть была выставлена, другая была запрятана в сундуках, недоступная ни для обозрения публики, ни для научного изучения. Собрания Дашковского музея находились «под вечным страхом медленной гибели от пыли и моли». С огромным трудом Миллеру удалось «котвоевать лишний зал». Добившись расширения помещения, ученый смог ввести большую систематичность в выставленном материале и спасти «от забвения и тлена запрятанные ценные собрания».

Во-вторых, В.Ф. Миллер должен был решить задачу научного преобразования музея. Прежний, «грубо-географический» порядок размещения коллекций, по выражению Штернberга, лишавший музей научного характера, уступил место этнографическому. Проведением этнографического принципа в Дашковском этнографическом музее ученый-хранитель планировал приспособить его к целям систематического изучения этнографии, которая должна была стать предметом преподавания в Московском университете. Л.Я. Штернберг обращает внимание на своеобразное В.Ф. Миллеру исключительное для того времени по своей широте воззрение на научное значение этнографии вообще и этнографических музеев в деле постановки университетского преподавания.

Наконец, в своем труде «Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея», В.Ф. Миллер выполнил третью задачу – разобраться в огромном материале, собранном, по словам Л.Я. Штернберга, со всех концов лицами, чаще всего мало компетентными, материале плохо каталогизированном и дефектно определенном. Миллер провел его научную разработку и описание, сделав общим достоянием ученого мира. Коллеги

полагали, что «Систематическое описание» со времени его появления не только не потеряло своей ценности, но продолжало оставаться единственным такого рода трудом в России. Даже на Западе, где, по отзывам русских ученых, этнография сделала блестящие успехи и где работали сотни прекрасных музейных специалистов, подобные исследования были редки.

Выше уже говорилось о громадном труде, проделанном В.Ф. Миллером для составления «Систематического описания». По тем временам (середина 1880 – середина 1890-х годов) составление даже простых описаний этнографических предметов, полагал Л.Я.Штернберг, представляло большие трудности. Для изучения части коллекций Дашковского музея Миллеру пришлось из-за отсутствия музейно-регистрационного и литературного материалов прибегнуть к разработке и рассылке специальной анкеты. Ответы на анкету, полученные от народных учителей, стали, по мысли Штернберга, ценным первоисточником среди скудной литературы по материальному быту славянских народов России. В целом труд В.Ф. Миллера представлял собой не просто каталог коллекций, а описательную этнографию России и славянских народов.

Л.Я. Штернберг высоко оценивал роль В.Ф. Миллера как многолетнего руководителя Этнографического отдела ИОЛАЭ, «учреждения, столь много сделавшего по фольклору и этнографии России и группировавшего вокруг себя всю так называемую московскую этнографическую школу, общепризнанным главою и создателем которой был В.Ф.». Отмечалась свойственная ученому разносторонняя образованность, научная чуткость, «научная терпимость», необходимая для руководителя сменяющихся поколений ученых, дар привлекать людей к научной работе, готовность помогать не только словом, добрым отношением, но и делом. Если в Москве, как нигде в России, полагал Л.Я. Штернберг, вырос широкий интерес к этнографии, стали возможны

университетское преподавание этнографии и такие преподаватели, как Николай и Вера Харузины, то этим Москва обязана главным образом В.Ф. Миллеру. Не менее значительным современникам представлялся вклад ученого в работу Отделения этнографии ИРГО. Немаловажной являлась также «атмосфера обаятельного благожелательства», которую Миллер внес в среду петербургских этнографов¹⁰⁵.

Этнография в местных музеях

Положение дел в музейном мире России, состояние этнографических музеев и этнографических отделов местных музеев, собирание и изучение ими этнографических коллекций стало одной из ведущих тем с первых номеров журнала.

Выше уже говорилось о том значении, которое придавал редактор «Живой старины» и глава Отделения этнографии ИРГО В.И. Ламанский местным музеям в деле культурного развития и организации научного изучения края и всей страны. В 1890 г. Ламанским был инициирован обмен мнений на страницах «ЖС» по поводу трудностей в создании и деятельности музеев в провинции. Редактор поместил в журнале запрос об устройстве местных музеев, в котором просил присыпать откровенные сообщения о том, какие препятствия существуют в деле организации музеев в уездных городах, заключаются ли они в недостатке средств либо в отсутствии людей, готовых взяться за эту работу, как относятся к местным музеям «обыватели города и уезда»¹⁰⁶. Кроме того, В.И. Ламанского интересовали вопросы распространения «ЖС» в провинции и состояние земских библиотек.

Присланные в адрес редактора ответы выявили различного рода проблемы в организации музейного дела и библиотек на местах. Так, Н.А. Иваницкий из города Кадникова Вологодской губ., известный этнограф, краевед¹⁰⁷, член-сотрудник ИРГО, в то время служивший в земстве заведующим отдела кустарных

промышленных, сообщал, что средства для устройства музеев в губернии есть, включая сочувственное отношение к этой идее со стороны общества и представителей власти. И сам автор «как Вологжанин, живущий постоянно в Вологодской губ. и для нее работающий», признавал, что давно занят мыслью о музее, но обстоятельства не позволяли ему приступить к ее осуществлению. Ранее Н.А. Иваницкий содействовал известному местному ярославскому деятелю А.С. Петровскому в устройстве музея в Ярославле.

Н.А. Иваницкий изучал в 1878–1889 гг. флору Вологодчины, а затем занялся собиранием этнографических материалов. Однако в своей работе он постоянно испытывал сложности в устройстве собственного быта, пристраиваясь на работу в разных учреждениях губернии. По отзыву Иваницкого, музеи в Вологде, Тотьме, Кадниково были желательны. Местные власти поддерживали идею их создания, но не находилось человека, который бы исключительно этим занимался. «Какие любопытные коллекции, – пишет автор письма, – выставлялись в Вологде, Тотьме, Устюге, Сольвычегодске по слухам проезда великих князей... и опять разбирались владельцами. Все это было бы охотно отдано в музей, а теперь теряется, гниет». И далее: «Я бы сейчас поехал в Тотьму устраивать музей: дадут и помещение, и предметы для музея, дадут мне и средства прожить, пока я все устрою. Но чтобы ехать в Тотьму, я должен отказаться от места в Кадниково, а что же потом?». Н.А. Иваницкий предложил, чтобы какой-нибудь специалист из Петербурга пожил бы по полугоду в Вологде и Тотьме, и два музея устроятся. Сам автор письма и другие местные деятели оказали бы в этом содействие¹⁰⁸.

В.И. Ламанский, на имя которого было адресовано рассматриваемое письмо Н.А. Иваницкого, поместил его на страницах «ЖС» с некоторыми сокращениями, опустив некоторые острые моменты¹⁰⁹. Нельзя забывать, что периодическая печать, в том числе и научная, в Российской

империи находилась под цензурным контролем. Большой интерес представляют содержащиеся в письме сведения об особенностях полевой научной работы, устройстве земских библиотек, чтении и распространении научной периодики, о состоянии интеллектуальной среды в провинции.

Краевед-этнограф указывал на огромную территорию, неудовлетворительные пути сообщения в Вологодской губернии и недостаток денежных средств как на едва преодолимые трудности, с которыми приходилось сталкиваться исследователю края. «Мне нельзя было, — сетовал автор письма, — разъезжать по губернии на экскурсии.. я должен был переселяться из города в город на жительство, чтобы иметь возможность исследовать тот или другой уезд и вместе иметь средства к существованию».

Организация Кадниковской земской библиотеки, которой занимался Н.А. Иваницкий, оказалась делом трудным. Средств на комплектование литературы ассигновалось недостаточно. Между тем, читателей оказалось столько, что книг не хватало. Земская управа возражала против выписки «ЖС» и некоторых других изданий. Причину этого автор письма не указал. «Настаивать я нахожу опасным, — замечал он, — потому что библиотека только терпится». У Н.А. Иваницкого на выписку собственного экземпляра «ЖС» не хватало средств, и он пользовался экземпляром, который выписывал местный врач. «Наши сельские учителя, — писал он, — получают по 140 руб. в год и не могут отдавать 5 руб. 50 коп. на журнал. Но что они желают читать, в этом не может быть и сомнения. «Этнографическое обозрение» (посыпаемое в дар библиотеке нашей В.В. Кандинским) постоинно в ходу; часто я отдаю и собственный экз[емпляр] этого журнала».

Иваницкий отметил, что много в крае «жаждущих чтения вообще», желающих читать «не для одного процесса», немало людей, интересующихся наукой, «но им или не дают читать или у них нет средств читать». Автор, обращаясь к редактору

«ЖС», подытожил: «Если вы найдете возможным удешевить ваш журнал или посыпать его на льготных условиях – будут и желающие выписывать его». На это В.И. Ламанский ответил, что журнал не может быть удешевлен, однако возможна рассрочка платежа для подписчиков¹¹⁰. Впрочем, позднее цена журнала, как уже отмечалось, была снижена для сельских учителей, духовенства и учащихся.

Член-соревнователь Тобольского губернского музея этнограф и историк К.Б. Газенвинкель в опубликованном в «ЖС» письме на имя В.И. Ламанского¹¹¹, заметил, что идея местных музеев распространяется на всем пространстве необъятной России, в том числе и в Сибири, где есть музеи в Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске, Омске, Минусинске, Иркутске, Владивостоке. Средства, как показала история возникновения Тобольского музея, обыкновенно находятся, находятся и люди, горячо отдающиеся делу. Однако задачи, поставленные при основании музеев, достигались с трудом. Причину К.Б. Газенвинкель видел в отсутствии научного освещения собранных предметов, чем было обусловлено почти полное игнорирование местных коллекций со стороны представителей столичной науки. На местах было мало специалистов, способных научно оценить и классифицировать музейные предметы, поэтому богатые коллекции сибирских музеев составляли «сырой материал», который ждал научной оценки и не мог пока стать вкладом в русскую науку. Автор письма выразил надежду местных деятелей на научную помощь сибирским музеям со стороны ИРГО¹¹².

Из Подольской губернии сообщалось, что главным препятствием для организации музеев являлся недостаток средств (но «если будут даны средства, то несомненно явятся люди»); отмечался и излишний формализм ученых обществ столиц и больших городов, оказывавших мало помощи в создании музеев и библиотек, а также равнодушие, за редкими исключениями, местного общества к музеям¹¹³.

Проанализировав ответы, В.И. Ламанский пришел к выводу, что в деле создания музея необходим почин одного любителя, затем появятся подражатели. Ученый предлагал начинать музей «с малого, с одного шкапа, с одной витрины... с медленного, но постепенного составления хотя бы самых малых коллекций этнографической, археологической...»; дело не в средствах, а в охоте, решимости, постоянстве. Никакой формализм столичных ученых обществ (редактор «ЖС» не понимал, в чем он заключается) устройству музеев мешать не может. Причина, по которой медленно развиваются в России наука, просвещение и образованность, а «в провинции нет и не заводится нужных музеев», В.И. Ламанскому виделась в неправильном составлении уездных библиотек, где нет нужных книг, но много лишнего чтива, которое рассеивает мысль, служит только средством препровождения времени, не пробуждает желание самопознания, отучает от серьезных умственных занятий¹¹⁴.

Убеждение в том, что дело устройства музеев в уездных городах вполне исполнимо, по мнению сотрудников редакции «ЖС», подтверждал пример Минусинского публичного местного музея, созданного и руководимого краеведом, энтузиастом музейного дела Н.М. Мартыновым. История и «нынешнее его отличное положение» представлялось современникам отрадным и поучительным явлением. «ЖС» освещает работу Минусинского музея, не менее подробно, чем «ЭО». Журнал дает материал по истории Минусинского музея с момента его основания (1877), сведения по составу коллекций и отделов, бюджету, библиотеке¹¹⁵. Отмечается вклад в развитие музея «просвещенных деятелей», жертвователей коллекций и денежных сумм. В бюджет музея поступали ежегодные пособия в размере 100 руб. от Минусинской думы и от Енисейского губернатора, пожертвования меценатов (И.М. Сибирякова, И.П. Кузнецова и других). Средства шли, в

частности, на хранение и приобретение коллекций, специальных изданий.

Редактор «ЖС» замечал, что только тогда, когда в уездных городах появятся музеи, подобные Минусинскому, можно считать Россию вполне просвещенной и благоустроенной. «Только убивающей душу умственной сонливости, пустоте и праздности» дело устройства музеев в уездных городах, полагал В.И. Ламанский, могло казаться пустяком или непреодолимой трудностью¹¹⁶. Однако, в жизни даже такого считавшегося благополучным учреждения, как Минусинский музей, наблюдались сложности. Так, по сравнению с общим числом предметов (на 1904 г. свыше 65 тыс. номеров), этнографических было сравнительно немного – около 3 тыс. в этнографическом отделе, около 1 тыс. в образовательном, а также этнографические предметы в составе других отделов. Планомерное пополнение коллекций по этнографии в музее было затруднено, чему виной скучный бюджет¹¹⁷.

Как и в «Этнографическом обозрении», в «Живой старине» многочисленные сообщения характеризовали работу музеев Сибири и европейской части России, в том числе музеев региональных отделов ИРГО (на основании публиковавшихся отчетов, присыпаемых в редакцию «ЖС», и других источников), их бюджеты, поступления коллекций, проблемы и происшествия. Особое внимание обращалось на этнографическую деятельность местных музеев. Так, сообщалось, что в музей (основан в 1878 г.) Западносибирского отдела ИРГО в Омске в 1903 г. поступило несколько этнографических предметов различных народов и фотографии. Тогда же случилось неприятное событие, красноречиво говорящее о положении музея: «украден кем-то из посетителей киргизский кинжал и ворами – витрина со старыми монетами»¹¹⁸. Проблема сохранности экспонатов в отечественных музеях приобретала все большую остроту.

Тесная связь существовала между Восточносибирским отделом ИРГО и его музеем в Иркутске, являвшимися центром научной работы и «умственной жизни» в крае. Сотрудники ВСОИРГО проводили сибиреведческие исследования, участвовали в экспедициях, устраивали научные заседания и лекции, выпускали научные издания, развивали библиотеку и музей. Иркутский музей охотно посещался публикой (свыше 15,5 тыс. посещений за 1901 г.), чему способствовали проводившиеся консерватором (хранителем) объяснительные чтения по коллекциям музея¹¹⁹.

Музей, основанный Приамурским отделом ИРГО в Хабаровске, получил в 1904 г. имя первого председателя отдела генерала Н.И. Гродекова, много сделавшего для развития музея. К 1905 г. в собрании музея числилось свыше 5 тыс. номеров предметов. Война с Японией изменила ход работы отдела: многие его сотрудники были призваны на военную службу. Также и недостаток средств отрицательно сказался на деятельности отдела и музея. В 1903–1904 гг. не велись научные исследования, не издавались труды отдела. В отчете говорилось, что неразобранные коллекции нуждались в надлежащем размещении и консервировании. Однако часть музея была открыта для публики (в 1903 г. около 20 тыс., в 1904 г. около 30 тыс. посетителей), проводилась работа по регистрации и систематизации коллекций по этнографии чукчей, гиляков (нивхов), тунгусов (эвенков), орочей, китайцев, корейцев, японцев. Нашлась возможность из имеющихся дублетов пожертвовать 169 этнографических предметов в собрание ЭОРМ¹²⁰.

В «ЖС» отмечалась работа музеев, основанных научными обществами, например, Владивостокского музея Общества изучения Амурского края. А.А. Макаренко на страницах журнала выявляет вклад рядовых музейных работников в общее музейное дело. Поводом послужило появление в свет каталога Владивостокского музея, изданного в 1907 г. При

подготовке каталога хранителю В. Глуздовскому потребовалось «произвести настоящие раскопки в коллекциях, пребывавших, к стыду ученого общества, в непозволительной запущенности». В этой работе консерватору помогал музейский сторож И.А. Алексеев, обладавший хорошей памятью, относившийся с любовью и вниманием к вверенным его охране коллекциям, знаяший «биографию» каждой вещи. Сторож помог разобраться в коллекциях и пополнить сведения, которые хранитель не смог найти в документах, к тому же несовершенных. Пример И.А. Алексеева напоминает нам о преданных своему делу хранителях, реставраторах, сторожах, техническом персонале – работниках, без которых не могло развиваться музейное дело.

В упомянутом каталоге были представлены, в частности, предметы по этнографии айнов, гиляков (нивхов), алеутов, коряков, чукчей, камчадалов (ительменов), юкагиров, ольчей (ульчей), ороков (ульта), гольдов (нанайцев), тунгусов (эвенков), китайцев, корейцев, японцев. А.А. Макаренко призвал членов Общества проявить больше интереса к делам и нуждам музея и активнее изучать этнографические богатства Амурского края¹²¹. Само Общество использовало предоставлявшиеся возможности для расширения исследований: получив пожертвование от приамурского генерал-губернатора в сумме 2 тыс. руб., оно запланировало проведение археологической, лингвистической, этнографической, географической экспедиций¹²². Общество изучения Амурского края вместе со своим музеем стало филиалом Приамурского отдела ИРГО¹²³.

Как и Владивостокский музей, в ведение ИРГО перешел Якутский музей. Пользуясь материалами «Известий Якутского отдела ИРГО» (1-й том. Якутск, 1915), член Отделения этнографии ИРГО Н.А. Виташевский на страницах «ЖС» сообщал об изменениях, произошедших за последние годы в судьбе Якутского музея. Музей, содержавший большое

количество ценных коллекций, к сожалению, не находился непрерывно под надзором и наблюдением компетентного ученого и опытного специалиста по музейному делу. Другими словами, хранители часто менялись. Якутский областной статистический комитет, по инициативе которого и при поддержке населения и политических ссыльных был создан и в ведении которого музей состоял со времени своего основания, передал музей Якутскому отделу Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, а тот, в свою очередь, передал музей Якутскому отделу ИРГО, основанному в 1913 г.

От Якутского отдела ждали приведения в порядок коллекций музея и издания его научного описания. Однако работа Отдела тормозилась почти полным отсутствием материальных средств. Ассигнования из местных источников были ничтожны – около 700 руб. в год (1915). Поступление ежегодных государственных субсидий Отделу и музею получило утверждение в законодательных органах, но откладывалось до окончания войны¹²⁴. Известно, что ссыльный революционер-большевик Еме-льян Ярославский (М.И. Губельман) в 1915–1917 гг. являлся консерватором музея, привел его в научный порядок, опубликовал обзор истории музея¹²⁵.

Большой интерес представляют также сообщения в периодической печати, которые отражают взгляды местных деятелей на назначение музея. Так, создателями этнографического музея (1906) в Обдорске (ныне Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского, г. Салехард) при библиотеке православного миссионерского братства во имя святителя Гурия руководило желание создать хранилище предметов этнографии «инородцев» Тобольского севера. По мысли его членов, для успеха своих действий «в инородческой среде» братство должно было стать не только церковно-миссионерским, но и культурным учреждением, «маяком для

всего населения Обдорского края без различия народностей, будь то остыки, самоеды, зырянские самоеды, татары». Музей создавался для изучения жизни и быта «аборигенов», без чего считалось невозможным приобрести на них влияние.

Как полагал основатель музея настоятель Обдорской миссии игумен Иринарх (И.С. Шемановский), музейные коллекции «приподнимут завесу религиозных убеждений инородцев», покажут их ум и сметку, дадут сведения «о сумме их знаний, добытых в вековой борьбе с суровой природой крайнего севера. Хранилище коллекций будет обрисовывать инородцев, как людей, возбуждать к ним жалость в одном отношении,уважение в другом, будет пробуждать у колонистов человечность к ним, расположение, желание помочь». Петербургские этнографы увидели в этом начинании в далеком Обдорске не только научные, но и высоко гуманистические цели по отношению к «инородцам нашего Севера»¹²⁶.

Сообщение об основании Бурятского национального музея (1905) при двухклассном училище в селе Агинском свидетельствовало о стремлении местной «инородческой» интеллигенции («просвещенных бурят») к сохранению для будущих поколений исторических, этнографических, археологических материалов, характеризующих культуру бурят. Сотрудники «Живой старины» полагали, что возникавшему музею придут на помощь другие музеи и научные общества, например, пожертвованием дублетов из своих собраний. Прозвучало также пожелание Бурятскому музею иметь каменное здание, более безопасное в пожарном отношении, чем деревянный дом, в котором пока хранились коллекции¹²⁷.

Отмечена деятельность уже упоминавшегося Тобольского губернского музея, явившегося одним из первых отечественных местных музеев, регулярно издававших научные труды – «Ежегодники» (первый выпуск появился в 1893 г.)¹²⁸. Продолжалась работа Пермского научно-промышленного

музея: проводились лекции, научные беседы, издан первый выпуск «Материалов по изучению Пермского края», поступали новые коллекции, в том числе по этнографии (в 1904 г. – 22 предмета), музей в 1904 г. посетили около 18 тыс. человек. Была закончена систематизация коллекций этнографического отдела музея. Однако в целом работа по разбору коллекций и составлению каталогов продвигалась медленно по причине «нехватки рук», при том что «количество времени и труда, требующихся на эти работы, совершенно не поддаются определению постороннего глаза»¹²⁹.

Самарский городской публичный музей (основан в 1886 г.) в 1902–1903 гг., как сообщалось в «ЖС», проявил «очень скромную деятельность» по этнографии «в зависимости, вероятно, от очень скромных средств». В этнографический отдел музея пожертвован ряд предметов «случайного характера»; куплены костюмы (тунгусские, мордовские, русский) и другие вещи. Посетило музей около 4,5 тыс. в 1902 г. и около 5 тыс. человек в 1903 г.¹³⁰

На примере Саратовской ученой архивной комиссии и ее музея (основан в 1886 г.) сотрудники редакции «ЖС» указывали на нелегкое положение научных организаций и музеев в России. Архивные комиссии и местные музеи являлись часто единственными в крае учреждениями, охраняющими памятники старины, проводившими исследования по истории, этнографии, археологии в данной местности. Архивные комиссии иногда располагали столь незначительными средствами, что не имели даже своего помещения и ютились вместе с музеем «чуть не на чердаке». В «ЖС» сообщалось, что СУАК и ее музей находились в двух плохо освещенных комнатах над библиотекой. Музей страдал от тесноты, за неимением свободного места многие предметы лежали на полу, на шкафах, под витринами. Он мог вместить 10–12 человек, но когда бывало 80 посетителей в день, им приходилось ждать на лестнице, и многие, не дождавшись

очереди, уходили «с тем, чтобы не возвращаться более»¹³¹. Известно, что с 1911 г. музей разместился в особняке, подаренным СУАК ее первым председателем А.А. Тилло¹³².

Развивалась работа Кавказского музея (совместно с публичной библиотекой) в Тифлисе. Отдел этнографии пополнялся коллекциями, пожертвованными и доставленными из экспедиций¹³³. Комитет для образования Кавказского отдела на Всемирной выставке в Сент-Луисе (США) 1904 г. передал музею коллекцию кавказских кустарных изделий, составленную на средства Министерства финансов. Как отмечалось, подобную коллекцию (ковры, серебряные, деревянные, гончарные, шелковые изделия, образцы сукна) из нескольких сотен предметов, имевшую большую денежную ценность, музей на свои средства не смог бы составить. Среди других поступлений в музей были как старинные, редкие вещи, так и обычные, повседневные. Кавказским музеем издавались «Известия»¹³⁴.

Туапсинский научно-промышленный музей, основанный в 1905 г., представлял, как полагали сотрудники «ЖС», небольшое научное начинание, которое имело данные для успешного роста, «если не иссякнет быстро энергия основателей и хватит научных сил». К 1907 г. в музее имелось 6 предметов по этнографии¹³⁵.

Картину музейного мира России на страницах петербургского этнографического журнала дополняют сведения о музеях центральных городов и регионов: об Азиатском музее ИАН, музее Императорского Русского археологического общества в Петербурге, музее Псковского археологического общества, музее Владимирской ученой архивной комиссии, музеях Архангельска (древлехранилище, городской и рыбопромышленный музеи), Курском историко-археологическом музее, Казанском городском научно-промышленном музее, Красноярском городском музее, Семипалатинском областном музее, Этнографическом музее

Харьковского историко-филологического общества, Историческом музее Черниговской губернской ученой архивной комиссии, музеях Львова, Виленском музее, музее Бессарабского земства в Кишиневе и других.

Частные музеи и коллекции. Выставки

Среди частных музеев в России довольно известным являлся вышеупомянутый Городецкий музей Волынской губернии, учрежденный бароном Ф.Р. Штейнгелем, который сочувствовал «идее областных музеев». Серьезное внимание удалено этому музею на страницах «Живой старины». Содержательная заметка о Городецком музее представлена исследователем – этнографом и собирателем музейных коллекций, активным автором журнала И.С. Абрамовым¹³⁶. Деятельность музея Штейнгеля интересовала ученых-музеееведов с точки зрения вопроса об областных музеях в целом и о роли, которую могут сыграть в деле их устройства учредители-частные лица.

Известный украинский деятель науки и музейного дела, общественный деятель и историк Н.Ф. Беляшевский, в свое время помогавший владельцу в устройстве Городецкого музея и заведовавший им, отмечал, что на Волыни давно чувствовалась потребность в учреждении, где бы собирались материалы, характеризующие разные стороны жизни края. Таким целям, по представлениям музейных профессионалов, наиболее соответствовали областные музеи; правда, устройство таких музеев было скорее по силам общественным учреждениям, однако и частные попытки создания областных музеев заслуживали внимания и при серьезной постановке дела могли принести «известную долю пользы».

Музей Ф.Р. Штейнгеля, по сообщению И.С. Абрамова, занимал пять комнат в имении барона, существовал на его средства и содержал весьма ценные коллекции. Состоял из

естественного, географического, антропологического, археологического, этнографического отделов и библиотеки. В отделе этнографии собирались коллекции, характеризовавшие «материальную сторону народной жизни», которая в последнее время подвергалась сильным изменениям. Поэтому в музее сохранялись как современные предметы, так и остатки прежнего быта, исчезавшие с каждым днем. В коллекции музея было решено помещать только те предметы, происхождение которых было точно известно. Издавались отчеты и каталоги. Музей пользовался вниманием местной общественности, которая жертвовала предметы, посещала музей, обращалась к его коллекциям с научными запросами. В деятельности Городецкого музея участвовали и специалисты, они пользовались коллекциями в научных целях (в частности, П.С. Уварова, В.А. Мошков, И.С. Абрамов) и совершали экскурсии (экспедиции) для сбора материалов для музея¹³⁷.

Не менее известен был другой частный музей, о котором регулярно появлялись сообщения в прессе, – Тенишевский. Супруга князя В.Н. Тенишева, внесшего крупный вклад в отечественную этнографию, художница и меценатка княгиня М.К. Тенишева открыла в Смоленске историко-этнографический музей «Русская старина» (1905) на основе коллекций по этнографии и древнерусскому искусству, ставших результатом «многолетнего упорного собирательства».

Музей приобрел широкую известность в России и за рубежом. В 1907 г. собрания М.К. Тенишевой выставлялись в Париже в Музее декоративных искусств. Хроника «ЖС» сообщала о большом успехе выставки и приводила выдержку из газеты «Фигаро», которая свидетельствовала о том, что коллекция М.К. Тенишевой стала подлинным открытием русской традиционной культуры для французской публики. Говорилось: «с изумлением останавливалась перед этими кружевами, материями, эмалями, серебряными изделиями такой тщательности, богатства и чистоты отделки, такой

тонкости в каждой мелочи композиции, которую мы и не подозревали в столь мало культурном народе»¹³⁸.

* * *

В России проходили выставки, устраивавшиеся частными коллекционерами и различными учреждениями и организациями, и научная периодика отражала эти события. Благодаря выставкам частные коллекции получали известность в среде общественности. «ЖС» уделяла не меньшее внимание частным этнографическим коллекциям и выставкам, чем «ЭО». Из сообщений периодических изданий широкая публика узнавала об интересных частных коллекциях, содержавших этнографические предметы, об их собирателях и владельцах.

В Киеве при организационном участии Н.Ф. Беляшевского в 1906 г. прошла южнорусская кустарная выставка, на которой демонстрировались коллекции, предоставленные частными лицами и учреждениями. Среди экспонатов были ценные в художественном отношении украинские народные изделия (ковры, вышивки, узорные ткани, раскрашенная посуда, деревянные резные предметы, писанки и проч.)¹³⁹.

На второй Всероссийской кустарной выставке в Петербурге (1907–1908) планировалось представить «картину народного труда», способствовать сбыту кустарных изделий, познакомить кустарей с образцами иностранных изделий, содействовать распространению среди них как старинных русских, так и новых современных рисунков¹⁴⁰.

Как очередное свидетельство живого, неослабевающего интереса русского общества к «стране черных христиан» Эфиопии в 1907 г. в Петербурге была устроена Абиссинская выставка, представлявшая привезенные из этой страны коллекции (церковную утварь, живопись, предметы быта абиссинцев-амхара)¹⁴¹.

Известный собиратель К.Д. Долматов также выставлял свои коллекции на обозрение публики. Выставка «русского узория» из его собрания прошла в 1907 г. в Петербурге¹⁴². Как

указывалось выше, знаменитые коллекции К.Д. Долматова и Н.Л. Шабельской были приобретены Этнографическим отделом Русского музея. Часть коллекции Н.Л. Шабельской была подарена музею наследницами собирательницы, а другая куплена для музея на средства императора (за 40 тыс. руб.)¹⁴³

На страницах «ЖС» затрагивалась проблема необходимости уважать и соблюдать волю коллекционера в решении судьбы его коллекции и в то же время соблюдения интересов музейной науки. Особое внимание было обращено на собирательскую деятельность с целью строго придерживаться профиля музея, ограждая его фонды от несоответствующих и не имеющих музейной ценности предметов. С этой точки зрения показательна история покупки знаменитого псковского «Плюшкинского музея». Многие специалисты музейного дела, знакомые с содержимым огромного собрания Ф.М. Плюшкина, включавшего предметы старины, декоративно-прикладного, изобразительного искусства, нумизматику, рукописи, книги, этнографические предметы (ткани, вышивки, головные уборы, одежду, украшения) и многое другое, отмечали, что это не был музей в настоящем смысле слова.

Н.М. Могилянский, бывавший в Плюшкинском музее, отмечал, что там отсутствовала какая бы то ни было система в расположении материала, хотя бы по самому случайному и элементарному признаку или принципу. Не было ни инвентаря, ни даже простой записной книжки с указанием на то, что тот или иной предмет из себя представляет или откуда он происходит; эти сведения хранились лишь в памяти Ф.М. Плюшкина¹⁴⁴.

При жизни собирателя судьба коллекций не была им определена. По различным сведениям, Плюшкин хотел уступить свою коллекцию Пскову за небольшую сумму или думал о том, как бы пристроить ее в одно из правительственные учреждений¹⁴⁵. Н.М. Могилянский указывал, что желанием коллекционера было, чтобы коллекции

его не были проданы за границу и чтобы они не были проданы по частям. При этом на вопрос об условиях передачи коллекций в какое-либо научное учреждение Ф.М. Плюшкин отвечал уклончиво и не обозначал их стоимости даже приблизительно. Как специалист-этнограф и музейный работник, Н.М. Могилянский считал, что такое разнородное собрание, как Плюшкинское, могло бы быть приобретено не одним, а несколькими разнопрофильными научными учреждениями общими усилиями и по взаимному соглашению. Но для этого, отмечал ученый, требовалась предварительная работа знатоков по определению ценности этих коллекций¹⁴⁶.

После смерти Ф.М. Плюшкина (1911) наследники решили продать собрание отца. В обществе при активном участии прессы, от бульварных газет до научных и художественных журналов, дискутировался вопрос о судьбе этих коллекций. Некоторые издания сообщили, что иностранные торговцы стариной проявили интерес к Плюшкинскому собранию. Чтобы оно не ушло за границу, русское правительство признало желательным приобрести его. Для финансовой и художественной оценки содержимого Плюшкинского музея в Псков была направлена комиссия, состоявшая из видных деятелей науки и культуры. В своих выводах авторитетная комиссия исходила из строгих критерий столичных музеев¹⁴⁷. Эксперты, в число которых входили Н.Н. Врангель, Н.М. Могилянский, С.Ф. Ольденбург, К.К. Романов, С.Н. Тройницкий, заключили, что целиком собрание покупать было нельзя, поскольку лучшие предметы, достойные попасть в собрания музеев, составляли лишь меньшую его часть.

Деятели, группировавшиеся вокруг журнала «Старые годы», также были озабочены часто возникавшим в музейной практике противоречием между принципами музейной науки и необходимостью точного исполнения воли завещателя коллекции или музея, требовавшего сохранять данную коллекцию или музей как реликвию, в неприкосновенности. На

страницах «СГ» звучало предложение приобрести Плюшкинскую коллекцию для Пскова и оставить ее целиком здесь, ибо она носила местный колорит и представляла собой «характерно провинциальное собрание, где наряду с очень ценностями предметами немало хлама»¹⁴⁸. Но если будет решено приобрести собрание для какого-либо крупного столичного музея, то, по мнению сотрудников журнала, это должно быть сделано только после тщательного процеживания, ибо в полном смысле слова музейных вещей в Плюшкинском музее чрезвычайно мало, и поражает в нем не столько качество, сколько количество.

Подобное суждение специалистов о собрании нисколько не снижало, по мнению редактора-издателя «СГ» П.П. Вейнера, достоинств почтенной деятельности Ф.М. Плюшкина, который любовно скупал всю старину в Псковском крае. Хотя, по отзывам знатоков, недостаток художественного образования не позволял коллекционеру давать вещам правильную оценку. В любом случае, считали они, казна не обязана «оплачивать ошибки» собирателя и слепо подчиняться материальным требованиям его наследников¹⁴⁹.

Деятели науки и музеев таким образом понимали и отстаивали принципы музейного дела и руководствовались интересами русских музеев, главными проблемами которых были и оставались «смехотворные» бюджеты и теснота.

В 1913 г. «Плюшкинский музей» был куплен Николаем II на его личные средства для распределения по музеям и другим учреждениям. Известный историк искусства Н.Н. Врангель в связи с этим заметил, что собрание Ф.М. Плюшкина признано национальным достоянием и приобретено целиком вопреки мнению экспертной комиссии, считавшей его недостойным приобретения¹⁵⁰. Деятели русской науки и культуры постоянно сетовали на то, что в это же самое время из России вывозились ценные, подобранные со вкусом и знанием дела коллекции, потому что не нашлось денег на их покупку внутри страны.

В связи с проблемой вывоза коллекций за рубеж этнографов волновалась судьба собрания В.С. Голенищева, содержавшего подлинные древневосточные, в основном египетские, памятники. Авторы «ЭО» и «ЖС» опасались, как бы коллекция «не погибла для России навсегда». Русскими учеными она признавалась ценнейшим подспорьем в развитии востоковедения и должна была стать достоянием одного из научных учреждений. Академия наук ходатайствовала через министра народного просвещения о сохранении коллекции в России¹⁵¹. Сообщалось, что Британский музей предлагал за нее 1 млн. руб. Сам коллекционер уступал свою коллекцию Академии наук за 500 тыс. руб.¹⁵². В.С. Голенищев был вынужден продать собрание в связи с разорением. По настоянию ученых-востоковедов оно было приобретено в государственную собственность и в 1909–1911 гг. передано в Музей изящных искусств в Москве (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина)¹⁵³.

Таким образом, материалы научной этнографической периодики отражают озабоченность ученых и деятелей музеев по поводу сохранности памятников отечественного культурного наследия, в чьих бы руках они ни находились, в собственности частных лиц или в общественных хранилищах. Вместе с тем, вопросы, связанные с частным коллекционированием, рассматривались в тесной связи с задачами музеев как научных и просветительских учреждений.

Вопросы этнографического музееведения

Проявившаяся уже с первых лет издания «Живой старины» тенденция к превращению ИРГО и его печатного органа в один из центров этнографического музееведения подтверждается и на материалах последовавших публикаций журнала. В начале 1913 г. здесь была помещена «Программа для описания этнографических музеев России»¹⁵⁴. Это стало принципиально

важным событием, которое в очередной раз выявило неразрывную связь между музейной сферой и этнографическими исследованиями – связь, существовавшую в реальности и, что не менее значимо, осознававшуюся в среде ученых и музейных деятелей.

Редакцией было намечено помещать на страницах журнала краткие описания отечественных этнографических музеев и этнографических отделений при музеях, основанных правительством, городами, земствами, научными обществами или частными лицами. Таким путем «ЖС» как печатный орган Отделения этнографии ИРГО преследовала цель содействовать всем лицам, изучающим «русское и инородческое население» России в этнографическом отношении. Редакция обратилась к музейным хранителям и заведующим с просьбой присыпать сведения, касающиеся истории их музея, происхождения и текущего пополнения его этнографических коллекций, помещения музея и размещения в нем коллекций (экспозиции), бюджета (на какие средства содержится музей) и руководства, издательской деятельности (научные издания, описания, каталоги, путеводители), библиотеки при музее. Следовало указать количество этнографических предметов в фондах музея, их распределение по этническому и географическому принципам. Редакцию интересовало также наличие манекенов и моделей в музее. Прозвучала просьба присыпать в библиотеку ИРГО различные музейные издания.

В качестве ответов на вопросник об этнографических музеях и собраниях, разосланный в 44 музея, в Отделение этнографии к октябрю 1913 г. поступили сведения из 12 музеев: Эстонского национального музея в Юрьеве (Эстонский народный музей в Тарту), Этнографического и естественно-исторического музея Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре (ныне Краснодар), Исторического музея (Москва), музея Уральского общества любителей естествознания (Екатеринбург), Архангельского городского

музея, Городецкого музея Волынской губернии барона Ф.Р. Штейнгеля, Кавказского музея, музея Терской области (Владикавказ), Уфимского губернского музея, музея украинских древностей В.В. Тарновского (Чернигов), Домского музея (Рига), музея Оренбургского края (Оренбург)¹⁵⁵.

Рассмотренные выше статьи Л.Я. Штернберга (о МАЭ) и Н.М. Могилянского (об ЭОРМ) вышли в «ЖС» в рубрике «Русские этнографические музеи и собрания», основанной в журнале в связи с данным музееведческим проектом. Статьи о МАЭ и ЭОРМ – публикации, не только носящие информационный характер¹⁵⁶, но и представляющие теоретические вопросы музейной этнографии, различные аспекты деятельности крупнейших этнографических музеев, характеризующие научное значение их работы и отражающие новый этап развития этнографического музееведения в России. В последующие годы в рубрике «Русские этнографические музеи и собрания» были помещены крупные, важные в историографическом отношении статьи, посвященные Троицкосавско-Кяхтинскому музею и Музею украинских древностей в Чернигове.

Содержательная, глубоко отражающая состояние музеев местного края в изучаемый период статья М. Моллесон об истории, современном состоянии и перспективах заведуемого ею Троицкосавско-Кяхтинского музея (ныне Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева), была опубликована в 1913 г.¹⁵⁷. Кружок любителей изучения края воплотил давно назревшую потребность местного общества в музее в 1890 г., начав собирать коллекции и обратившись за разрешением открыть музей в Троицкосавске. Идею создания музея, одного из старейших научных учреждений на территории Восточной Сибири и современной Бурятии, поддерживали известные российские общественные и научные деятели Н.М. Ядринцев и Д.А. Клеменц.

Открытие музея состоялось с его передачей в ведение образованного в 1894 г. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Тогда же А.Д. Старцевым был пожертвован Отделению каменный дом в Кяхте, в нескольких верстах от Троицкосавска, и музейные коллекции были перевезены туда. Правда, удаленность музея от города затрудняла наблюдение за его коллекциями и посещение его горожанами в холодное время года. Пожертвованное здание было ветхим и неприспособленным для размещения коллекций, поэтому потребовалось его расширять и неоднократно ремонтировать.

С 1896 г. консерватором (т. е. хранителем, или заведующим) музея состоял В.С. Моллесон, а после его смерти (1899) его вдова М. Моллесон. Развитию музея способствовала деятельность членов Отделения по исследованию края и пополнению коллекций. В музей и библиотеку поступали пожертвования разных лиц и учреждений. За время существования музея число его коллекций составило 2666 (16664 предмета). В отделе естествознания было собрано 8662 предмета, в отделе антропологии и археологии 3022, отделе этнографии 3284, нумизматики 1535, промышленности и сельского хозяйства 161 предмет.

Этнографическая коллекция музея, как отмечала М. Моллесон, образовалась из случайных пожертвований самого разнообразного характера и страдала «вытекающими из этого недостатками». В этнографическом собрании наиболее богатыми являлись коллекции китайские, японские, монгольские и бурятские, а также по буддизму. Другие народы Азии, в частности Забайкалья, были представлены в музее, по отзыву заведующей, весьма бедно. Имелись единичные предметы по этнографии орочон (эвенков), якутов, чукчей, маньчжуров, корейцев, сартов (узбеков), семейских – забайкальских русских старообрядцев. Неудовлетворительность помещения негативно отражалась на

систематичности выставления предметов. Лишь три небольшие комнаты были отведены под этнографические коллекции: в одной комнате верхнего этажа были размещены китайские и японские предметы, в двух приспособленных подвальных помещениях – предметы буддийского культа и «монголо-бурятское» отделение. Остальные этнографические коллекции размещались в перечисленных комнатах, а также в помещении отдела промышленности и сельского хозяйства.

Троицкосавско-Кяхтинский музей постепенно развивался, однако теснота помещения и недостаток средств для его расширения и капитального ремонта (или строительства нового здания) вызывали у местных деятелей опасение за дальнейшее существование «этого скромного очага знаний, находящегося на далекой окраине, вдали от научных центров». С целью решения проблемы помещения в 1911 г. Отделение открыло сбор пожертвований, давший к концу 1913 г. лишь 500 руб. от покровителя Приамурского отдела ИРГО Н.Л. Гондатти, известного государственного, общественного, научного и музеиного деятеля. Неоднократные ходатайства перед Советом ИРГО в Петербурге об увеличении правительственной субсидии Троицкосавско-Кяхтинскому отделению, составлявшей 500 руб., были безуспешны. Между тем, ветхость здания возрастала, что угрожало целости и сохранности музеиных коллекций.

Труженики Отделения и его музея полагали, что для выполнения целей музея было необходимо систематически пополнять его коллекции недостающими предметами, следовало продолжать упорный труд. Задача развития музея представлялась местным энтузиастам благородной. Интерес к музею рос; открытый по воскресеньям с 11 до 14 часов, он охотно посещался местными жителями (за неполный 1913 г. свыше 4 тыс. посетителей, при населении города 10 тыс. человек). Троицкосавско-Кяхтинский музей представлял характерный пример местного музея, сотрудники которого

осознавали научное и просветительное назначение музея, видели проблемы музея и пути их решения.

* * *

Характерные черты, проблемы и перспективы музеев местного края в России были четко обозначены и проанализированы также в статье Н.М. Могилянского, посвященной Музею украинских древностей В.В. Тарновского Черниговского губернского земства¹⁵⁸ (ныне Черниговский исторический музей имени В.В. Тарновского). В основе этого музея лежали коллекции, собранные Тарновским на протяжении второй половины XIX в. и по его завещанию (1899) пожертвованные земству.

Задавшись первоначально целью собрать возможно более полную коллекцию, характеризующую старинный быт своей родины «Малороссии», собиратель осознал, что выполнение подобной задачи не под силу частному лицу, и его собрание приняло строго местный характер (левобережная Украина). Эта основная идея, руководившая В.В. Тарновским при формировании музея, обратила особое внимание Н.М. Могилянского. Ученый поставил в заслугу собирателю его правильное, сознательное отношение к поставленной задаче: В.В. Тарновский не задавался недостижимыми целями, «в стремлении к которым нередко бесплодно разбиваются лучшие мечты и энергия провинциальных собирателей старины». Могилянский отметил также понимание и заботливость, проявленные жертвователем во «всегда болезненном вопросе» – вопросе о судьбе частных коллекций.

На средства губернского земства к 1901 г. для музея было перестроено здание бывшего ремесленного училища в Чернигове, и в 1902 г. коллекции В.В. Тарновского были перевезены сюда из Киева, где хранились в музее Киевского общества древностей и искусств. В связи с этим Н.М. Могилянский указывает на широко распространенные в столицах и провинции, и не только в России, но и за рубежом,

факты приспособления старых зданий для помещения в них музеев, как на «величайшее зло». Необходимо специальное проектирование и строительство музейных зданий, соответствующих целям и потребностям музеев. Это убеждение ученого соответствовало «новому понятию» о музее, которое сложилось у деятелей – специалистов музейного дела. Н.М. Могилянского и других музееведов волновал также вопрос об архитектурном стиле музейных зданий и вообще зданий общественного характера.

Автор затронул проблемы помещений и мебели в музее В.В. Тарновского. Площадь помещений признавалась недостаточной. Было очевидно, что разместить в имеющихся залах собранный музейный материал в систематическом порядке и с удобством для обозрения публики невозможно. Не приходилось говорить и о музейной мебели в строгом смысле слова. Часть шкафов и витрин досталась в наследство от собирателя, часть была заказана впоследствии, часть приобретена случайно, по мере назревавшей необходимости. Таким образом, в музее не имелось единого комплекса специальной мебели.

Н.М. Могилянский рассмотрел вопрос бюджета, заведывания и штата Черниговского музея. Для музея были выработаны «Общие правила» – устав. Земство выделяло ежегодно денежную сумму на зарплату служащим, содержание помещений и другие расходы. На пополнение коллекций и библиотеки отпускалось около 500 руб., что составляло примерно 1/5 или 1/6 общего бюджета музея. Существование этой хотя и небольшой, но регулярной ассигновки Н.М. Могилянский ставил в заслугу земству. Музей, не имеющий средств на систематическое пополнение коллекций, не мог считаться нормально функционирующими. Между тем, подобных примеров было много, и такой музей становился, по убеждению ученого, «мертвым, нежизненным учреждением, старого типа кунсткамерой, а не живым, постоянно

органически растущим и не теряющим связей с культурной жизнью учреждением».

Н.М. Могилянский видел ряд тяжелых проблем, с которыми сталкивался Черниговский музей в своей работе. В его штате состояли заведующий (он же хранитель) и служитель (он же швейцар, сторож). Эти два лица и должны были удовлетворять «все культурные и хозяйственные потребности Музея». Исследователь отмечал, что в музее необходимо создать должность помощника хранителя и нанять еще одного служителя. Но даже это скромное увеличение персонала, а также увеличение денежного содержания хранителя, понимал автор, было не под силу небольшому музейному бюджету. Не приходилось надеяться и на увеличение земством бюджета музея. Оставалось в будущем рассчитывать только на поддержку частных лиц-меценатов или на правительенную субсидию музею как учреждению, выполняющему важную культурную роль.

Неблагоприятно, по мнению Н.М. Могилянского, сказывалось на развитии музея и то обстоятельство, что Чернигов являлся небольшим провинциальным городом (население 30 тыс. человек), находился в стороне от удобных путей сообщения, в торговом и промышленном отношении имел лишь чисто местное значение. Также здесь не было высших учебных заведений, поэтому отсутствовала та культурная среда и те запросы, которые естественным образом создаются вокруг высшей школы. Следовало учитывать и то, что музей находился не в центре города, а на окраине, что не способствовало его посещению приезжей публикой. Все эти обстоятельства, усугубленные недостатком материальных средств, как полагал Н.М. Могилянский, лишали Музей украинских древностей той «атмосферы, в которой он мог бы свободно дышать и развиваться». Перспективы успешного развития этого музея (как и других местных музеев России) ученый видел только в связи с общим подъемом культурной

жизни провинциальных городов, на фоне общего подъема их материального благосостояния.

Н.М. Могилянский проанализировал изданные Черниговским музеем каталоги коллекций, отмечая имеющиеся в них достоинства и недостатки. В частности, отметил автор, описания музейных предметов не полностью соответствовали «требованиям современной музейной регистрации». Согласно каталогам, музейное собрание включало 6334 номеров предметов. Наибольшую ценность для этнографа, историка, художника в музее В.В. Тарновского представляло собрание историко-бытовых предметов, относящихся к «казацкому периоду» истории края. Сюда относились, в частности, предметы церковного быта, оружие, домашняя утварь и предметы обихода, мужская и женская одежда, украшения. Значительную ценность представлял и отдел, посвященный Т.Г. Шевченко, тесно связанный «этнографическими и культурно-историческими нитями со всем Музеем». Имелись коллекции по археологии, отделы рукописей, старопечатных книг, иллюстративного материала. Собрания музея, таким образом, являлись ценным источником для изучения истории края и всей Украины.

Приращение коллекций и библиотеки Музея украинских древностей шло не только путем приобретений на средства, предусмотренные бюджетом, но и в виде даров. Однако, по убеждению Н.М. Могилянского, как бы ни был важен приток пожертвований в музей как источник пополнения его собраний и как свидетельство симпатий к нему со стороны общественности, все же систематические и целенаправленные приобретения коллекций должны быть для всякого музея приоритетом.

Музей В.В. Тарновского, подчеркивал Н.М. Могилянский, должен был быть и оставаться областным. Этот принцип соответствовал установке и самого коллекционера, и идеи, установившейся среди российских ученых и музееведов,

согласно которой программа местного музея должна была ограничиваться пределами изучения и показа своего края. Тем более, как представлялось Могилянскому, в коллекциях Музея украинских древностей оставался значительный пробел: отсутствовал «современный быт, собрания чисто этнографические». Задачей музея автор видел собирание исчезающих «остатков местной свое-образной народной культуры». Музей, даже ограничившись территорией Черниговской губернии, но, представив этнографию ее населения достаточно полно, сделал бы ту часть общей работы, которая не под силу центральным большим музеям. Своей этнографической деятельностью Черниговский музей дополнил бы то, что делают другие местные музеи, в частности, музей Полтавского губернского земства и музей имени А.Н. Поля в Екатеринославе.

Для ученых-музеееведов была очевидной непосредственная взаимосвязь между музеинм и частным собирательством. Так, Н.М. Могилянский настаивал на скорейшем собирании и изучении музеями этнографического материала (по народной одежде, жилищу и постройкам, промыслам), так как развитие «частного коллекционерства и антикварной торговли делает уже из года в год более затруднительными и дорогостоящими сборы даже недавно еще существовавших в повседневной жизни предметов обихода и местной индустрии». Организовав систематический сбор этнографических предметов, Черниговский музей, по мнению ученого, мог бы сохранить и в будущем то огромное культурное значение, какое принадлежит областным музеям.

Представляет большой интерес анализ популяризаторской деятельности Музея украинских древностей, представленный Н.М. Могилянским. Музей посещали лица для работы с коллекциями; инициировано научное издательство. Посещение музея было бесплатным. В год в музей приходило около 4 тыс. человек. С 1912 г. введена более подробная регистрация

посетителей, и это дало возможность узнать состав публики. Большинство посетителей составляли жители Чернигова и Черниговской губернии; мужчин вдвое больше, чем женщин. По сословному признаку: из 4020 человек (1912 г.) крестьяне составляли 2155, дворяне 970, лица духовного звания 317, «неизвестного сословия» 578 человек. Грамотные 3763, неграмотные 257 человек. Четверть посетителей – учащиеся. Перенесение Музея украинских древностей в центральную часть Чернигова и, желательно, в специально выстроенное здание, по убеждению Могилянского, содействовало бы еще большей посещаемости и популярности этого культурного учреждения.

Статья о музее В.В. Тарновского является интереснейшим историографическим источником по истории отечественных местных музеев, при этом дающим не только чисто фактические сведения, но и материал по истории идей, теоретической мысли в области музееведения, в том числе этнографического. Публикация Н.М. Могилянского свидетельствует о глубоком осмыслении научной и культурной роли музеев в российском обществе конца XIX – начала XX в. История, текущее состояние, проблемы и перспективы музея трактуются с позиций профессионального ученого-этнографа, музееведа, организатора науки и музейного дела, общественного деятеля.

* * *

Многолетнее изучение истории и современного состояния музеев России, сравнение с зарубежным опытом позволили Н.М. Могилянскому обобщить этот материал в статье «Областной или местный музей, как тип культурного учреждения»¹⁵⁹. Работу над статьей ученый начал не позднее 1915 г., затем она легла в основу доклада, прочитанного автором 24 марта 1917 г. на заседании Отделения этнографии ИРГО, и была опубликована в последнем выпуске «Живой старины». Эти факты в очередной раз подтверждают

представление о высокой значимости музейной темы в среде этнографов, об очевидной музееведческой направленности периодического органа Отделения и всей деятельности ИРГО как одного из центров русской этнографической науки.

Несомненно, что события войны и революции привели к прекращению издания журнала в 1917 г. и к общему сокращению научной работы в Обществе. Важные сведения, характеризующие это тревожное для судеб науки и музеев время, содержатся в письмах Н.М. Могилянского к Э.К. Пекарскому по поводу прохождения указанной статьи в печати в «ЖС». «Не знаю, как обернется дело, – писал Могилянский 19 мая 1917 г., – но ужасно хотелось бы видеть напечатанным доклад о местном музее: я уверен, что расходы по его печатанию возвратятся от продажи оттисков – ко мне поступает много просьб дать экземпляр этого доклада. Увы! Я сам даже хотел его напечатать, но неловко это делать ввиду того, что я считаю его собственностью “Живой старины”»¹⁶⁰. Через месяц (23 июня) беспокойство автора по поводу судьбы его статьи сохранялось: «Набирается ли “Областной музей”?.. Это меня очень, очень волнует. Неужели последний том “Старины” выйдет без этой статьи?»¹⁶¹. Публикация состоялась, а переписка Н.М. Могилянского с Э.К. Пекарским по поводу печатания оттисков (500 экз.) продолжалась вплоть до 24 октября 1917 г., то есть кануна революции¹⁶².

Указанный труд Н.М. Могилянского явился результатом подведения итогов и взглядом в будущее отечественной науки, культуры, музеев. Бурное развитие музейного дела в разных странах, усилившееся со второй половины XIX в., ученый связывал с общими условиями и тенденциями времени – ростом и демократизацией просвещения, развитием науки, особенно естествознания, накоплением материальных средств, ростом городов и городской жизни. Музеи росли там, где распространялись европейская цивилизация и современное научное знание. Музеи привлекли к себе значительные

культурные силы, и в процессе деятельности музейных тружеников были не только обозначены практические задачи музеиного дела, но сама его постановка приобрела новый смысл и значение, получив новые идеиные основания и почву.

Н.М. Могилянский выразил сформировавшееся в среде музейных деятелей новое понимание музея. Музей – это уже не место, где собраны и хранятся только диковины, раритеты, драгоценности. Музей развелся в «своеобразное, необходимое учреждение нашей культурной эволюции», в учреждение научное. Этот процесс ученый-музееевед связывал с общим течением мысли и успехами знания, что в области музейного строительства характеризовалось «рационализацией системы». Попытка наглядно представить современное состояние воззрений в какой-либо отрасли наук в виде систематически расположенных объектов в музее имела значение и для популяризации научных результатов, и для самой науки как систематического знания.

Н.М. Могилянский указал на другую важнейшую функцию музеев – хранение научных ценностей как материальных предметов, для чего необходимо соблюдение принципов музейной техники, а также как объектов, имеющих научную, нематериальную ценность, для чего фиксируется подлинность, происхождение вещи. Однако музей представлялся специалистами уже не только хранилищем попавших туда вещей, к которым приставлены хранители как сторожа. По глубокому убеждению исследователя, музей, каким его видят «музейные работники нового времени», должен представлять «живой организм, где всякий застой – лишь болезненный симптом», а нормой является постоянная научная и специальная музейная работа. Необходимо непрерывное, систематическое пополнение коллекций музея, так как никогда и никакое собрание не может считаться абсолютно полным, по воззрениям ученых.

Музей представлялся собирателем, регистратором, хранителем предметов как научных документов и популяризатором знаний среди «неспециалистов науки». Таким образом, в музее Н.М. Могилянский видел не только научное, но и просветительское учреждение, которое учит общество ценить и понимать смысл предметов, кажущихся обиходными, привычными, которым человек не склонен придавать какое-либо значение в повседневной жизни¹⁶³. Таким образом, были обозначены, по выражению А.К. Байбурина, заложенные в «музейный проект» идеи созиания, упорядочения окружающего предметного пространства, использования вещей в качестве знаков¹⁶⁴.

Н.М. Могилянский указал на важную общественную задачу музея – пробуждать в широкой среде общественное самосознание, сознательную любовь к окружающему, к малой родине и к Отечеству, наконец, «мировое чувство человечности». С другой стороны, сам музей и развитие музейного строительства, по убеждению ученого, является продуктом этого самосознания.

Ученым прослежена тенденция на протяжении XVIII–XIX вв. в России: от организации центральных столичных музеев (Кунсткамера, Эрмитаж, Оружейная палата) под покровительством царствующих особ к осознанию важности сохранения памятников старины в широкой общественной среде, к нарастанию интереса к древностям, к проектам учреждения национального музея. В пореформенное время почин в деле организации музеев переходил от центральной власти и местной администрации к общественности. Музеи создавались научными учреждениями и обществами, статистическими комитетами, архивными комиссиями, городами, земствами, частными лицами. История местных музеев в России знала примеры инициативы и энергии частных лиц, поддержанных затем правительством, общественными силами, городами и земствами.

Однако в этой бурной деятельности по созданию музеев Н.М. Могилянский и другие деятели науки и культуры не наблюдали какого-либо плана, ясно поставленной цели, не видели средств, которые обеспечили бы их выполнение. Более того, Могилянский констатировал: большинство музеев российской провинции находилось в тяжелых условиях. По убеждению ученого, для решения этого серьезного вопроса культурной жизни России, для того, чтобы музей как важный фактор вспомогательной научной деятельности мог выполнять свои задачи, его работа должна была быть организована правильно.

Необходимо было, прежде всего, определить задачи областного (местного) музея. Анализируя сходства и различия между центральными и местными музеями, изучая вопрос о разумном разделении их труда «для общей пользы», ученый выразил идею, сложившуюся в умах многих деятелей науки и культуры и находившую основание в практике существования российских музеев. А именно: областной музей должен носить смешанный характер, а не стремиться к универсальности. Ведь большинству городов, полагал Н.М. Могилянский, было по силам и по средствам организовать только один нормально работающий музей. Задача местного музея – дать общую характеристику края; он может представить свой край с такой полнотой, которая недостижима для центральных музеев. При этом провинциальному музею не под силу достигнуть универсальной полноты коллекций, даже по материальным соображениям. Стремление к универсальности со стороны местных музеев Н.М. Могилянский, как многие другие ученые и музейные деятели, считал нерациональным и вредным.

Автор предложил примерный план организации областного музея. Коллекции по антропологии и археологии он включал вместе с материалами по географии, ботанике и зоологии в естественно-исторический отдел, а коллекции по этнографии и «историческому быту» – в историко-гуманитарный, в составе

которого числились также церковные древности, историческая география, архивные документы и рукописи, статистические материалы. В музее предусматривалась библиотека.

Для нормально функционирующего музея были необходимы значительные средства на сбор и покупку коллекций, содержание персонала, хозяйственные нужды. Могилянский детально обозначил состав сотрудников музея, Совета музея, статьи музейного бюджета. Согласно представлениям ученого, областной музей не только полезное, но необходимое с государственной точки зрения учреждение. Он находится в ведении губернской земской управы, содержится на средства как государства, так и земства и города. Музейные работники обеспечиваются правами, связанными с государственной службой.

Н.М. Могилянский был убежден в том, что не будь музеи общественно-полезными, отвечающими жизненным потребностям учреждениями, они не множились бы так повсюду, часто несмотря на неблагоприятные условия. Исследователь был уверен, что если работа музея будет поставлена правильно, то средства найдутся. Вместе с тем, изучение состояния российских музеев привело ученого-музеееда к неутешительным выводам. Он счел нужным «высказаться определенно и до конца» по вопросу о материальном обеспечении музеев: «Пора положить, наконец, предел тому недостойному положению, в каком находятся у нас очень часто деятели музеев, являющиеся нередко прямо подвижниками, а часто просто мучениками своего дела». Состояние музеев и их сотрудников было нестабильным и зависело от разного рода случайностей, включая сочувствие, благосклонность или равнодушие местных властей, учреждений, меценатов. Н.М. Могилянский полагал, что в случае невозможности обеспечить достойное и полезное существование музея, нужно вовсе отказаться от его устройства: «Сколько у нас заброшенных начинаний! В том

виде, в каком у нас часто обретаются музеи, с полным отсутствием средств для деятельности, не стоит тратить вовсе денег даже на нищенское жалованье его хранителю, – он все равно делать ничего не может».

Ученый предлагал положить конец тому «хаосу в музейной жизни и деятельности», который он наблюдал в России. Наставлял на систематическом соблюдении в музейной работе ряда элементарных требований, касающихся здания и помещения (в том числе архитектуры, внутренней планировки, пожарной безопасности, охраны), мебели и других технических вопросов.

В плане научной деятельности этнографами-музееедами признавался необходимым непрерывный и систематичный сбор материалов в целях достижения полноты музейных коллекций. Не менее важным считались научная регистрация музейных предметов и издание годичных отчетов о работе музея. Для выполнения просветительных задач часть коллекций музея должна была располагаться в доступных для публики помещениях, в систематическом порядке, в сопровождении этикетажа и краткого путеводителя. При таких условиях коллекции становились понятными и интересными для посетителей.

Особое внимание Н.М. Могилянский обратил на положение музейных работников. Он выступал за замену понятий «хранитель», «консерватор», как устаревших, другими наименованиями, по примеру музеев Академии наук, среди ученого персонала которых были не «хранители», а «зоологи», «ботаники» и проч. В МАЭ существовали должности старшего этнографа и младшего этнографа. Н.М. Могилянский предложил распространить подобные наименования также на местные музеи, ибо они звучали бы «более достойно для самого скромного деятеля науки».

В плане моральной поддержки младшего служащего музея, ученый полагал, что такой сотрудник будет чувствовать себя на

своем месте полезным работником, только если в пределах сознанных и определенно поставленных задач и при исполнении специальных функций, требуемых музейной службой, он будет предоставлен самому себе как самостоятельный ученый работник. Лишь когда его индивидуальность не будет задавлена казенной, формальной служебной тяготой, он сохранится живым, постоянно прогрессирующим в своей специальности, необходимым членом большой семьи деятелей науки. Участие младших служащих в музейных совещаниях по научным, техническим и хозяйственным вопросам делало их участниками общего музейного строительства.

Н.М. Могилянский, как и другие ученые и деятели культуры, был убежден в будущем расцвете музеиного созидания в России, ибо музей уже сделался необходимостью для науки и школы, стал «постоянной, живой, органической потребностью для духовно растущей народной массы». Могилянский призвал общество поддерживать музеи как важное культурное начинание, как научный и образовательный институт, требовать от правительства выработки положения об областных музеях и материальной их поддержки. Рассеянные по необъятной территории страны музейные работники нуждались в моральной помощи, советах и указаниях. Н.М. Могилянский выступал за организацию курсов по музейному делу и составление инструкций для заведующих музеями, которые знакомили бы с опытом и практикой музейного дела в России и за рубежом. Для объединения усилий музейных деятелей ученый предлагал создать специальное музееведческое периодическое издание, созывать съезды музейных работников, сообща решать проблемы провинциальных музеев, которые ученый назвал «обездоленными пока детищами»¹⁶⁵. В заключении статьи «Областной или местный музей...» Н.М. Могилянский

поместил список литературы по музейному делу (155 названий)¹⁶⁶.

* * *

Ученый-музеевед в своей фундаментальной статье о местных музеях сделал важное упоминание о прошедшем в Москве в Историческом музее Предварительном съезде музейных деятелей России¹⁶⁷. Он был создан по инициативе товарища председателя (фактически директора) Императорского Российского исторического музея князя Н.С. Щербатова в конце декабря 1912 г. с целью выработки программы и постановки вопросов музейного дела к первому Всероссийскому съезду деятелей музеев, проведение которого предполагалось в январе 1915 г., но не состоялось из-за войны. Многолюдность Предварительного съезда (на первом заседании присутствовали 90 человек, которые представляли 60 учреждений разных регионов страны) и состоявшийся на нем оживленный обмен мнений по поводу неотложных нужд музейного дела свидетельствовали о своевременности постановки и разрешения назревших вопросов.

Делегаты съезда – представители ряда центральных и местных музеев указывали на то, что российские музеи насчитывались уже сотнями, однако в большинстве своем они не соответствовали современным запросам науки и жизни, были недостаточно обеспечены материально, разобщены, их организация, «вызывающая местными культурными требованиями», часто случайна, лишена научной системы, несовершенна, так как отсутствовали научные руководства по музееоведению. Музеи в России основывались правительственныеими органами, общественностью, частными лицами, городами, земствами, церковью, при этом отсутствовал даже общий список музеев.

Форум имел непосредственное отношение к этнографическому музееоведению и журналу «Живая старина». Л.Я. Штерн-берг и Н.М. Могилянский были участниками

Предварительного съезда, представляя МАЭ и ЭОРМ соответственно. Они высказывались на заседаниях по различным вопросам музейного дела. На секциях съезда была поднята масса актуальных тем, проходило их детальное обсуждение. Среди острых проблем делегаты называли отсутствие в России органа, который объединил бы деятельность всех музеев, и отсутствие специализированного периодического издания по музейному делу. Предлагалось создать журнал по музееведению, подобный немецкому «Museumskunde». Для составления общего списка музеев Л.Я. Штернберг предложил разработать специальную анкету и в связи с этой проблемой высказал мысль о том, что музейным журналом могла бы служить «Живая старина», где все музеи найдут место для помещения сведений о своей работе¹⁶⁸.

Как впоследствии отмечали исследователи, составление общегосударственного списка музеев, о необходимости которого говорилось на съезде, было делом нелегким уже потому, что нужно было предварительно определить понятие музея, а также по каким признакам могут быть отнесены к музеям те или иные учреждения; при этом отсутствовал орган, который взял бы на себя работу по выявлению и обработке сведений о музеях¹⁶⁹. Источники свидетельствуют, что Н.М. Могилянский уже при подготовке к выступлению на Предварительном съезде¹⁷⁰ наметил главный и принципиальный вопрос – о понятии «музей», с разработки которого следовало начинать при постановке комплекса проблем, связанных с музейной сферой.

На заседании общей (соединенной) секции съезда ученый предложил коллегам «не разбрасываться широко в обсуждении нужд музейного дела», а сосредоточиться прежде всего на вопросах, общих всем музеям. А именно, установить, что такое музей, определить, каково его назначение, какие учреждения должны быть с ним связаны (библиотека, «фотография», мастерские, лаборатории), какими должны быть управление,

состав научных и технических сотрудников, содержание музея, музейные здания, музейная мебель и кладовые для коллекций, как организовать хранение коллекций, их инвентаризацию, каталогизацию, дезинфекцию, реставрацию, как вести издательскую деятельность¹⁷¹.

По итогам работы Предварительного съезда были сформулированы вопросы и пожелания для обсуждения на первом Всероссийском съезде деятелей музеев. Делегаты высказывались за необходимость принятия мер к единению музеев и создания при Историческом музее «бюро музеев» как общероссийского музейного центра. В состав Предварительного комитета будущего съезда вошли известные музейные деятели и ученые, среди которых Н.С. Щербатов (председатель), М.Н. Сперанский и Д.П. Струков (товарищи председателя), П.А. Незнамов (секретарь), П.С. Уварова, Н.Ф. Беляшевский, А.В. Орешников, В.К. Мальмберг, Я.И. Смирнов, Н.А. Янчук. Немаловажен тот факт, что на съезде планировалась организация специальной секции, посвященной этнографическим музеям.

С началом первой мировой войны музейный съезд считался отложенным «до более благоприятного времени». Между тем, теоретическая разработка различных проблем музееведения продолжалась, что доказывал помещенный в «ЖС» труд Н.М. Могилянского о провинциальных музеях, в которой автор ставил и решал ряд актуальных вопросов музейного дела, волновавших ученых и музейных деятелей всей страны и обсуждавшихся в последующие годы. Нетрудно заметить, что содержание «Областного музея...» построено в соответствии с программой выступления Н.М. Могилянского на Предварительном съезде.

Научное сообщество в России действительно рассматривало «Живую старину» в качестве музееведческого издания. Показательный пример: известный этнограф, географ, музеевед Б.Ф. Адлер¹⁷² в начале 1915 г. в письме к секретарю Отделения

этнографии ИРГО Э.К. Пекарскому просил узнать мнение председателя Отделения, желательна ли для журнала его статья о Польском музее в Рапперсвиле (Швейцария), содержащая сведения о характере, задачах, составе отделов, бюджете музея и по другим музееведческим вопросам. Б.Ф. Адлер сообщал, что если по каким-либо соображениям его очерк не будет принят к публикации в «ЖС», он поместит свою статью на немецком языке в «Museumskunde». Автор считал тему очерка злободневной в связи с событиями первой мировой войны в Европе и отмечал, что составил очерк «без слезы», просто и научно, в стремлении донести до читающей публики информацию «о существовании чудесного музея»¹⁷³. В «Живой старине» этой статьи не находим. Как и поступившей в 1915 г. в Отделение этнографии ИРГО рукописи Г.М. Дмитриева-Садовникова «Описание Обдорского Музея и его коллекций»¹⁷⁴.

Рассмотренные материалы показывают, что роль ИРГО в деле созиания коллекций и организации этнографических музеев в центре и на местах была очень велика¹⁷⁵. Историографические источники также подтверждают, что ИРГО с его Отделением этнографии и «Живая старина» как периодический орган Отделения стали одним из музееведческих центров России, что ученые-этнографы Н.М. Могилянский и Л.Я. Штернберг являлись не только руководителями крупнейших этнографических музеев страны, но и одними из ведущих отечественных музееведов.

Проблемы этнографического музееведения ученым представлялись включенными в проблемы всех музеев. Ведь музеи при региональных филиалах ИРГО и большинство местных музеев носили комплексный характер; этнографические коллекции собирались и хранились в музеях разного профиля. Поэтому к вопросам этнографического музейного дела следовало подходить системно, как это и понимали отечественные этнографы-музееведы, которые в

своей практической работе и теоретических разработках выходили далеко за рамки проблематики этнографических музеев и осмысливали историю и опыт всех российских и зарубежных музеев.

Другой не менее важный аспект – понимание места и роли музея в науке. Этнографические музеи и собрания считались отечественными учеными и музееведами базой этнографии. К организации и функционированию музеев (центральных специально-этнографических и комплексных областных) как научных и просветительных учреждений предъявлялись все более высокие и строгие требования. В связи с этим центральные этнографические музеи (ЭОРМ, МАЭ, Этнографическое отделение Румянцевского музея) брали на себя роль методических центров по этнографической науке и музееоведению. Этот процесс шел в русле общей тенденции своего рода покровительства Петербурга и Москвы в отношении развития науки и музейного дела в регионах страны. Так, Этнографический отдел Русского музея уже в первые годы своей работы сделал солидную заявку на то, чтобы стать флагманом этнографического музейного дела в России. Всероссийский масштаб деятельности музея – комплектование коллекций, создание сети корреспондентов – собирателей научного и вещевого материала, командировки и переписка сотрудников говорят о тенденции к превращению ЭОРМ в центр этнографического музееоведения.

Подтверждение сказанного находим, например, в отчете Б.Ф. Адлера, в 1910 г. состоявшего хранителем ЭОРМ, о командировке (1910) по поручению Н.М. Могилянского в Сибирь для ознакомления с состоянием здесь музейного дела и частного коллекционирования и выяснения перспектив расширения коллекционных сборов ЭОРМ по этнографии региона, в том числе путем покупки и обмена. Большую ценность для истории музейного дела представляют

приведенные Б.Ф. Адлером данные по положению и текущим проблемам музеев Сибири в первое десятилетие XX в.

Сибирские музеи, по общему впечатлению Адлера, очень интересны, созданы с большой любовью, однако большинство их, не имея средств, рабочих рук, достаточного помещения, «принуждены с трудом перебиваться». Подобное неустройство сдерживало их развитие, сказывалось на качестве музейной экспозиции. Ряд музеев, по причине нехватки местных специалистов, нуждался в указаниях и постоянной помощи. Такую помощь, по мысли исследователя, мог оказать ЭОРМ, имеющий все данные для того, чтобы сделаться центром русской этнографии. Необходима была организация, полагал Б.Ф. Адлер, которая объединила бы средства и деятельность всех областных музеев Сибири. Таким объединяющим центром мог явиться Русский музей императора Александра III, когда наступит «более спокойная стадия его работы». Этнографический отдел Русского музея, обобщал ученый, должен взять на себя руководство и роль в направлении русской этнографии¹⁷⁶.

Таким же значительным научным и музееведческим центром был МАЭ¹⁷⁷, о чем говорят материалы по истории музея, в частности, рассмотренная выше статья его научного руководителя Л.Я. Штернберга.

Зарубежный музейный опыт

«Живая старина» содержит меньше, в сравнении с «Этнографическим обозрением», сведений о зарубежных музеях. При этом, как уже говорилось выше, материалы петербургского, как и московского этнографических журналов отражают тесные связи научного и музейного сообщества России, и в том числе деятелей крупнейших отечественных этнографических музеев (ЭОРМ и МАЭ), с зарубежной наукой и музейным делом. Практиковался обмен коллекциями,

русские ученые-музееяды проходили учебу за рубежом, совершали поездки для ознакомления с работой заграничных музеев, поддерживали связи с иностранными коллегами, интересовались интеллектуальными течениями на Западе, деятельностью зарубежных научных учреждений и организаций, в Россию приглашались на работу иностранные специалисты и проч.

В этой связи показателен пример Я.В. Чекановского (1882–1965), ученого, оставившего след не только в русской, но и в европейской науке. Поляк, родившийся на территории Российской империи в Варшавской губернии, учебу начал в России, а продолжил в Швейцарии в Цюрихском университете на медицинском факультете. Здесь он изучал антропологию и высшую математику, защитил докторскую диссертацию по антропологии и написал первые научные статьи. Начало карьеры ученого связано с наукой и музейным делом Германии. В 1906 г. Я.В. Чекановский был приглашен в Берлинский музей народоведения на место ассистента известного антрополога и этнолога профессора Ф. фон Лушана. Как сотрудник этого музея, молодой ученый в 1907–1909 гг. участвовал в масштабной немецкой комплексной научной экспедиции в Центральную Африку, точнее в район северо-западных окраин колониальных владений Германии в Немецкой Восточной Африке и соседних территорий Конго.

Эта экспедиция в научном мире признавалась как одна из интереснейших экспедиций того времени в Африку. Встретившая широкую поддержку со стороны общественности и научных кругов Германии, а также имперского колониального управления, образцово снаряженная, располагавшая большими финансовыми средствами (до 400 тыс. марок), прекрасно подобранными научными силами, она два года изучала территорию, в то время мало исследованную в научном отношении.

Этнограф и антрополог экспедиции Я.В. Чекановский собрал и привез в Германию обширный ценный материал по этнографии и антропологии исследованных районов, в том числе этнографические наблюдения, антропометрические данные, фо-тографии, фонограммы, словари местных языков, а также музейные коллекции (около 2 тыс. этнографических предметов и более 1 тыс. черепов), которые пополнили собрания Берлинского музея народоведения.

Я.В. Чекановский поддерживал общение с представителями русской науки, участвовал в научной и музейной жизни России. Вернувшись из немецкой Центральноафриканской экспедиции, он сделал несколько сообщений с показом диапозитивов по результатам своих этнографических и антропологических исследований на заседаниях ИОЛЕАЭ и ИРГО. Сама экспедиция, а также исследования и научные доклады ученого привлекли большое внимание представителей российского научного сообщества и широко освещались в научной периодике¹⁷⁸. Сохранились письма Чекановского из Берлина к непременному секретарю АН С.Ф. Ольденбургу¹⁷⁹ и директору МАЭ В.В. Радлову¹⁸⁰. В одном из писем (1910) к В.В. Радлову молодой ученый напомнил о своей службе при королевском этнографическом музее в Берлине, об участии в экспедиции в Центральную Африку, о награждении за свои заслуги мекленбургским и бельгийским орденами и просил принять его на службу в МАЭ в качестве младшего этнографа и антрополога¹⁸¹.

На тот период африканские собрания МАЭ находились в составе отдела Африки, Океании и Малайского архипелага, заведующей которым была Е.Л. Петри. Рост коллекций этого отдела потребовал выделения из него африканского собрания, что и произошло в 1911 г. Отдел Африки в Музее был выделен в самостоятельную единицу, и приглашенный из Германии этнограф и антрополог Я.В. Чекановский стал его организатором и заведующим¹⁸².

Представляется, что он действительно являлся одной из лучших кандидатур на это место, так как непросто было в российском научном сообществе найти такого европейски образованного ученого специалиста, этнографа и антрополога со знанием африканских языков, который к тому же имел бы тесные связи с Россией и русской, русскоязычной наукой, и что не менее важно, экспедиционный опыт в Африке, опыт комплектования в поле и научной обработки музейных коллекций, работы в крупном европейском этнографическом музее.

В деятельности на должности хранителя отдела Африки МАЭ Я.В. Чекановскому помогали приобретенные знания по культуре африканских народов, навыки экспедиционной научной и музейной работы. За сравнительно небольшой промежуток времени с 1911 г. по сентябрь 1913 г., пока он заведовал отделом, ученый проделал большой труд. Помимо текущей регистрации коллекций, составления инвентарной описи всех собраний отдела, была проведена реэкспозиция его коллекций. Чекановским составлен и опубликован в 1912 г.¹⁸³ (переиздан в 1918¹⁸⁴) путеводитель по новой экспозиции. Именно в этот период в музей после многолетнего перерыва поступили этнографические коллекции из экспедиций в Африку, специально организованных музеем. После поступления коллекции из экспедиции В.В. Юнкера и до этих пор фонд африканских коллекций МАЭ пополнялся только путем обмена с другими музеями, либо пожертвованиями, либо покупкой¹⁸⁵.

В 1913 г. Я.В. Чекановский получил место профессора Львовского университета и вынужден был оставить службу в МАЭ¹⁸⁶. С этого времени его жизненный путь связан с польской и в целом с зарубежной антропологической и этнографической наукой. Разработкой материалов, собранных в Африке, ученый занимался всю жизнь. Его труды по этнографии и антропологии Африки издавались в Европе на польском, немецком и других

языках. Это научные статьи, монографии, этнографические карты Центральной Африки. Монография «Исследования в междуречье Нила и Конго» была издана в Лейпциге в 1911–1927 гг. в 5 томах и является фундаментальным трудом, в котором суммируются результаты исследований ученого в Центральной Африке¹⁸⁷.

В африканистических работах Я.В. Чекановского нашли отражение теоретические направления, разрабатывавшиеся в то время в немецкой науке о народах. Ученый отдал дань идеям о диффузии культурных явлений, о культурных кругах, слоях, провинциях, используя разработки Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, Б. Анкермана, В. Шмидта¹⁸⁸. Чекановский был одним из пионеров применения методов картографии и математического анализа в исследовании этнографических и антропологических явлений.

В первой половине – середине XX в. ученый пользовался широкой известностью не только в Польше, где он являлся одним из крупнейших деятелей науки, но и вообще на Западе благодаря своей научной работе в области расоведения и теории антропологии, антропологии и этнографии Африки, а также антропологии и этногенеза народов Европы, исторической этнографии славянского мира. Вклад Я.В. Чекановского в изучение антропологического состава населения Африки является общепризнанным. Он представлял в науке рубежа XIX–XX вв. поколение ученых, творчество которых преодолевало рамки национальных научных традиций, сочетало широкий тематический и географический размах, комплексность, охват значительного объема информации. Деятельность Я.В. Чекановского стала вехой в истории российской этнографической и антропологической науки и музеиного дела¹⁸⁹.

* * *

Поездки русских ученых и музейных деятелей для ознакомления с постановкой музеиного дела за рубежом к

началу XX в. вошли в традицию. Русские этнографы-музееведы отмечали достоинства и недочеты в работе отдельных зарубежных музеев, учитывая их в связи с нуждами отечественных музеев. Так, в 1906 г. состоялась поездка хранителя Этнографического отдела Русского музея Ф.К. Волкова по музеям Центральной Европы, содержавшим этнографические коллекции. Ученым была изучена работа музеев Вены, Пешта, Загреба, Праги. Ф.К. Волков составил специальную детальную программу, по которой собрал сведения об устройстве и организации этнографических музеев, представляющие большой историографический интерес¹⁹⁰.

Ученого интересовали проблемы личного состава музеев (обязанности хранителей, разделение труда между ними, их подготовка, контроль их деятельности; прислуга, надзор за ней и способы предупреждения злоупотреблений), объема и назначения (профиля) музея и в связи с этим вопрос, входят ли в цели этнографического музея антропология, археология историческая и доисторическая, история культуры, история искусства, фольклор. Ф.К. Волкова волновала также тема, которая занимала умы многих ученых и музейных деятелей в тот период: в какой мере музеи представляются учреждениями «коллекторскими», научными и педагогическими.

В плане оборудования музея исследователя интересовало, как устроены помещения для разбора, монтировки и починки предметов; как организованы библиотека, фотоателье; как ведется издательская деятельность, использование разными лицами научного материала музея. К выполнению педагогической функции музея ученый относил выставку предметов (экспозицию), объяснительные надписи, карты, чертежи, каталоги, а также лекции и другие публичные чтения, причем они разнились для «публики интеллигентной и простой», для путешественников и специалистов.

Важнейшими представлялись также разнообразные вопросы, связанные с музейным коллекционным собранием.

Подробно рассматривался процесс приобретения коллекций: меры привлечения пожертвований, передача коллекций по завещаниям, поступления от государственных и частных экспедиций, покупка предметов в музейное собрание, поступления из организованных музеем специальных экскурсий (экспедиций), а также от корреспондентов и агентов по покупке. Отдельно стоял вопрос о сортировании дублетов, организации обмена с другими музеями, уступке предметов научным учреждениям и местным музеям.

Волковым была намечена для изучения также система регистрации, каталогов, сохранности музейных предметов и мер их охраны (от механических повреждений, хищения, огня и проч.), степень практичности и безопасности электрического освещения. Актуальным для большинства музеев был и оставался вопрос, все ли предметы экспонируются или часть их хранится в недоступных для публики местах, и этом случае – как устроены помещения для не выставляемых предметов и их хранение с целью их относительной доступности. Рассматривались принципы отбора вещей для выставления (по научным, педагогическим, эстетическим и другим критериям), система и техника экспозиции, включая мебель¹⁹¹.

Вопросник, составленный Ф.К. Волковым охватил, таким образом, практически все стороны музейной жизни, начиная с управления, расходов по бюджетным статьям и заканчивая мельчайшими деталями сложного музейного механизма. Этой программой пользовался и Н.М. Могилянский в 1906 г. в своей поездке с аналогичными целями по музеям Швеции, Норвегии и Дании, о которой он составил обстоятельный отчет, представляющий огромный интерес с точки зрения истории этнографического музееведения¹⁹².

Обращает внимание, в частности, замечание этнографа-музееvеда по поводу организации экспозиции в Северном музее Стокгольма. Здесь экспонировалось не все, что находилось в музее, а «наиболее типичное, существенное, чтобы шкапы не

были загромождены огромным количеством предметов, способным только угнетающе действовать на внимание обозревателя», так как целью выставки было дать наиболее отчетливое представление о том или ином сюжете. Именно Северный музей, по мысли Н.М. Могилянского, представлял для сотрудников ЭОРМ совершенно исключительный интерес, ибо он создавался «на их глазах», в самое последнее время, и по своим задачам совпадал с задачами Этнографического отдела Русского музея, находившегося в стадии становления¹⁹³.

Хранитель ЭОРМ А.А. Миллер, ставший позднее (в 1918–1921) заведующим Этнографическим отделом и директором Русского музея, командировался в 1910 г. в музеи европейских городов (Стокгольма, Копенгагена, Берлина, Вены, Брюсселя, Парижа, Лондона) для общего ознакомления с системами устройства экспозиционной части, а в 1913 г. в парижские музеи специально для изучения этикетажа и приемов выставления мелких предметов.

На основании своих наблюдений, сделанных в поездках, а также с учетом опыта ЭОРМ ученый-музееед в 1913–1917 гг. составил «Очерки по технике музеиного дела», представляющие большой музееедческий интерес¹⁹⁴. Как на примере построенного для ЭОРМ здания, страдавшего рядом недостатков с точки зрения устройства резерва, экспозиционной части, рабочих помещений и лабораторий, так и на опыте увиденного в зарубежных музеях, включая новые музеи, А.А. Миллер пришел к заключению, что «музеиного здания, удовлетворительно отвечающего главнейшим потребностям музея, как организма со сложными и разнохарактерными функциями, пока, по-види-мому, не существует»¹⁹⁵.

В своей работе сотрудники ЭОРМ пытались по возможности использовать лучшие идеи, разработки зарубежных коллег, подходящие для создаваемого нового российского этнографического музея. При этом учитывались и

недостатки в организации иностранных музеев. Однако реализация разработанных русскими этнографами-музееведами планов встречала множество трудностей. Так, указанные А.А. Миллером неблагоприятные факторы и обстоятельства в работе ЭОРМ – не полностью соответствующее требованиям музейное здание, недостаток средств на оборудование музея, возникшие с началом первой мировой войны проблемы с заказанной в Германии мебелью привели к тому, что в предреволюционные годы техническое оборудование музея не представляло собой полного применения тех приемов экспозиции, которые были первоначально разработаны сотрудниками Отдела¹⁹⁶.

Следует отметить, что командировки для изучения зарубежных музеев давали отечественным ученым-музееведам ценный, незаменимый опыт, который способствовал совершенствованию музейного дела в России. В осуществлении этих поездок можно усмотреть в известной мере и духовную составляющую. Н.М. Могилянский в подобном ознакомлении с практикой постановки музейного дела «в культурнейших странах Европы» видел путь, обеспечивающий сознательное и наилучшее выполнение работы, в исполнении которой в настоящем и недалеком будущем предстояло самому ученым и его коллегам по ЭОРМ, и вообще всем ученым и музееведам, нести нравственную ответственность перед обществом¹⁹⁷.

Проблемы этнографической науки и музейного дела в России

В отчетах ИРГО по Отделению этнографии, хронике научных поездок, заседаний членов Общества, тематических статьях на страницах «Живой старины» получила отражение

научная и музейно-собирательская работа большого круга профессионалов-этнографов и этнографов-любителей среди народов России. Следует отметить ряд статей, представляющих народный быт разных областей страны. В этих публикациях отражена идея сохранения в музейных коллекциях этнографических предметов, памятников народной культуры в условиях быстрого «разложения старины».

К примеру, член-сотрудник Отделения этнографии ИРГО крестьянин Киевской губ. И. Савченков в статье «Старое и новое в народном убранстве и одежде» рассказывает об уже исчезнувших, исчезающих, широко бытующих и совсем новых чертах в материальной культуре украинцев. Эти сведения, полагал автор, могли послужить подспорьем для этнографов, занимающихся собиранием различных этнографических материалов и учреждением этнографических музеев¹⁹⁸.

В статьях «ЖС», посвященных культуре народов России, и в очерках о поездках специалистов, в том числе командированных ИРГО, МАЭ, ЭОРМ для сбора этнографического материала, включая вещевой, имеются ценные сведения, не только касающиеся современного состояния материальной культуры, но и хода музейного коллекционирования. Здесь можно встретить указания на собирательские установки, методы, личные впечатления исследователей.

О приобретениях этнографических предметов для МАЭ рассказывается в материалах П.Е. Островских (коллекции из Минусинского края по качинцам – этнографической группе хакасов)¹⁹⁹, А.А. Шустикова (по русским Архангельской губ.)²⁰⁰, В.А. Мошкова (по населению Ломжинской, Седлецкой и Минской губ.)²⁰¹ и других. О сборах коллекций для ЭОРМ по русскому населению различных областей говорилось в статьях Д.О. Святского²⁰², И.С. Абрамова²⁰³, в рассмотренных выше публикациях А.А. Макаренко и Н.Е. Ончукова и других материалах.

Этнографами разрабатывались программы для исследования различных этнографических тем, в частности, материальной культуры народов. В первом выпуске «ЖС» была опубликована Программа ИРГО для собирания сведений по этнографии, составленная в середине XIX в. Она содержала вопросы о физических свойствах, наружности, «умственном и нравственном развитии», языке, памятниках народной словесности, домашнем быте населения. В рубрику «Домашний быт» включались описания жилища, двора и поселений, домашней утвари, средств передвижения, одежды мужской и женской, зимней и летней, повседневной и нарядной, у старых людей и у молодежи, у мужчин холостых или женатых, женщин или девушек, прически, головных уборов, обуви, пищи, обычаяев и обрядов, занятий, народного веселья, а также «примерный расчет жизненных средств» семьи. ИРГО обращалось к собирателям доставлять сведения по данной программе, по возможности детальные, с указанием местных названий, с рисунками, фотографиями²⁰⁴.

В журнале были опубликованы другие, новые программы, включавшие вопросы по материальной культуре. Например, руководство для собирания сведений о крестьянских постройках, которое касалось преимущественно оседлого населения как русского, так и «инородческого». Просили сообщать названия, приводить описания внешнего и внутреннего (в частности, мебель, утварь в жилище) вида построек, расположения населенных пунктов, с приложением фотографий, рисунков, планов. Ответы нужно было присыпать в ИРГО²⁰⁵.

А.А. Макаренко предложил программу для собирания сведений о народном красильном деле, в которой содержался детальный план исследования крашения у разных народов России, собирания вещевых коллекций (образцы красок, тканей, инструментов и инвентаря для крашения) и других материалов по данной теме для музеев. Ученый полагал, что

народное крашение исчезает, и необходимо торопиться со всесторонним и глубоким его изучением, призывал при собирании коллекций для музеев сопровождать их максимально подробными объяснениями²⁰⁶.

Как и в «ЭО», в «ЖС» отразился возраставший интерес этнографов к народной музыке и народным музыкальным инструментам. Известный ученый Н.И. Воробьев опубликовал в «ЖС» программу для собирания народных музыкальных инструментов, направленную на содействие комплектованию этих предметов для музеев. Как и московские коллеги, он отмечал относительно слабую изученность данной темы в науке. Об инструментах, находящихся в фондах русских и заграничных музеев, сведения либо отсутствуют, либо недостаточны, отчего важный научный этнографический материал, по словам Н.И. Воробьева, «теряет половину своей ценности и, представляя лишь внешнюю форму без души, не поддается нашему изучению». Поэтому при собирании народных музыкальных инструментов для музеев следовало фиксировать местные названия инструментов и их частей, материал, строй, назначение, сообщать, куплен или изготовлен инструмент самим играющим, сколько времени он в употреблении (старый или новый), считается ли «национальным» или заимствованным (от кого, когда), по возможности применять фонограф и делать фотографии²⁰⁷.

Изучение материальной культуры отечественных народов проводилось в рамках деятельности Комиссии по составлению этнографических карт России при ИРГО, организованной в 1910 г. под председательством С.Ф. Ольденбурга. Работа Комиссии нашла отражение в материалах «ЖС». Члены ИРГО решили, что для создания этнографических карт необходимо провести большую подготовительную работу, включить в круг исследования все народы России, составлять карты по отдельным народам и по различным этнографическим признакам. Один из наиболее деятельных членов Комиссии и

ряда ее отделов Ф.К. Волков указывал, что этнографические карты должны отражать географическое распространение характерных особенностей народного быта²⁰⁸. Так как имеющийся к тому времени в литературе материал, по мнению ученых, был недостаточен и случаен, следовало приступить к систематическому собиранию данных для картографирования явлений культуры по специальным анкетам, рассылаемым через земства, через попечителей учебных округов, директоров народных училищ народным учителям «как наиболее подходящему элементу, способному должным образом отнестись к анкете»²⁰⁹.

Предложенная Ф.К. Волковым «Примерная схема для составления опросных листов» по одежде и постройкам была одобрена Комиссией. При составлении анкет члены ИРГО пользовались анкетами ЭОРМ по этнографии украинцев. Выработанные опросные листы по одежде и украшениям, жилищу и постройкам, хозяйственному быту «малороссов» (составитель Ф.К. Волков), белорусов (составитель А.К. Сержпутовский под руководством Ф.К. Волкова), «великороссов» (Д.К. Зеленин, Д.А. Золотарев, А.К. Сержпутовский) и башкир (С.И. Руденко) в 1914 г. были помещены в «ЖС»²¹⁰. Часть анкет была разослана, получены и обработаны ответы. Однако начавшаяся первая мировая война вносила корректизы и ограничивала деятельность Комиссии.

Одним из мероприятий, составлявших основу подготовительной работы по картографированию явлений материальной культуры народов России, стало составление Д.К. Зелениным «Библиографического указателя русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт)»²¹¹. Следует отметить особый интерес известного этнографа и музеиного деятеля Д.К. Зеленина к материальной культуре, выразившийся в его статьях, помещенных в журнале: «Великорусские народные присловья,

как материал для этнографии», «“Обыденные” полотенца и обыденные храмы. (Русские народные обычаи)», «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских», «Русские народные обряды со старой обувью»²¹² и других публикациях, где материальные предметы рассматриваются в системе культуры, вещи выступают как органичная часть обрядов. Проблемы «вещественной этнографии» занимали значительное место также в масштабном труде Д.К. Зеленина «Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества»²¹³.

Ученый замечал, что до последнего времени отечественные этнографы пренебрегали изучением материальной культуры народа, в этнографической литературе имелось мало не только исследований, но даже сырых материалов по проблемам «внешнего быта». Научный интерес к народной материальной культуре начал расти лишь в последнее десятилетие XIX в.²¹⁴. Важной, отражающей новый этап развития отечественной этнографической науки, представляется мысль Зеленина о том, что при этнографическом изучении населения какой-либо области следует руководствоваться историко-социальным принципом²¹⁵.

Приведенные материалы свидетельствуют, что музейные специалисты и этнографы считали, что помимо привлечения частных собраний, необходимо целенаправленное пополнение музеиных фондов, и именно оно должно стать основным путем комплектования музеев. Этот принцип отражен на страницах и «Этнографического обозрения», и «Живой старины», и в других источниках. Он был особенно актуален для этнографических музеев и собраний, которые были призваны в вещевых коллекциях как в документах отражать этнографические реалии, фиксировать изменения, происходившие в сфере материальной и духовной культуры народов.

В одном из писем Б.Ф. Адлеру 1910 г. Н.М. Могилянский выразился емко и образно: «довольно тащить и тащить все и как попало, надо выбирать до дна специальные маленькие коллекции и обрабатывать и опубликовывать». И поступавшие в ЭОРМ собрания, подобные привезенным известным специалистом по этнографии народов Восточной Азии А.И. Ивановым «коллекциям, систематически подобранным по ремеслам в Китае», представлялись этнографам-музееведам «ценнее в этнографическом отношении, чем блестящие objets d'art (франц. произведения искусства. – Х.Т.) или просто bibelots (франц. безделушки. – Х.Т.)... всех случайных любителей-коллекционеров»²¹⁶.

Только научно-обоснованное, систематичное, планомерное формирование фондов этнографических музеев могло стать основой их функционирования как хранилищ научных документов и как подлинно научных учреждений.

* * *

Различие теоретических подходов к проблемам этнографической науки и музейного дела, существовавшее в среде отечественных этнографов, проявилось в рассмотренных выше статьях Л.Я. Штернберга о МАЭ и Н.М. Могилянского об ЭОРМ, а также в материалах дискуссии в ИРГО о предмете и задачах этнографии (1916), получившей освещение на страницах «Живой старины»²¹⁷.

Журнал опубликовал размышления Н.М. Могилянского о предмете и задачах этнографии и их связи с принципами работы этнографических музеев. С докладом «Предмет и задачи этнографии» ученый выступил на заседании Отделения этнографии ИРГО 4 марта 1916 г., а затем в «ЖС» появилась одноименная публикация²¹⁸. Следует обратить внимание на то, что Н.М. Могилянский решился заняться пересмотром вопроса о предмете и задачах этнографии как научной дисциплины, по его собственному признанию, «не без колебания». Это говорит о непростой ситуации в российском научном сообществе, о

напряженной атмосфере, в которой проходили теоретические дискуссии.

Ученый, как и некоторые его современники, полагал, что этнография – наука сравнительно новая, еще недостаточно популярная в широких кругах, и сами этнографы неодинаково смотрят на ее объем, содержание и задачи. Вместе с тем, в начале XX в. исследователи стали уделять гораздо больше внимания теории науки. Н.М. Могилянский охарактеризовал «перипетии борьбы идей на этой почве» с середины XIX в.: взгляды К.М. Бэра, Н.И. Надеждина, А.Н. Пыпина, Д.Н. Анучина; суждения европейских ученых, оказывавших влияние на развитие теоретической мысли в России; наконец, представления, выраженные в последние годы отечественными этнографами Н.Н. Харузиным, Л.Я. Штернбергом, Ф.К. Волковым.

Так, Н.Н. Харузин видел в этнографии науку, которая, «изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры» (1901). Н.М. Могилянский полагал, что это взгляды не этнографа, а историка культуры, так как в них на первом плане человечество в целом, а не этнос. Ученый не вполне разделял и определение этнографии, предложенное Л.Я. Штернбергом, согласно которому «этнография – наука, занимающаяся изучением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии, т. е., главным образом, народов первобытных и тех слоев культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя» (1904)²¹⁹.

Сам Могилянский рассматривал этнографию как народоведение, чья «задача – изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода, которое, под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий, своеобразно протекало в различных группах, представляющих народы земного шара, и

нашло свое отражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни». По мнению исследователя, сохраняя этнос «как базу для научной этнографии, мы тем самым сохраняем ее как таковую... и вместе с тем вводим в круг ее ведения народы промышленные, культурные, которые многими этнографами прямо исключаются из объектов этнографического исследования». Ученый был убежден, что с прогрессом «так называемой “европейской цивилизации” и просвещения», с распространением «современного позитивного мировоззрения» этносы не исчезнут, сохранится сама почва этнографического изыскания – народ с его индивидуальной жизнью, как объектом этнографического исследования.

Соответственно, если быть последовательным и смотреть на этнографию как науку об эволюции быта, добавлял Н.М. Могилянский, то все этнографические музеи должны быть перестроены по новому плану, так как до сих пор материал в этнографических музеях обычно был классифицирован по этническому принципу, отчасти географическому, но не по основам культурной эволюции или сравнительной этнографии. Н.М. Могилянскому этнический принцип классификации музейных предметов представлялся вполне оправданным, так как всякая группа «разнородных объектов материальной культуры есть нечто целое, объединенное своим происхождением; это – продукт творчества самого народа или же характеристика того, как данный народ удовлетворяет свои потребности», и это целое неотделимо от создавшего или пользующегося им народа. Ученый полагал, что такой принцип классификации сохранится в этнографических музеях всегда, поскольку они сохранят за собой назначение быть музеями народоведения, а не музеями общей истории культуры. Но при этом возможно и желательно, по его мнению, создание «сравнительно-этнографических или эволютивных групп, зачатки которых уже намечались в некоторых музеях»²²⁰ (ср.

морфологический и эволюционный отделы МАЭ, по Л.Я. Штернбергу).

Существовали разногласия в среде этнографов и по вопросу о месте этнографии в ряду научных дисциплин. На взгляд Н.М. Могилянского, этнография, оставаясь самостоятельной наукой, входила в систему антропологических знаний. При этом не подлежала сомнению необходимость сотрудничества ученых различных специальностей, в том числе не-натуралистов (лингвистов, историков и других) на почве этнографической науки. Монографическое исследование какого-либо народа, за которое выступал уже более четверти века тому назад Д.Н. Анучин, должно осуществляться разными специалистами с применением разных методов. Необходимо изучить народ в антропологическом отношении; далее, в результате лингвистических изысканий откроется путь к познанию исторических, культурных связей народа, его духовного быта, психологии, творчества.

Очень важной представляется также высказанная Н.М. Могилянским идея о неотделимости материальной культуры народа от духовной. Исследуя народный быт, следовало учитывать, что и в материальных объектах выражена переданная по наследству сумма знаний ряда поколений, сумма произведенной ими умственной работы. Как и многие его коллеги, Могилянский отстаивал необходимость сбора этнографических материалов и, что еще важнее, их аналитической обработки, повторяя давнее и известное положение, согласно которому с этой работой надо спешить, так как новые формы жизни быстро стирают и уничтожают следы старины во всех областях быта.

Однако вслед за своими современниками (Д.Н. Анучиным, В.Ф. Миллером) Н.М. Могилянский вынужден был признать, что в начале XX в. состояние этнографической науки в России, поскольку оно выражалось в деятельности научных обществ, имевших отделения этнографии, в деятельности столичных и

провинциальных музеев, в текущей литературе по вопросам этнографии, не вызывало чувство удовлетворения. Сделано было много, но это была капля в море работы, которую предстояло сделать. Всеми признанная необходимой и спешной работа по этнографическому изучению разных народов России продвигалась слишком медленно.

Н.М. Могилянский указал на монографические исследования В.Г. Богораза о чукчах и В.И. Иохельсона коряках, «но напечатаны они на английском языке, изданы в Америке и на американские средства, и, хотя, написаны они русскими этнографами, но этнографами поневоле и по капризу случайных обстоятельств нашей истории». То же, по его мнению, можно было сказать о трудах Д.А. Клеменца, Л.Я. Штернберга, В.Л. Се-рошевского, Э.К. Пекарского и других ученых. Не имелось до сих пор и монографических работ о «великороссах, малороссах или белорусах».

Причину неудовлетворительного состояния этнографических исследований в России Н.М. Могилянский видел в отсутствии специальной научной подготовки этнографов, систематической школы этнографии. Основным источником подготовки русских этнографов являлась «самодеятельность», именно ее Могилянский считал одной из основных причин, «почему работа у русских этнографов не спорится и исследование быта русского народа идет далеко непропорционально с его исторической ролью и значением». В связи с этим в своем выступлении ученый предлагал Географическому обществу ходатайствовать перед министром народного просвещения о создании в отечественных университетах кафедр антропологии и кафедр этнографии на естественных факультетах, кафедр истории культуры на историко-филологических²²¹.

По докладу Н.М. Могилянского высказались его оппоненты Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, В.П. Семенов-Тян-Шанский²²². Их замечания обнаружили ту, по выражению С.А. Токаки-

рева, «идейную разноголосицу» по многим вопросам, которая существовала в российском этнографическом сообществе и которая не могла не выражаться во мнениях по поводу путей развития этнографической науки и музейной этнографии²²³.

* * *

Состояние и проблемы этнографической науки и этнографического образования, планы объединения деятельности этнографов, этнографических обществ и музеев обсуждались учеными на заседаниях ИРГО, ИОЛЕАЭ, на состоявшемся в конце декабря 1909 – начале января 1910 г. в Москве XII съезде естествоиспытателей и врачей, что находило отражение в этнографической периодике²²⁴. Дискутировались проблемы путей и форм объединения российских этнографов. Необходимость единения на благо развития науки и исследования этнографических богатств народов России признавалась всеми, однако представления о конкретном воплощении этих планов в жизнь серьезно расходились.

На XII съезде, отличавшемся особой многолюдностью, впервые за всю историю съездов естествоиспытателей в России была организована самостоятельная подсекция этнографии при секции географии, этнографии и антропологии. Заведовал секцией Д.Н. Анучин, он же был председателем Распорядительного комитета съезда. Заведующим подсекции этнографии являлся В.Ф. Миллер, секретарем – В.В. Богданов.

Организаторы подсекции представляли этнографию как самостоятельную научную дисциплину, «естественную историю племен и народов». Успехи этнографической науки и значительный рост накопившегося материала убеждали русских этнографов в необходимости совместного выяснения очередных вопросов этнографии.

Вместе с тем, этнографы считали важным взаимное сближение. Необходимость этого диктовалась разрозненностью в их среде, недостатком учреждений, которые бы их объединяли, а также «почти полным отсутствием

академического преподавания этнографии в России», вследствие чего отдельные этнографы вынуждены были самостоятельно вырабатывать приемы и методы исследования²²⁵. Работа подсекции этнографии на XII съезде естествоиспытателей фактически явилась первым съездом этнографов в России. Как справедливо заметил С.А. Тока-рев, это была одна из самых крупных попыток наладить координацию этнографических работ отечественных ученых²²⁶.

Большой интерес представляют оценки состояния русской науки и атмосферы в научном сообществе, содержащиеся не только в официальных речах, но и в личных впечатлениях участников научных съездов. Крупный востоковед, профессор Петербургского университета, позднее академик В.В. Бартольд отмечал, что на московском съезде не чувствовалось влияния общей идеи, которая могла бы объединить всех представителей знания. «Прежний чисто-русский взгляд на научные съезды, как на средство отдохнуть от повседневной действительности в атмосфере “возвышающего обмана” научных идеалов, теперь, к счастью, уже устарел, но еще не заменен ничем другим. Речи, произнесенные при открытии съезда и на других общих собраниях, свидетельствовали не столько об успехах, сколько об отсталости русской науки»²²⁷. Говорившиеся на съезде «громкие слова о величии науки» доказывали, по мнению наблюдателя, что эта истинна еще не вошла в сознание широких кругов русского общества, при том, что на Западе это уже даже не обсуждалось. Отечественные ученые продолжали доказывать, что русская наука может гордиться некоторыми именами, хорошо известными европейским специалистам, что заслуги некоторых русских ученых признаны «европейским ученым ареопагом»²²⁸.

Работу подсекции этнографии В.В. Бартольд постарался описать «с возможной полнотой и возможным беспристрастием». Атмосферы дружеского общения, по его мнению, не чувствовалось на съезде вообще и между членами

подсекции этнографии в частности, несмотря на все старания ее заведующего В.Ф. Миллера и секретаря В.В. Богданова. Выступления были посвящены вопросу о современном положении естествознания и этнографии в России. О достижениях и препятствиях в развитии русской науки говорилось в программном докладе Д.Н. Анучина²²⁹, о чем упоминалось в первой главе настоящей работы. Ученый предлагал своим коллегам поразмышлять о проблеме заимствований и саморазвития в культуре и науке. Он выступал и против самомнения, и против самоуничижения в оценке российской науки. В.Ф. Миллер, как показано в первой главе настоящей работы, в своем выступлении охарактеризовал успехи и проблемы этнографии в России за последние годы²³⁰.

В докладе А.Н. Максимова²³¹ рассматривались различия между прежним эволюционным и завоевающим сторонников на Западе современным историческим направлениями в науке, между прежними экстенсивными исследованиями, результатом которых были широкие обобщения, основанные на поверхностном изучении обширного района, и современными работами, имевшими целью детальное изучение отдельных, хотя бы и небольших этнических групп²³².

В современной ему этнографии А.Н. Максимов наблюдал «целый переворот»: работали специально подготовленные этнографы, выезжавшие «в поле», вели исследования по определенной программе и непременным условием успеха дела ставили знание языка изучаемого народа. Детальность описаний теперь требовалась для разработки всех этнографических тем: материальной культуры, обычного права, верований, народного творчества, языка. Например, исследователи не ограничивались лишь общими характеристиками материального быта народа, общими описаниями жилища, одежды, орудий, утвари, а вникали в технические детали их производства. А.Н. Максимов полагал, что происходила коренная перестройка всего фактического

фундамента этнографии и что теоретическая обработка новых материалов пока отставала от их сбора, но когда на основе этого нового фундамента появятся обобщающие работы, этнография займет подобающее ей место связующего звена между естествознанием и обществознанием²³³.

В докладе Л.Я. Штернберга «О нуждах русской этнографии», как и в выступлениях других участников съезда, говорилось об отсталости русской науки от зарубежной, что выражалось в преобладании «прежнего экстенсивного способа исследования», вследствие чего народы России, за исключением четырех-пяти, оставались неизученными. Л.Я. Штернберг предлагал организовать центральное учреждение (бюро) для руководства этнографическими работами и для объединения деятельности учреждений, ныне «действующих врозь и ослабляющих свои силы и материальные средства»; учредить фонд для обработки этнографических материалов. Ученый считал необходимым основание кафедр этнографии на историко-филологических факультетах, а также создание во всех университетских городах «музеев по общей этнографии».

В прениях свои возражения высказал, в частности, Д.Н. Анучин, опасавшийся возможности создания «бюрократического учреждения, которое будет нас учить, как делать». По поводу повторявшихся многими участниками съезда слов о печальном положении отечественной антропологии и этнографии Д.Н. Анучин высказался «в защиту того, что делается в Москве», напоминая о плодотворной работе московских антропологов и этнографов, о существовании Антропологического музея при Московском университете. Штернберг на это заметил, что не имел в виду отрицать заслуги Анучина и созданной им школы и что говорил не об учебном музее, а об общественном. Л.Я. Штернберг считал вполне возможным создание в таком центре, как

Москва, музея по общей этнографии, который мог бы соперничать с Берлинским музеем народоведения.

А.А. Миллер видел ряд трудностей не только с учреждением центрального бюро, но и вообще с объединением деятельности отдельных учреждений – обществ и музеев. Доводы ученого убедили участников подсекции признать данный вопрос недостаточно разработанным, чтобы быть поставленным на баллотировку. Секция не вынесла никакого постановления по проблеме объединения деятельности русских антропологов и этнографов²³⁴. Вместе с тем, такое объединение признавалось желательным, но в настоящее время неосуществимым²³⁵.

Необходимым признавалось всеми также учреждение университетских кафедр этнографии. Д.Н. Анучин и В.Ф. Миллер безрезультатно ходатайствовали об этом через руководство историко-филологического факультета Московского университета. При этом в научном сообществе не было единого мнения по поводу вопроса, на каких факультетах создавать этнографические кафедры – на историко-филологических, естественных или вообще необходимо создать кафедру этнографии, не приурочивая ее ни к одному из факультетов. Этот последний вариант и был в конечном итоге одобрен участниками подсекции²³⁶.

В последующие годы в ИРГО продолжалось обсуждение вопроса об университетских кафедрах. По проблемам, поднятым Н.М. Могилянским в его докладе о предмете и задачах этнографии в 1916 г., была создана специальная комиссия, которая пришла к заключению о необходимости учреждения кафедры антропологии при физико-математическом факультете и кафедры этнографии при историко-филологическом факультете. Вопрос о создании особой кафедры истории культуры членами комиссии был «решен отрицательно»²³⁷. Таким образом, ряд идей и

предложений Н.М. Могилянского не был поддержан его коллегами.

Представляется, что разногласия были связаны с существованием различных мнений по поводу того, к каким наукам отнести этнографию, гуманитарным или естественным. Но, несомненно, и об этом свидетельствуют источники, в научном этнографическом сообществе единодушно признавалась необходимость дальнейшего расширения этнографической работы, углубления исследований по этнографии народов России, и в связи с этим необходимость организации специального университетского образования по этнографии, подготовки кадров этнографов. Решение указанных задач не мыслилось учеными вне вопроса об этнографических музеях. Без этнографических музеев они считали невозможным полноценное изучение культур народов России и мира и подготовку профессиональных этнографов.

То, что в заметке В.В. Бартольда о работе подсекции этнографии на XII съезде угадывалось как намек на выявившийся разлад между московскими и петербургскими учеными²³⁸, в московском этнографическом журнале («Этнографическое обозрение») прямо названо «разобщенностью Петербурга и Москвы»²³⁹, «обычным между нашими научными институтами соревнованием»²⁴⁰. В.В. Богданов позже (в 1913 г.) называл XII съезд попыткой Этнографического отдела ИОЛЕАЭ при содействии В.Ф. Миллера объединить и собрать русских этнографов. По словам Богданова, Москва в деле объединения первой показала пример, и петербургские этнографы, сначала не верившие в успех, потом отнеслись сочувственно и приехали на съезд, откликнулась и провинция. Академик В.Ф. Миллер, радушно принятый петербургскими этнографами, которые избрали его председателем Отделения этнографии ИРГО, «создавал планы объединения петербургских и московских этнографов для общих работ на пользу этнографии»²⁴¹.

Однако при том, что существовали связи между научными учреждениями и обществами, контакты ученых между собой, при том, что ученые участвовали в работе различных научных институций²⁴², при том, что в истории русской науки были крупные фигуры, формально и неформально объединявшие значительную часть этнографического сообщества, в дореволюционный период организационного объединения российских этнографов так и не состоялось. Некоторые исследователи предполагают, что созданию единого этнографического центра даже и к концу 1920-х годов в известной степени по-прежнему мешало традиционное московско-петербургское (московско-ле-нинградское) соперничество²⁴³. Историографические источники подтверждают это предположение.

Необходимость координации работ по этнографии особенно остро осознавалась в Петербурге, который был не только столицей Империи, но и центром этнографической науки и этнографического музейного дела в стране²⁴⁴. После XII съезда естествоиспытателей и в связи с деятельностью ИРГО по составлению этнографических карт начиная с 1910 г., в Отделении этнографии ИРГО продолжалось обсуждение дальнейших планов работы. Ключевой проблемой стало налаживание планомерного изучения народов России, согласования деятельности Отделения этнографии «с очередными задачами государственности», и связанный с этим вопрос объединения усилий этнографов в масштабе страны.

Активный деятель ИРГО и ЭОРМ этнограф и антрополог Д.А. Золотарев, в 1916 г. оценивая деятельность Комиссии по составлению этнографических карт и опыт, накопленный в результате этой работы, отмечал, что работа Комиссии «подсказывает необходимость подойти к этому делу не только как к очередной научной, но и как к насущной государственной задаче. России пора знать объединенные ею народности». Д.А. Зо-лотарев предлагал, продолжая деятельность Комиссии,

привлечь к осуществлению ее задачи Императорскую академию наук, Русский музей, Румянцевский музей, ИОЛЕАЭ, университеты, провинциальные и национальные научные общества и другие учреждения, а также отдельных исследователей, работающих в области этнографии и антропологии. Ибо при том недостатке работников и литературного материала, который наблюдался в отечественной науке, при громадности территории и разноплеменности населения России только общими усилиями возможно было, полагал ученый, в более или менее короткий срок собрать и обработать необходимый материал.

Вопрос о путях практического осуществления совместной работы отечественных этнографов и достижения намеченной цели – издания этнографических и антропологических карт России (а это по сути означало полное исследование населения страны в этнографическом и антропологическом отношениях), по мнению Д.А. Золотарева, мог бы решить съезд этнографов и антропологов России, который считалось желательным созвать по окончании войны²⁴⁵.

Характерна последовавшая со страниц московского этнографического журнала реакция на эти предложения, в которой проглядывает нежелание московских этнографов подчиняться централизаторским устремлениям петербургских коллег. В хро-нике «Этнографического обозрения» В.В. Богданов выразил свое сомнение в том, что составление этнографических карт должно быть конечной целью коллективной работы этнографов, а также в том, что работа должна быть централизованной и идти по заранее намеченному плану. «И то и другое, – писал ученый, – могут вызвать большие возражения, а потому мне лично представлялось бы более осторожным и целесообразным вести научную коллективную деятельность в центрах и в областях на основах свободной согласованности всяких – больших и малых – сил в

их самостоятельных, как оригинально-задуманных, так и традиционно-выполняемых научных работах»²⁴⁶.

Однако, при всех имевшихся разногласиях в вопросах теории и практики этнографической науки, при всех трудностях и препятствиях, встававших на пути объединения представителей научного сообщества, отечественные этнографы и музейные деятели работали на благо общей, всеми сознаваемой цели – исследования народов России и народов мира. В этой деятельности российские этнографы видели не только научное, но и культурное значение. Как было отмечено выше, этнографическое музейное дело и музеи занимали в этой работе видное место, являясь вещественной базой этнографии, собирателями и хранителями этнографических коллекций и объединяя вокруг себя сообщество ученых, музейных деятелей и представителей широких кругов общественности.

* * *

В музейном деле происходили аналогичные процессы, что и в науке: при широком плюрализме мнений, при разных подходах к теории и практике музейной работы, деятели музеев разными путями шли к созданию Музея как культурного и научного учреждения, как института социальной памяти. При этом этнографы-музееяды прекрасно осознавали, что в функционировании любого музея действуют как методы соответствующей науки, так и специфически музейные законы. Такое понимание музея выражено не только в публикациях «Этнографического обозрения» и «Живой старины», но и в ряде других опубликованных и неопубликованных историографических источников. Так, материалы журнала «Старые годы» позволяют рассмотреть проблемы этнографического музейного дела в контексте развития музеев разного профиля и в связи с общими проблемами музейного дела в России конца XIX – начала XX в.

Историко-искусствоведческий ежемесячник «Старые годы» выходил в 1907–1916 гг. при Кружке любителей русских

изящных изданий в Санкт-Петербурге – Петрограде²⁴⁷. В публикациях «СГ» разрабатывались вопросы искусствоведения, рассказывалось в основном о художественных музеях и коллекциях, но в обобщающих статьях, обзорах, хроникальных сообщениях получали отражение проблемы как специфические для отдельных музеев, так и общие для всех российских музеев, музеев различного профиля. Эта направленность «СГ» сближала его с другими музееведческими журналами – «ЖС», «ЭО» и выявляла общее научное и музейное пространство.

В «СГ» освещалась работа художественных, исторических, этнографических музеев Петербурга, Москвы, музеев ряда провинциальных центров, обсуждались проблемы охраны памятников истории и культуры. Получила отражение история Эрмитажа, Русского музея императора Александра III и его Этнографического отдела, МАЭ, музея училища технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне музей декоративно-прикладного искусства Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии), музея Старого Петербурга, Исторического и Румянцевского музеев, Третьяковской галереи и многих других.

Издатель и редактор «СГ» П.П. Вейнер был известным коллекционером произведений искусства, знатоком частных собраний, библиофилем, специалистом в области искусства и музейного дела, активным защитником памятников старины, одним из организаторов, руководителей и пополнителей созданного на общественных началах музея Старого Петербурга (после Октябрьской революции музей вошел в состав петроградского Музея города)²⁴⁸. На страницах «СГ» отражена работа и музееоведческие идеи П.П. Вейнера и его коллег, художников, историков искусства, музейных деятелей, знатоков музейного дела Н.Н. Врангеля, А.Н. Бенуа, Н.К. Рериха, И.Э. Грабаря, Н.И. Романова, А.А. Ростиславова и др. Указать на общие причины, от которых страдали все

русские музеи – такой видели одну из целей журнала его сотрудники и авторы.

В материалах «СГ» освещался состав фондов музеев, процесс пополнения коллекций, обсуждались вопросы профиля музея, финансирования, кадров, помещения, охраны коллекций, техники музейного дела, научных исследований в музеях, издательской деятельности, работы с посетителями. Большое число статей посвящено выставкам, аукционам, частному коллекционированию художественных и этнографических предметов, ценным в культурном и историческом отношении усадьбам в России. Публикация коллекций, предметов, исторических интерьеров на страницах специальной периодики несла охранную функцию.

К началу XX в. особенно остро встал вопрос о сохранности и реставрации памятников истории и культуры. Деятели науки и культуры ставили его перед депутатами Государственной Думы. Закон об охране памятников к 1917 г. принят не был²⁴⁹. Проблемы охраны памятников активно обсуждались на страницах периодических изданий, немаловажное значение отводилось вопросам частной собственности. Как и материалы «ЭО» и «ЖС», публикации «СГ» служат важным и интересным источником по истории частного собирательства этнографических предметов, памятников старины и искусства в России.

Авторов «СГ» интересовал вопрос о частных коллекциях вообще, волновала судьба содержавшихся в них произведений искусства, этнографических предметов и предметов старины, особенно когда эти коллекции выставлялись владельцами на продажу. Высказывались мнения музейных деятелей по поводу музейной ценности тех собраний, которые попадали за границу или приобретались отечественными музеями в виде покупки или в дар. В ряде случаев особенно отмечалось, что патриотично настроенные владельцы ради сохранения коллекций в пределах России продавали их музеям дешевле

рыночной цены. Но музейные деятели не могли противостоять вывозу предметов национального достояния за рубеж.

Члены царской семьи в материалах «СГ» выступают как собиратели коллекций, инициаторы создания ряда музеев, музейные попечители и жертвователи, которые передавали собственные коллекции или выкупали коллекции у частных лиц для музеев. Но следует учитывать, что значительная часть этих музеев при этом составляла личную собственность императорской семьи. В этой связи на страницах «СГ» обсуждаются проблемы музеев, находившихся до Октябрьской революции в ведении Министерства Императорского Двора, а именно Эрмитажа, Русского музея, Оружейной палаты.

В России в столицах и в провинции были любители старины и народного искусства, которые не только собирали замечательные коллекции, но и делали их доступными для обозрения. Многие продавали, а порой и передавали в дар собранные годами и не одним поколением коллекции в музеи. Подобные примеры выше уже рассматривались. Немаловажную роль играли выраженные на страницах прессы взгляды как самих коллекционеров, так и музейных специалистов на задачи частного собирательства вообще и применительно к музейному делу.

Сотрудники «СГ» отмечали, что некоторые собиратели позволяли музеям самим выбирать нужные и недостающие для их собраний предметы. С особой благодарностью они отзывались о тех коллекционерах, кто «научно-систематически» подбирал свои коллекции. Музейные деятели считали, что подобным образом действовали коллекционеры, правильно понимавшие задачи частного собирательства – идти на помощь общественным собраниям²⁵⁰. Так, в коллекции М.К. Тенишевой, по оценкам музееведов, не было «даже намеков на музейный хлам», ее собрание отличали цельность, строгий выбор, обдуманность. А.А. Ростиславов замечал в «СГ», что не будь княгиня Тенишева такой патриоткой, нам бы

не видать этих коллекций в пределах России. Для музея было построено специальное здание, что было редкостью. Собирательница передала музей в дар Московскому археологическому институту, и он стал базой для занятий слушателей и преподавателей Института²⁵¹.

В конце XIX – начале XX в. на основе накопленного опыта разрабатывалась музейная теория, в дискуссиях отечественное музееоведение формировалось как научная дисциплина. Музееоведческая периодика в России, как и на Западе, играла важную роль в развитии музееоведения, являясь отражением процессов осмысления теории и практики музейного дела. Знакомство с опытом зарубежных музеев и музееоведческими идеями, формировавшихся на Западе, оказывало большое влияние на воззрения и деятельность музейных специалистов в России. «Старые годы», как и другие периодические издания, отмечали деятелей науки и музейного дела, выезжавших за границу для изучения работы музеев «в передовых в культурном отношении странах»²⁵². Среди них П.П. Вейнер, Н.И. Романов, П.П. Муратов, С.Н. Тройницкий. Периодика дает возможность познакомиться с воззрениями ученых-музееоведов на назначение и роль музеев и коллекций в развитии науки и просвещения.

Обобщив свой опыт и опыт зарубежных коллег, музейные деятели формулировали концепцию Музея. Это получило отражение в статье Н.Н. Врангеля, где особо отмечалось, что Музей – не только «учебник» или «хранилище», это «учебный храм», в котором чисто эстетические задачи должны сочетаться с учебно-воспитательными, а «поклонение красоте с поклонением науке»²⁵³.

Известный художник, историк искусства, реставратор, музейный деятель И.Э. Грабарь выразил сложившееся в среде музееоведов понимание Музея XX века. Он писал, что музеи «уже не могут быть, по примеру прежних хранилищ, простыми складами для сбережения сокровищ живописи и скульптуры

или образцов художественно-промышленного творчества. Собрать возможно больше произведений старого искусства и увесить ими густо стены, без малейших промежутков, снизу доверху, ещё не значит создать музей, устроить “храм музам”. Недостойно современных знаний и уровня развития мириться дальше с этим старым типом музеев, погибающих от множества собственных богатств... Музей искусства это не случайность, возникающая в результате единичных приобретений и разнородно-пёстрых пожертвований; это стройный, цельный организм»²⁵⁴.

Активный сотрудник «СГ» художественный критик А.А. Ростиславов в статье «Музейная культура» обращал внимание на то, что музееведению за границей положены прочные основы, в то время как для России это была совсем новая наука. По его мнению, в музейном деле следовало начинать с организации музейного пространства, ввиду того, что целесообразность приобретений и размещений, устройство библиотек и кабинетов для занятий, вопросы реставрации, музейной статистики и регистрации, общего музейного хозяйства тесно связаны с основным вопросом – музейным помещением. Многие из отечественных музеев находились в «прелестных дворцах», но не имевших необходимого характера помещения. Музейные деятели полагали, что только при наличии специального помещения музей мог явиться организмом, живущим самобытной, растущей жизнью.

В прямой связи находились необходимость органичного роста музея, экономии места и целенаправленного, целесообразного, «с большим выбором» пополнения музейных собраний. Музееведы восставали против случайных и ненужных приобретений в музейные коллекции. Принятие генеральной концепции музея освобождало его от вторжения «чуждых, неосведомленных элементов» в «интимное, сложное, понятное только специалистам и одновременно столь важное в общественном и воспитательном смысле дело музейной

жизни». По мнению А.А. Ростиславова, нарушение принципа «музейной экономии», ненужное загромождение помещений музея непрофильными, не цennыми для него коллекциями является одним из крупнейших недостатков в работе музея²⁵⁵. Музейные деятели называли дефицит средств и нехватку помещений общемузейными бедствиями.

Направление работы любого музея, его соответствие запросам времени во многом зависело от личности руководителя. В истории российских музеев было немало примеров того, как профессионализм, искренняя преданность делу и энергия руководителей способствовали улучшению работы музея, поднимали ее на новый, более высокий уровень. «Старые годы» отмечали музейную работу И.Е. Забелина (Исторический музей), П.И. Нерадовского (Русский музей), Н.Ф. Беляшевского (Киевский городской художественно-промышленный и научный музей), А.И. Анисимова (Новгородское епархиальное древлехранилище) и других деятелей.

Большую роль в развитии музейного дела в Москве сыграла деятельность директора Румянцевского музея кн. В.Д. Голицына и его «неутомимых сотрудников» историков искусств, знатоков живописи – хранителя отдела изящных искусств музея профессора Н.И. Романова и его помощника П.П. Муратова. И.Э. Грабарь писал о них: «Редчайший в русской жизни случай: наконец-то есть настоящие люди – энергичные и культурные сотрудники, но сделать им ничего не дают, их усердию не очень рады»; нормальная музейная работа была затруднена по причине острой нехватки денег в бюджете музея²⁵⁶. Сотрудники «СГ», считая, что «музей не кладовая, и систематичное размещение произведений в нём необходимо», поддерживали деятельность И.Э. Грабаря в руководстве Третьяковской галереи, который совершенствовал экспозицию «с точки зрения современной музейной науки»²⁵⁷. Важной составляющей успешной работы музееведы считали любовь к

делу и рвение со стороны младшей администрации (хранителей), а также остального персонала музея.

Вообще, периодика конца XIX – начала XX в., в частности, журнал «СГ», дает богатый материал для изучения сообщества музейных работников. В России в дореволюционный период отсутствовала система музееведческого образования, массовой подготовки музейных специалистов в учебных заведениях. Навыки музейной профессии приобретались непосредственно в музее, путем практического освоения накопленного опыта. Музейная работа еще не была четко дифференцирована, как впоследствии, на работу фондовую, экспозиционную и научно-просветительную²⁵⁸. Музейным работникам необходимы были соответствующие весьма разносторонние качества и умения. Они участвовали и в сборе коллекций, и в их приеме, обработке и регистрации, и в научной работе с ними (включая описание, составление каталогов и путеводителей, использование в исследовательских целях), в устройстве экспозиций, проведении объяснений и экскурсий для специалистов и публики и проч. Важной и неотъемлемой частью их деятельности была пропаганда темы музеев и музейного дела на страницах научной и другой периодической печати.

Суммируя, необходимо отметить, что публикации «Старых годов» представляют содержательный источник, отразивший различные вопросы музейного дела в связи с общими тенденциями развития культуры и науки в России в начале XX в. Материалы журнала свидетельствовали об осмыслиении учеными и музейными деятелями ряда практических и теоретических проблем отечественного музейного дела, которые требовали решения.

* * *

В заключение следует сказать, что исследованные источники свидетельствуют о превращении этнографического музея в важнейший фактор научной и культурной жизни России в конце XIX – начале XX в. При всех трудностях

развития науки и музейного дела, происходило становление музея как социального явления, как культурной нормы. Научная периодическая печать отразила разнообразные музейные проблемы.

Анализ публикаций «Живой старины» подтвердил ориентацию периодического органа Отделения этнографии ИРГО на широкий охват проблематики не только этнографических музеев, но и музеев другого профиля, включавших коллекции этнографического характера. «ЖС» оставаясь, прежде всего, научным журналом по этнографии, становилась одновременно и одним из ведущих музееведческих периодических изданий в нашей стране, уделявшим большое внимание теоретическим и практическим разработкам в области музейного дела. Это отражало растущее значение музейного дела в науке, просвещении, общественной жизни России.

Этнографическая музейная деятельность представлена на страницах этого издания в широком историко-культурном и научном контексте. Музееведческая тематика «ЖС» находилась в прямой связи с тенденциями развития науки и музейного дела. Н.М. Могилянский, Л.Я. Штернберг, В.И. Ламанский и другие ученые внесли значительный вклад в музееведческую направленность «ЖС», в осмысление этнографического музея как одного из основных элементов этнографической науки, в понимание музея как важного культурного института. Эти незаурядные ученые, музейные практики и теоретики касались разных вопросов музейной жизни: профиля, функций, принципов устройства центральных и местных музеев, бюджета, зданий и помещений, персонала, научной, просветительской, издательской деятельности.

Этнографами-музееведами обсуждались принципы сбора этнографических коллекций, регистрации, описания и систематизации музейных материалов, экспозиции, музейной мебели, технические вопросы. Дискуссии на страницах журнала

демонстрировали разные подходы в науке и музейном деле и отражали определенный этап в развитии музееведческой мысли. Различное понимание предмета и задач этнографической науки объясняло разницу во взглядах по вопросам организации и работы этнографических музеев.

-
- ¹ Материалы по изданию «Живой старины» см.: Архив Русского Географического общества (АРГО). Ф. 1. 1890 г. Оп. 1. Д. 12; ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 58, 46.
- ² ЖС. 1916. Вып. IV. С. 342.
- ³ ЖС. 1890–1891. Вып. I. С. III–IV, IX–X.
- ⁴ ЖС. 1894. Вып. I. С. 37–38.
- ⁵ Веселовский Н.И. Деятельность В.И. Ламанского в Императорском Русском Географическом Обществе // ЖС. 1915. Вып. I–II. С. 6–7.
- ⁶ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 58. Л. 368–396.
- ⁷ Известия и заметки // ЭО. 1890. № 2. С. 261–262.
- ⁸ От редактора // ЖС. 1890–91. Вып. I. С. XXXVI.
- ⁹ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1600. Л. 1–2.
- ¹⁰ ЖС. 1890–1891. Вып. I. С. IV, X.
- ¹¹ Шангина И.И. «Живая старина» // РМЭ. С. 188.
- ¹² ЖС. 1906. Вып. I. С. 29.
- ¹³ Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества... С. 22–28.
- ¹⁴ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 58, 46.
- ¹⁵ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 24: Ламанский В.И. Русский этнографический отдел музея Императора Александра III; Оп. 3. Д. 46, 58; Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–11: Ламанский В.И. Русский этнографический отдел музея Императора Александра III. 1898; Сергеева Г.И. В.И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея... С. 3–13.
- ¹⁶ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 451. Л. 2–15; Оп. 3. Д. 652. Л. 71, 144, 223, 240 и др.
- ¹⁷ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 90. Л. 45–53; Оп. 3. Д. 396. Л. 1, 3.
- ¹⁸ Станюкович Т.В. Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии... С. 84–90; Хроника // ЖС. 1907. Вып. IV. С. 52.

¹⁹ Журналы заседаний Отделения этнографии И. Р. Г. О. // ЖС. 1913. Вып. I–II. С. XVII; Журналы заседаний... // ЖС. 1913. Вып. III–IV. С. LIV.

²⁰ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни... С. XXV.

²¹ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1133.

²² Астахова А.М. А.А. Шахматов как фольклорист и этнограф // ОИРЭФА. Вып. II. М., 1963. С. 132–155.

²³ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 436/4. Л. 149–154.

²⁴ Мнение А.А. Шахматова о задачах нового музея изложено в приложениях к «Протоколу Второго (состоявшегося 13 февраля 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III». СПб., 1901. С. VII–VIII.

²⁵ А.А. Шахматов вежливо отказался: отвечая на это предложение, он просил оставить его членом комиссии, но не возлагать на него председательство. ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 436/4. Л. 151–152.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 283, 312.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 27, 47.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 336; Д. 1525. Л. 56; Ф. 134. Оп. 3. Д. 279.

²⁹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи... С. 144; Она же. Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии... С. 81–91.

³⁰ Лукьянец О.С., Калашникова Н.М. Н.М. Могилянский – основатель молдавских коллекций в собраниях Русского музея... С. 69–75; Решетов А.М. Н.М. Могилянский – выдающийся российский этнограф и музеевед... С. 147–151; Дмитриев С.В. Судьбы сотрудников Этнографического отдела Русского музея: Н.М. Могилянский... С. 151–155.

³¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 41–59; Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 57.

³² От редактора // ЖС. 1890–91. Вып. I. С. XI–XLVI; [От редакции] // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 196–198; Веселовский Н.И. Деятельность В.И. Ламанского... С. 1–2; Семенов-Тян-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // ЖС. 1915. Вып. I–II. С. 9–20.

³³ От редактора // ЖС. 1890–91. Вып. I. С. XXIII–XXXVII.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 46. Л. 22.

³⁵ Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 215.

-
- ³⁶ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 318–321; Сергеева Г.И. В.И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея... С. 6–7.
- ³⁷ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 96. Л. 1.
- ³⁸ Веселовский Н.И. Деятельность В.И.Ламанского... С. 1–2.
- ³⁹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–11; Ламанский В.И. Русский этнографический отдел музея Императора Александра III. 1898.
- ⁴⁰ Сергеева Г.И. В.И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея... С. 8–13.
- ⁴¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф... С. 12–20.
- ⁴² ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 998. Л. 5–6.
- ⁴³ Примеч. редакции // ЖС. 1894. Вып. I. С. 31–32.
- ⁴⁴ О нем см. также Токарев С.А. История русской этнографии... С. 382; Сем Т.Ю. Вклад А.А. Макаренко и его корреспондентов в комплектование шаманских эвенкийских коллекций РЭМ // Музей. Традиции. Этничность... С. 96–100.
- ⁴⁵ Макаренко А.А. Сибирские песенные старины // ЖС. 1907. Вып. I. С. 1.
- ⁴⁶ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 15–16.
- ⁴⁷ Макаренко А.А. Канун по Сибирским селениям // ЖС. 1907. Вып. IV. С. 181–199.
- ⁴⁸ Хроника // ЖС. 1906. Вып. IV. С. 84.
- ⁴⁹ Хроника // ЖС. 1907. Вып. III. С. 36–37.
- ⁵⁰ Хроника // ЖС. 1908. Вып. III. С. 402–403.
- ⁵¹ См. Российский этнографический музей... С. 180–199.
- ⁵² Сибирские и дальневосточные коллекции Этнографического Отдела Музея Императора Александра III // ЖС. 1908. Вып. III. Хроника. С. 399–401.
- ⁵³ Российский этнографический музей... С. 64–159.
- ⁵⁴ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 16; Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. (Поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС. 1905. Вып. III–IV. С. 272–288, 271.
- ⁵⁵ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 26.
- ⁵⁶ Хроника // ЖС. 1906. Вып. III. С. 71.
- ⁵⁷ Хроника // ЖС. 1908. Вып. IV. С. 528.
- ⁵⁸ Хроника // ЖС. 1906. Вып. IV. С. 84. См. также: Федорова И.С. И.К. Зеленов и его коллекции в собрании Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность... С. 84–89.

-
- ⁵⁹ Хроника // ЖС. 1906. Вып. II. С. 45–46.
- ⁶⁰ Хроника // ЖС. 1906. Вып. III. С. 70–71.
- ⁶¹ Хроника // ЖС. 1907. Вып. I. С. 9; Хроника // ЖС. 1907. Вып. III. С. 37.
- ⁶² Хроника // ЖС. 1908. Вып. II. С. 268.
- ⁶³ Критика и библиография // ЖС. 1913. Вып. I–II. С. 215.
- ⁶⁴ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III //ЖС. 1911. Вып. III–IV. С. 473–498.
- ⁶⁵ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 474.
- ⁶⁶ См. Протокол Первого (состоявшегося 30 января 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. СПб., 1901; Протокол Второго (состоявшегося 13 февраля 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. СПб., 1901.
- ⁶⁷ Отдельное мнение старшего этнографа Императорской Академии Наук Д.А. Клеменца, члена подкомиссии для выработки проекта разделения Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. На правах рукописи. СПб., 1901.
- ⁶⁸ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–11: Ламанский В.И. Русский этнографический отдел музея Императора Александра III. 1898.
- ⁶⁹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи... С. 136–140; Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга... С. 22–27.
- ⁷⁰ Конаков А.П. Д.А. Клеменц – основатель Этнографического отдела Русского музея // ОИРЭФА. Вып. IV. М., 1968. С. 45–61.
- ⁷¹ Программа для собирания этнографических предметов. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III. СПб., 1902. 2-е изд. – 1903; 3-е изд. – 1904.
- ⁷² Ивановская Н.И. Из истории собирательских программ по этнографии... С. 89; Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга... С. 22–26.
- ⁷³ Российский этнографический музей... С. 13.
- ⁷⁴ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 475.
- ⁷⁵ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 488–489.

-
- ⁷⁶ Российский этнографический музей... С. 57.
- ⁷⁷ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 495.
- ⁷⁸ Материалы по этнографии России. СПб. – Пг. – Л. Т. 1 – 1910. Т. 2 – 1914. Т. 3. Вып. 1 – 1926, вып. 2 – 1927. Т. 4. Вып. 1 – 1927, вып. 2 – 1929.
- ⁷⁹ Отчеты Этнографического отдела Русского музея см. в Отчетах о деятельности Русского музея Императора Александра III. СПб., 1900 и след.
- ⁸⁰ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 496–497.
- ⁸¹ Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея... С. 498.
- ⁸² АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.
- ⁸³ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти... С. 10.
- ⁸⁴ Хроника // ЖС. 1906. Вып. IV. С. 85.
- ⁸⁵ Хроника // ЖС. 1906. Вып. II. С. 48.
- ⁸⁶ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 27; Хроника // ЖС. 1908. Вып. III. С. 401.
- ⁸⁷ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи... С. 129–132; Токарев С.А. История русской этнографии... С. 374–383.
- ⁸⁸ Хроника // ЖС. 1908. Вып. I. С. 138.
- ⁸⁹ Вернадский В.И. Академия наук в 1906 году // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 123.
- ⁹⁰ ЖС. 1909. Вып. II–III. С. XXXI.
- ⁹¹ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого // ЖС. 1911. Вып. III–IV. С. 453–472.
- ⁹² Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. СПб., 1906 и след.
- ⁹³ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 457.
- ⁹⁴ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 459.
- ⁹⁵ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 460–461.
- ⁹⁶ Станюкович Т.В. Принципы и приемы экспозиции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. (Исторический очерк) // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972. С. 48–51.
- ⁹⁷ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 470.
- ⁹⁸ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 470–472.

-
- ⁹⁹ Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии... С. 460.
- ¹⁰⁰ О МАЭ см.: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914. Ч. 1. Пг., 1917. С. 241–307.
- ¹⁰¹ Хроника // ЖС. 1906. Вып. III. С. 68.
- ¹⁰² Об истории этнографических коллекций Политехнического музея см. в 1 главе настоящей книги.
- ¹⁰³ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 23–26.
- ¹⁰⁴ Штернберг Л.Я. В.Ф. Миллер, как этнограф. (Речь на заседании, посвященном его памяти, в Этнографическом Отделении И. Р. Географического Общества) // ЖС. 1913. Вып. III–IV. С. 417–425.
- ¹⁰⁵ Штернберг Л.Я. В.Ф. Миллер, как этнограф... С. 424–425.
- ¹⁰⁶ Вопросы и ответы // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 234–235.
- ¹⁰⁷ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 366.
- ¹⁰⁸ Иваницкий Н.А. Письмо из Кадникова (Волог. губ.) // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 193–195.
- ¹⁰⁹ Полностью письмо Н.А. Иваницкого к В.И. Ламанскому см.: ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–3.
- ¹¹⁰ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 636. Л. 2–3; Иваницкий Н.А. Письмо из Кадникова... С. 194–195.
- ¹¹¹ Письмо К.Б. Газенвинкеля к В.И. Ламанскому см.: ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 388. Л. 1–2.
- ¹¹² Газенвинкель К.Б. О музее в Тобольске // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 195–196.
- ¹¹³ Из Подольской губернии // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 196.
- ¹¹⁴ [От редакции] // ЖС. 1890–91. Вып. III. С. 196–198.
- ¹¹⁵ Н. В. Минусинский Публичный Местный Музей // ЖС. 1890–91. Вып. IV. С. 226–228; Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 23; Хроника // ЖС. 1908. Вып. III. С. 401.
- ¹¹⁶ ЖС. 1890–91. Вып. IV. С. 227–228.
- ¹¹⁷ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 23.
- ¹¹⁸ Хроника // ЖС. 1906. Вып. II. С. 44.
- ¹¹⁹ Хроника // ЖС. 1908. Вып. IV. С. 505–506.
- ¹²⁰ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 20.
- ¹²¹ Библиография // ЖС. 1907. Вып. III. С. 40–41.
- ¹²² Хроника // ЖС. 1908. Вып. III. С. 401–402.
- ¹²³ Критика и библиография // ЖС. 1916. Вып. I. С. 46.
- ¹²⁴ Критика и библиография // ЖС. 1916. Вып. I. С. 39–40.
- ¹²⁵ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 380–381.
- ¹²⁶ Хроника // ЖС. 1908. Вып. II. С. 269.

-
- ¹²⁷ Хроника // ЖС. 1906. Вып. I. С. 26–27.
- ¹²⁸ Критика и библиография // ЖС. 1895. Вып. II. С. 237; Критика и библиография // ЖС. 1896. Вып. I. С. 131–132.
- ¹²⁹ Хроника // ЖС. 1906. Вып. II. С. 46–47.
- ¹³⁰ Хроника // ЖС. 1906. Вып. IV. С. 83–84.
- ¹³¹ Библиография // ЖС. 1909. Вып. I. С. 101.
- ¹³² РМЭ. С. 579.
- ¹³³ Хроника // ЖС. 1908. Вып. III. С. 402.
- ¹³⁴ Хроника // ЖС. 1906. Вып. III. С. 68–69.
- ¹³⁵ Библиография // ЖС. 1907. Вып. III. С. 40.
- ¹³⁶ Абрамов И.С. Городецкий музей, Волынской губернии, бар. Ф.Р. Штейнгель // ЖС. 1906. Вып. IV. С. 249–254.
- ¹³⁷ Абрамов И.С. Городецкий музей... С. 252.
- ¹³⁸ Хроника // ЖС. 1907. Вып. II. С. 23–24.
- ¹³⁹ Хроника // ЖС. 1906. Вып. III. С. 69.
- ¹⁴⁰ Хроника // ЖС. 1907. Вып. IV. С. 54–55. Ср. материалы «Этнографического обозрения» по проблеме этнографического изучения кустарных промыслов в 1-й главе настоящей работы.
- ¹⁴¹ Хроника // ЖС. 1907. Вып. IV. С. 55; см. также Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии... С. 278.
- ¹⁴² Хроника // ЖС. 1907. Вып. II. С. 23.
- ¹⁴³ Хроника // ЖС. 1906. Вып. II. С. 46.
- ¹⁴⁴ Могилянский Н.М. Федор Михайлович Плюшкин // ЖС. 1911. Вып. II. С. 295.
- ¹⁴⁵ Банников А.П. Судьба одной коллекции // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 58.
- ¹⁴⁶ Могилянский Н.М. Федор Михайлович Плюшкин... С. 296.
- ¹⁴⁷ Антилова Р.Н. Судьба коллекции Ф.М. Плюшкина // Совсем не тот Плюшкин. Псков, 2003. С. 60.
- ¹⁴⁸ Вести за месяц // СГ. 1913. Октябрь. С. 49–50.
- ¹⁴⁹ П. В. [Вейнер П.П.] К продаже Плюшкинского собрания // СГ. 1912. Октябрь. С. 34.
- ¹⁵⁰ Врангель Н.Н. Продажа собрания Деларова // СГ. 1913. Ноябрь. С. 47.
- ¹⁵¹ Хроника // ЭО. 1908. № 1–2. С. 224–225.
- ¹⁵² Хроника // ЖС. 1908. Вып. II. С. 269–270.
- ¹⁵³ РМЭ. С. 139.
- ¹⁵⁴ Программа для описания этнографических музеев России // ЖС. 1913. Вып. I–II. С. 136.

-
- ¹⁵⁵ Журналы заседаний... // ЖС. 1913. Вып. III–IV. С. XLI–XLII.
- ¹⁵⁶ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи... С. 6.
- ¹⁵⁷ Моллесон М. Троицкосавско-Кяхтинский Музей // ЖС. 1913. Вып. III–IV. С. 371–377.
- ¹⁵⁸ Могилянский Н.М. Музей украинских древностей В.В. Тарновского Черниговского Губернского Земства // ЖС. 1914. Вып. III–IV. С. 395–408. Статья датирована январем 1915 г.
- ¹⁵⁹ Могилянский Н.М. Областной или местный музей, как тип культурного учреждения // ЖС. 1916. Вып. IV. С. 303–326.
- ¹⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 283. Л. 5.
- ¹⁶¹ ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 283. Л. 6 об.
- ¹⁶² ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 283. Л. 4, 8, 9.
- ¹⁶³ Могилянский Н.М. Областной или местный музей... С. 306–307.
- ¹⁶⁴ См. Байбурина А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология... С. 81–86.
- ¹⁶⁵ Могилянский Н.М. Областной или местный музей... С. 319.
- ¹⁶⁶ Могилянский Н.М. Областной или местный музей... С. 319–326.
- ¹⁶⁷ Могилянский Н.М. Областной или местный музей... С. 311.
- ¹⁶⁸ Предварительный съезд по устройству Первого Всероссийского съезда деятелей музеев. М., 1913. С. 20; Разгон А.М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. Ч. II. М., 1991. С. 5–26.
- ¹⁶⁹ Разгон А.М. Предварительный музейный съезд... С. 14.
- ¹⁷⁰ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
- ¹⁷¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 6; Предварительный съезд... С. 21.
- ¹⁷² См. Зорин Н.В. Профессор Бруно Фридрихович Адлер как музеец... С. 192–194.
- ¹⁷³ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1133. Л. 19–20: письмо Э.К. Пекарского А.А. Шахматову от 10 февраля 1915 г., Петроград.
- ¹⁷⁴ Журналы заседаний... // ЖС. 1916. Вып. I. С. 15.
- ¹⁷⁵ Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества... С. 28.
- ¹⁷⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 29–31.
- ¹⁷⁷ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи...
- ¹⁷⁸ [Анучин Д.Н.] Немецкая Центрально-африканская экспедиция герцога Ад. Фридриха Мекленбургского и исследования Я.В. Чекановского // Землеведение. 1910. Кн. 1. С. 53–60; Я.В. Чекановский и немецкая центрально-африканская экспедиция //

ЭО. 1909. № 4. С. 158–164; Отчет по Отделению этнографии И. Р. Г. О. за 1910 г. // ЖС. 1910. Вып. IV. Хроника. С. 356; Журналы заседаний... // ЖС. 1911. Вып. III–IV. С. XXX–XLIV.

¹⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 639.

¹⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 268.

¹⁸¹ ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 268. Л. 7–8.

¹⁸² Материалы для истории академических учреждений... С. 255, 272–273; Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии... за 1910 г. СПб., 1911. С. 1; Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии... за 1911 г. СПб., 1912. С. 1; *Гоцко Г.Н. История отдела Африки МАЭ // СМАЭ*. Т. XXXV. Л., 1980. С. 192.

¹⁸³ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Африка. Сост. Я.В. Чекановский. С планом размещения коллекций и двумя картами. СПб., 1912.

¹⁸⁴ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этаж II. Зал 3. Африка. Сост. Я.В. Чекановский. С планом размещения коллекций и двумя картами. 2-ое пересмотренное и дополненное издание. Пг., 1918.

¹⁸⁵ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии... за 1913 г. СПб., 1914. С. 10–12; *Гоцко Г.Н. История отдела Африки... С. 192.*

¹⁸⁶ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии... за 1913 г. СПб., 1914. С. 1.

¹⁸⁷ Czekanowski J. Forschungen im Nil-Kongo-Zwischengebiet. Bd. 1–5. Leipzig, 1911–1927; Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии... за 1911 г. СПб., 1912. С. 26.

¹⁸⁸ См. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 134–169; Марков Г.Е. Немецкая этнология. М., 2004. С. 49–89.

¹⁸⁹ Подробнее см.: Турьинская Х.М. Из истории африканистики и музеиного дела: этнограф и антрополог Ян Чекановский // Сб. докладов IV Школы молодых африканистов "Африка и современный мир". Москва, Институт Африки РАН. 23–25 ноября 2005 г. (в печати).

¹⁹⁰ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–17: Волков Ф.К. Сведения об устройстве и организации этнографических музеев.

¹⁹¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–17: Волков Ф.К. Сведения об устройстве...

¹⁹² АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 41–59: Отчет хранителя Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III

Н.М. Моги-лянского о его поездке в Швецию, Норвегию и Данию для ознакомления с музеями Северной Европы...

¹⁹³ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Отчет хранителя Этнографического Отдела... Л. 51, 54.

¹⁹⁴ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–53: *Миллер А.А.* Очерки по технике музейного дела. I. Музейная мебель и ее оборудование.

¹⁹⁵ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. *Миллер А.А.* Очерки по технике музейного дела... Л. 6–7.

¹⁹⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. *Миллер А.А.* Очерки по технике музейного дела... Л. 7–10.

¹⁹⁷ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 59–59 об.

¹⁹⁸ Савченков И. Старое и новое в народном убранстве и одежде // ЖС. 1890–1891. Вып. I. С. 103–114.

¹⁹⁹ Островских П.Е. Этнографические заметки о Тюрках Минусинского края. (Отчет о поездке 1894 г.) // ЖС. 1895. Вып. III–IV. С. 297, 328.

²⁰⁰ Шустиков А.А. Тавренъга Вельского уезда. Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. III–IV. С. 360.

²⁰¹ Мошков В.А. Труба в народных верованиях // ЖС. 1900. Вып. III. С. 316–318.

²⁰² Святский Д.О. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний // ЖС. 1910. Вып. I–II. С. III–IV.

²⁰³ Абрамов И.С. О курских саянах // ЖС. 1906. Вып. III. С. 203–218; Он же. Старообрядцы на Ветке // ЖС. 1907. Вып. III. С. 115.

²⁰⁴ ЖС. 1890–1891. Вып. I. С. XLVII–LII.

²⁰⁵ ЖС. 1902. Вып. I. С. 102–112.

²⁰⁶ Макаренко А.А. Опыт программы для собирания сведений о народном «кряшенье» и его организации // ЖС. 1909. Вып. IV. С. 55–65.

²⁰⁷ Воробьев Н.И. Программа для собирания народных музыкальных инструментов // ЖС. 1911. Вып. II. С. 293–294.

²⁰⁸ Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России // ЖС. 1914. Вып. I–II. С. 193.

²⁰⁹ Золотарев Д.А. Обзор деятельности Постоянной Комиссии по составлению этнографических карт России при И. Р. Г. Обществе // ЖС. 1916. Вып. I. С. XVII.

²¹⁰ Анкетные вопросы... С. 194; Золотарев Д.А. Обзор деятельности... С. XVI.

²¹¹ Труд Д.К. Зеленина опубликован в «Записках ИРГО по Отделению этнографии». Т. XL. Вып. 1. СПб., 1913.

²¹² Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья, как материал для этнографии // ЖС. 1905. Вып. I–II. С. 57–76; *Он же.* «Обыденные» полотенца и обыденные храмы. (Русские народные обычай) // ЖС. 1911. Вып. I. С. 1–20; *Он же.* Обрядовое празднество совершенномлетия девицы у русских // ЖС. 1911. Вып. II. С. 233–246; *Он же.* Русские народные обряды со старой обувью // ЖС. 1913. Вып. I–II. С. 1–16.

²¹³ Вып. 1–3. Пг., 1914–1916.

²¹⁴ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 406–409.

²¹⁵ Критика и библиография // ЖС. 1911. Вып. III–IV. С. 504.

²¹⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 13 об.–14.

²¹⁷ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии // ЖС. 1916. Вып. I. С. 1–22; Журнал заседания Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 4 марта 1916 года // ЖС. 1916. Вып. II–III. С. 1–11.

²¹⁸ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии... С. 1. Текст доклада/статьи датирован декабрем 1915 г.

²¹⁹ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии... С. 8.

²²⁰ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии... С. 12.

²²¹ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии... С. 21. Более подробно по вопросу об университетских кафедрах Н.М. Могилянский высказался в письме к помощнику председателя Отделения этно-графии ИРГО акад. А.А. Шахматову от 15 марта 1916 г.: ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 998. Л. 7–8.

²²² Журнал заседания Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 4 марта 1916 года // ЖС. 1916. Вып. II–III. С. 2–11.

²²³ См. также Соловей Т.Д. Власть и наука в России. М., 2004. С. 150–153.

²²⁴ XII-ый Съезд Естествоиспытателей и Подсекция Этнографии // ЭО. 1909. № 1. С. 126–128; Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Занятия подсекции этнографии // ЖС. 1910. Вып. I–II. С. 176–181; Максимов А.Н. Современное положение этнографии и ее успехи // ЭО. 1909. № 4. С. 9–24; Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 1–8; Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей... С. 13–18; Богданов В.В. Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 23–24, 29, 31–32; Золотарев Д.А. Обзор деятельности... С. XI–XXI; Хроника // ЭО. 1916. № 1–2. С. 149–156.

-
- ²²⁵ XII-ый Съезд Естествоиспытателей... С. 127–128.
- ²²⁶ Токарев С.А. История русской этнографии... С. 435.
- ²²⁷ Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей... С. 176. Ср.: Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 1–8; Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей.... С. 13–18.
- ²²⁸ Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей... С. 176–177.
- ²²⁹ Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей...
- ²³⁰ Миллер В.Ф. Вступительное слово... С. 1–8.
- ²³¹ Максимов А.Н. Современное положение этнографии... С. 9–24.
- ²³² Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей... С. 179.
- ²³³ Максимов А.Н. Современное положение этнографии... С. 18–24.
- ²³⁴ Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей... С. 180.
- ²³⁵ Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // ЭО. 2003. № 5. С. 24.
- ²³⁶ Бартольд В.В. XII съезд русских естествоиспытателей... С. 181.
- ²³⁷ Журнал заседания Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 20 мая 1916 года // ЖС. 1916. Вып. IV. С. 2.
- ²³⁸ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию... С. 134.
- ²³⁹ Хроника // ЭО. 1903. № 3. С. 202.
- ²⁴⁰ Иохельсон В.И. Белокурые эскимосы и новая экспедиция на полярный север канадских владений // ЭО. 1913. № 1–2. С. 140.
- ²⁴¹ Богданов В.В. Вс.Ф. Миллер как председатель... С. 29.
- ²⁴² Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей... С. 55; Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России... С. 54–56.
- ²⁴³ Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии... С. 26.
- ²⁴⁴ Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии... С. 24.
- ²⁴⁵ Золотарев Д.А. Обзор деятельности... С. XXI.
- ²⁴⁶ Хроника. Вл. Б. Составление этнографических карт России // ЭО. 1916. № 1–2. С. 151.
- ²⁴⁷ Подробно о музееведческих материалах «СГ» см.: Туринская Х.М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001; Она же. Штрихи к портрету музейного радетеля. По материалам журналов «Живая старина» (1890–1916) и «Старые годы» (1907–1916) // Этножурнал (www.ethnonet.ru). 2004. № 7; Зверева Ю.И., Туринская Х.М. Из истории музейного дела в России...

²⁴⁸ Витухновская М.А. Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы»... С. 78–82; Минкина Е.В. Особняк Вейнеров. СПб., 1997; *Она же*. П.П. Вейнер – музейный работник... С. 25–31.

²⁴⁹ Зверева Ю.И., Турьинская Х.М. Из истории музейного дела в России... С. 43.

²⁵⁰ Шмидт Д.А. Дар В.П. Зурова в Эрмитаж // СГ. 1916. Март. С. 24.

²⁵¹ А. Р. О Тенишевском музее // СГ. 1911. Июль – сентябрь. С. 202–203; Стрижова Н.Б. Тенишева Мария Клавдиевна // РМЭ. С. 645–646.

²⁵² Грабарь И.Э. Отчет Румянцевского музея за 1910 год // СГ. 1911. Июль – сентябрь. С. 199.

²⁵³ Врангель Н.Н. Ближайшие задачи Русского музея императора Александра III // СГ. 1910. Январь. С. 41.

²⁵⁴ Грабарь И.Э. Отчет Румянцевского музея за 1910 год... С. 199.

²⁵⁵ Ростиславов А.А. Музейная культура // СГ. 1915. Октябрь. С. 48–50.

²⁵⁶ Грабарь И.Э. Отчет Румянцевского музея за 1910 год... С. 200.

²⁵⁷ Вести за месяц // СГ. 1913. Октябрь. С. 49.

²⁵⁸ РМЭ. С. 389, 400.

Заключение

Весь объем проанализированного в работе материала подтвердил представление о том, что научная этнографическая периодическая печать является одним из основных источников по истории этнографического музейного дела и музееведения в России в конце XIX – начале XX в. В публикациях «Этнографического обозрения» и «Живой старины» российские ученые показали неразрывную взаимную связь развития науки и музеев. Присутствие на страницах научных журналов большого количества музееведческих материалов объяснялось важной ролью, которую играли наука в музее и музей в науке. По убеждению ученых, только научно организованный этнографический музей мог стать подлинной источниковой базой для этнографической науки и служить просветительным учреждением.

В этнографической периодике отразились выявленные и сформулированные учеными основные проблемы науки, музейного дела и их взаимосвязи. В конце XIX – начале XX в. значительное развитие получили представления о сущности музея, его месте в культуре и науке. Российскими учеными и музейными деятелями разрабатывались вопросы формирования научной концепции собирательской, хранительской, исследовательской, экспозиционной, издательской, просветительской работы этнографического музея. Справедливым представляется вывод о том, что в обозначенный период эти проблемы и опыт их решения воспринимались как актуальные составляющие общего культурного развития страны.

Источники отразили растущую значимость, которая представителями научного и музейного сообщества придавалась кадрам этнографов и музейных работников, их статусу и профессиональной подготовке, что было определено потребностями развития науки и музейного дела.

Разрабатывались проблемы профиля, состава отделов, статуса, бюджета музеев. Непременным условием функционирования музея было признано соблюдение принципов музейной техники. Предъявлялись новые требования к внутренней организации музейной работы. Обращалось внимание на необходимость специального музейного здания, соответствующего оборудования помещений. Сознавая познавательное и практическое значение этнографических исследований, ученые и музейные деятели увязывали возможность решения ряда научных проблем и общественных задач с научной постановкой музейной работы, с дальнейшим развитием «вещественной этнографии». Все это показывает, что музейное дело в России в изучаемый период вышло на более высокий уровень развития.

Практическая работа музеев строилась с учетом разработок в области музееведения, сформулированных отечественными деятелями науки и культуры. В конце XIX – начале XX в. на основе накопленного опыта разрабатывалась музейная теория, музееведение формировалось как самостоятельное научное направление и как научная дисциплина. Музееведческая периодика в России, как и за рубежом, играла важную роль в развитии музееведения, являясь отражением осмыслиения теории и практики музейного дела. Знакомство с опытом зарубежных музеев и музееведческими идеями, формировавшимися на Западе, оказывало большое влияние на взгляды и деятельность музейных специалистов в нашей стране.

В этнографических журналах «ЭО» и «ЖС» получили отражение представления отечественных ученых о степени систематичности музейных собраний, принципах отбора и приобретения предметов в музей, важности целенаправленного, а не случайного пополнения музейных фондов. Важной вехой развития этнографической науки в конце XIX – начале XX в. стали разработка, публикация и использование программ по

изучению различных сторон народной культуры и собиранию предметов для музейных коллекций. Особое внимание обращалось на необходимость организации специальных экспедиций для музейных сборов, и в ходе полевой работы – фиксации возможно более полных сведений о поступающих в музей этнографических предметах, понимаемых как научные документы.

В публикациях журналов проводилась мысль о необходимости непрерывного сбора материалов, отражающих «живую старину» в среде крестьянства, являвшегося для этнографов одним из основных объектов изучения¹. Сохраняя интерес к архаике, к вещам старинным, самобытным, редким, экзотичным, обладающим высокой художественной ценностью, этнографы вместе с тем уделяли внимание собиранию и изучению предметов характерных, типичных, представляющих культуру народа в динамике, отражающих не только прошлое, но и современность, характеризующих повседневный быт, хозяйство, социальные различия в среде изучаемого народа на данном этапе, который в свою очередь через определенное время станет для науки и музея историей. Историографические источники 1890–1920-х годов показывают процесс осознания этнографами в этот период неотложной необходимости собирать не только исчезающий этнографический материал уходящего прошлого, что составляло предмет исторической этнографии, но и материал, даваемый современностью².

В научном собирании и изучении предметов материальной культуры отечественных и зарубежных народов ученыe видели возможность и пути решения многих проблем этнографии. Новым важным научным достижением, определившим целый раздел в этнологии и музейной практике, явилось представление этнографов и музейных деятелей о том, что этнографический предмет – явление не только материальной, но и духовной сферы культуры народа. Сбор и классификация культовых предметов, их научное описание и исследование

заложили основу для более широкого изучения духовной культуры на материале этнографических памятников. В дальнейшем изучение духовного мира народов сформировалось в целостное направление в этнологии, подкрепляемое комплектованием соответствующих коллекций в этнографических музеях.

Уже в трудах этнографов и музееведов конца XIX – начала XX в. прослеживается тенденция к осознанию этнографических предметов не только в их практических, но и знаковых функциях. Вопросы комплектования, научного описания, интерпретации, научного использования коллекций этнографических музеев актуальны и в наши дни. Среди важных проблем, обсуждавшихся и на рубеже XIX – XX вв., и в настоящее время, – принципы сбора коллекций по традиционной этнографии и этнографического изучения современности³.

В «ЭО» и «ЖС» затронуты проблемы взаимодействия науки, музеев и общества, роли личности в науке и музейном деле, взаимоотношений интеллигенции и народа в социокультурном плане. Этнографические журналы служили связующими звенями между этнографическими музеями и музейными деятелями центра и провинции, между научными обществами и научной общественностью регионов; их публикации имели методическое значение. В деятельности редакторов, сотрудников, авторов этнографических журналов сочеталась научная, музейная, организационная, собирательская, просветительная, преподавательская и общественная работа.

Источники свидетельствуют о значительном вкладе, который внесли в российскую этнографическую науку и музейное дело конца XIX – начале XX в. такие ученые, как В.Ф. Миллер, Д.Н. Анучин, Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, Н.М. Могилянский, Л.Я. Штернберг, В.И. Ламанский, С.Ф. Ольденбург, Н.Н. Хару-зин, В.Н. Харузина,

А.А. Шахматов, А.Н. Максимов, Н.А. Ян-чук, В.В. Богданов, А.А. Макаренко, А.А. Миллер, Д.А. Золота-рев, Д.К. Зеленин, Б.Ф. Адлер и другие. Личности ученых, живших и действовавших в сложной, противоречивой исторической обстановке, имевших различные социально-психологические установки, на которые оказывали воздействие происхождение, воспитание, образование, с позиций сегодняшнего дня не могут оцениваться нами однозначно. Этих людей, придерживавшихся подчас разных научных и общественно-политических взглядов, объединяла преданность своей стране и науке. Отечественная этнография последующих лет опиралась на гуманистическое, демократическое наследие, прогрессивные идеи деятелей дореволюционной этнографической науки⁴.

Изученные материалы показывают, что этнографические музеи Петербурга и Москвы развивались в научные учреждения, музееведческие центры. Значение собранных в них коллекций по культуре народов России и мира, их научной и популяризаторской деятельности, их роль в развитии этнографии, музейного дела, просвещения и образования трудно переоценить. Центрами научной и музееведческой мысли становились также ученые общества (ИРГО, ИОЛЕАЭ) и периодические издания («ЭО», «ЖС», «СГ»). Работа этих центров в значительной мере приобрела всероссийский масштаб. Этнографическую деятельность вели местные музеи России. Страницы профессиональных журналов явились местом обсуждения проблем науки и музеев в связи с состоянием общества в конце XIX – начале XX в. В среде ученых и музейных деятелей сформировалось понимание достижений и проблем науки и музеев в нашей стране с учетом российских реалий и в сравнении с зарубежными примерами.

Источники данного исследования – научная периодическая этнографическая печать, другие публикации, архивные документы, материалы по истории и современному состоянию этнографических музеев дают возможность охватить в целом

процесс становления музейного дела в сфере этнографии в России за определенный период. Яркое культурное явление, музейное дело конца XIX – начала XX в. стало отражением исторических процессов в нашей стране. Музеи и научные общества привлекали и объединяли культурные силы, являлись источниками, несущими знания в широкие круги населения, становились центрами изучения края, создавали атмосферу общественного подъема, способствовали формированию научного и музейного сообщества.

Представленные материалы отражают трудный, но объективный процесс становления музейного дела как общекультурного явления, путь формирования музея как социокультурного организма. Музейное дело воспитывало и направляло в общественные сферы деятельности ученых и деятелей культуры, поднимая тем самым общий культурный уровень России. Научных и музейных деятелей объединяло чувство ответственности перед страной и обществом, беспокойство за судьбу отечественного культурного наследия, стремление сохранить памятники народного быта, изучать разнообразие культур народов мира, использовать научные знания в интересах просвещения народа и развития России. Ученые были убеждены, что, словами В.И. Вернадского, «спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания»⁵.

Проблема сохранения культурного наследия и развития науки и просвещения оставалась актуальной и обсуждалась российскими учеными и музееведами и в последующие годы. Период первой мировой войны, революций февраля и октября 1917 г., гражданской войны стали временем тяжелых испытаний для России, ее культуры и науки. Многие научные и музейные начинания были прерваны. Прекратилось издание «ЭО», «ЖС», «СГ». С приостановкой издательской деятельности научных обществ замер главный нерв их жизни.

Как показывают источники, московские этнографы и музееведы стремились к возобновлению «Этнографического обозрения»⁶, петроградские – к продолжению «Живой старины»⁷.

Все российское научное сообщество нуждалось в этнографическом журнале, делало все для возрождения музейной работы, оживления научной деятельности. В.В. Богданов образно описывал тяжелое для судьбы науки время: «В 1918 и 19 годах Общество (ОЛЕАЭ. – Х.Т.), его члены сидели в холодных закоулках, без света и пищи, избегая передвижений по улицам. В 1920 году было довольно плохо. В 1921 году кое-что делалось, но немного. В 1922-м году уже забили прежние ключи жизни и началось сильное пробуждение. 1923-й год мы пережили в том же поступательном направлении»⁸. Действительно, с начала 1920-х годов в науке и музейном деле наметились положительные сдвиги.

Вообще, наблюдалась преемственность, и, вместе с тем, происходили качественные изменения в науке и музейном деле на протяжении 1910–1920-х годов. После установления советской власти изменились условия функционирования науки и музеев. Основная масса работников науки и культуры продолжила свою деятельность, в 1920-е годы был воплощен ряд про-ектов, о которых говорилось в дооктябрьский период, получила развитие разработка теоретических вопросов этнографии и музейного дела и их применение в условиях нового исторического этапа в жизни страны.

Так, В.В. Богданов с конца 1910-х годов продолжит начатую им уже на страницах «ЭО» выработку концепции научной организации этнографического и краеведческого музеев, о чем свидетельствуют и историографические источники послеоктябрьского времени. Теоретические и практические принципы, выработанные В.В. Богдановым, найдут выражение в его этнографической научной⁹, музейной и музееведческой¹⁰, преподавательской¹¹ и общественной деятельности, а также в истории Центрального музея

народоведения¹², музея Центрально-про-мышленной области (Московского областного музея)¹³ и в других связанных с его именем начинаниях в 1920–30-х годов.

В начале 1920-х годов он выражал убеждение, что наука должна давать знания и давать их всем¹⁴, что музей только будучи учреждением научным, хранилищем научно-достоверных бытовых документов, может дать ясный и точный ответ об истории и содержании народного быта, представляемого в его коллекциях; экспозиция музея должна быть доступна пониманию не только специалистов, но и широкой публики¹⁵. Эти идеи вытекали из опыта русских этнографов-музеееведов, выработанного в теории и на практике в предшествующие годы.

В 1924 г. Москве был открыт самостоятельный этнографический музей – Центральный музей народоведения, проект которого разрабатывался и претворялся в жизнь, в частности, В.В. Богдановым. Долгожданное открытие Этнографического отдела Русского музея (1923) Н.М. Могилянский назвал «великим торжеством науки и музеологии»¹⁶. Развивалась деятельность Музея антропологии и этнографии, ставшего «подлинным исследовательским Институтом Этнографии»¹⁷. В середине 1920-х годов в музее был организован Отдел эволюции и типологии культуры, необходимость создания которого отстаивал Л.Я. Штернберг.

Ширисось краеведческое движение в стране, росло число музеев, проходили конференции, совещания, съезды музееведов, краеведов, этнографов, возобновилось издание этнографических периодических изданий, появились специализированные музееведческие и краеведческие журналы, объединявшие представителей научного и музейного сообщества в масштабах страны. Обсуждались вопросы организации и работы краеведческих музеев (музеев местного края), определялась их комплексная структура, включавшая

отделы, характеризующие природу, историю, экономику, культуру и быт населения края.

В 1919 г. состоялась первая Всероссийская конференция по делам музеев, на которой была намечена программа развития музеев как культурных центров, опирающихся в работе на научные исследования и широко открытых массам. Был обозначен путь реализации идей, зародившихся в музееведческой среде в дореволюционные годы и обсуждавшихся на Предварительном съезде музейных деятелей¹⁸. В Казани с 1920 г. издавался первый в России специально-музееоведческий журнал «Казанский музейный вестник»¹⁹, в котором затрагивались проблемы этнографических музеев²⁰. Вопросам теории и практики музейного дела был посвящен также журнал «Музей», выходивший в Петрограде – Ленинграде в 1923–24 гг.²¹ В краеведческой периодике (журналы «Краеведение», «Известия Центрального бюро краеведения») находила отражение работа центральных и местных музеев, их этнографическая деятельность²². С 1926 г. начал выходить общесоюзный журнал «Этнография»²³, в котором значительное место занимали публикации, посвященные музеям, научным организациям и учреждениям²⁴. В 1930 г. прошел первый Всероссийский музейный съезд.

Новая эпоха – и появление в начале 1930-х годов журналов «Советская этнография», «Советское краеведение», «Советский музей». В постсоветский период выходят «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Мир музея», «Антропологический форум» и другие издания. В научной периодической печати сохраняется традиция освещения этнографической музейной деятельности в России и за рубежом. Этнографов-музееоведов продолжают волновать вопросы сохранения культурного наследия, изучения культур народов России и зарубежных стран, развития этнографической науки и этнографического музейного дела.

¹ Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Основные направления развития советской этнографии... С. 11.

² Виноградов Г.С. Этнография и современность [статья, перепечатанная из журнала «Сибирская живая старина». 1923. Вып. III] // ЭО. 1993. № 1. С. 129, 139.

³ Станюкович Т.В., Чистов К.В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических... С. 24–36; Дмитриев В.А., Калашникова Н.М. Комплектование – основополагающее направление деятельности Российского этнографического музея... С. 63–64; Ушаков Н.В. Полевой этнографический источник по современности... С. 155–158.

⁴ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография... С. 197.

⁵ Вернадский В.И. Перед грозой [1908 г.] // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 169.

⁶ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 113. Д. 3: Богданов В.В. Отчет о деятельности ОЛЕАЭ за 1920–1921 академический год. Л. 6.

⁷ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 652. Л. 240.

⁸ Богданов В.В. Отчет о деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1921/22–1923/24 годы, 59-й, 60-й и 61 годы с основания Общества. М., 1925. С. 52.

⁹ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 55. Д. 2: Богданов В.В. Общие руководящие замечания для этнолога-собирателя. 1921 г.; Папка 55. Д. 3: Богданов В.В. Краткие руководящие указания для собирания этнографических предметов и записей; Папка 55. Д. 4; Папка 55. Д. 5: Богданов В.В. Руководящие очерки для собирания материалов и коллекций по этнологии; Папка 55. Д. 14: Богданов В.В. Основы краеведения. 1924 г.; Папка 55. Д. 18: Богданов В.В. Дневник и записи этнолога-собирателя. 1921 г. См. также: Турьинская Х.М. Этнография как образ жизни В.В. Богданова // VII конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 411.

¹⁰ Богданов В.В. Музейная техника краеведения. Вологда, 1923; Он же. Научные общества и музеи в их взаимоотношениях // Дневник 2-й всесоюзной конференции по краеведению. М., 1924. № 2; Он же. Научные парки при областных музеях // Вопросы областного музейного дела. Рязань, 1925; НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 54. Д. 4: Богданов В.В. Музейная техника. Ок. 1927 г.; Папка 54. Д. 5: Богданов В.В. Систематический музей как тип областного

музея; Папка 54. Д. 24: *Богданов В.В.* Организация областных музеев по этнографии; Папка 46. Д. 20: *Богданов В.В.* Записка о реконструкции центральных этнографических музеев в Москве и Ленинграде. 1948 г. См. также: *Турьинская Х.М.* Проблемы техники музейного дела и полевой работы этнолога в трудах В.В. Богданова // VII конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 419–420.

¹¹ См. материалы лекций В.В. Богданова по музееведению: НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 116. Д. 9. Л. 1–9, 25–51; Папка 55. Д. 17.

¹² НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 55. Д. 10: *Богданов В.В.* Проект организации Российского Этнографического Музея на основе коллекций Этнографического отдела Государственного Румянцевского Музея. 1921 г.; Папка 55. Д. 19: материалы к путеводителю по Этнографическому отделу Государственного Румянцевского музея; Папка 65. Д. 1: материалы по организации Российского (Московского) этнографического музея; Папка 71. Д. 3: материалы по истории Этнографического отдела Румянцевского музея; Папка 71. Д. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11: материалы по истории Центрального музея народоведения.

¹³ Материалы по истории Московского областного музея см.: НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 54. Д. 1, 2, 3, 6, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 25, 27, 28, 29, 30, 31; Папка 65. Д. 2.

¹⁴ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 71. Д. 3. Л. 41–43: *Богданов В.В.* Проект расширения и организации Отделения Иностранной Этнографии Государственного Румянцевского Музея. Л. 41.

¹⁵ НА ИЭА РАН. Фонд В.В. Богданова. Папка 94. Д. 9. Л. 5: *Богданов В.В.* Обстановочные залы и части зал в краевых музеях как очередная задача областного музееведения.

¹⁶ *Шангина И.И.* 90 лет Российскому этнографическому музею в Санкт-Петербурге // ЭО. 1993. № 1. С. 84.

¹⁷ *Штернберг Л.Я.* Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев... Стлб. 62.

¹⁸ *Кузина Г.А.* Первая Всероссийская конференция по делам музеев // РМЭ. С. 492.

¹⁹ *Синицына К.Р.* «Казанский музейный вестник». 1920–1924. Казань, 1963.

²⁰ Напр., *Анучин Д.Н.* К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 14–23.

²¹ См. *Ольденбург С.Ф.* Научная работа музеев // Музей. № 1. Пг., 1923. С. 13–17; *Руденко С.И.* Музей истории человечества // Музей. № 2. Л., 1924. С. 35–41.

²² Подробно см. *Турьинская Х.М.* Музейное дело в России...

²³ *Решетов А.М.* Журналу российских этнографов 75 лет... С. 28.

²⁴ См. *Этнография*. М. – Л. 1926. № 1–2 и след. Выходил до 1930 г. включительно.

Источники и литература

Публикации в журнале «Этнографическое обозрение» (Москва, 1889–1916)

Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // ЭО. 1889. № 1.
Анучин Д.Н. Памяти В.Ф. Миллера // ЭО. 1913. № 3–4.

Анучин Д.Н. Дмитрий Александрович Клеменц // ЭО. 1914.
№ 1–2. Хроника.

Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Харузин Н.Н. Этнография.
Лекции, читанные в Императорском Московском университете.
Вып. 1. СПб., 1901 // ЭО. 1902. № 1. Критика и библиография.

Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Кон Ф.Я. Исторический очерк
Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань,
1902 // ЭО. 1902. № 3. Критика и библиография.

Богданов В.В. Выделение этнографии из Румянцевского
музея // ЭО. 1910. № 1–2.

Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Материалы по этнографии
России. Том 1. СПб., 1910 // ЭО. 1910. № 1–2. Критика и
библиография.

Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Foy W. Führer durch das Rautenstrauch-Joest-Museum (Museum für Völkerkunde) der Stadt
Cöln. Cöln, 1910 // ЭО. 1910. № 3–4. Критика и библиография.

Вл. Богданов. Рец. на: Пигнатти В.Н. и другие. Изделия
остяков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция
Тобольского Губернского музея на первой Западно-Сибирской
Выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. (Ежегодник Тобольского
губернского музея, вып. XIX) // ЭО. 1911. № 3–4. Критика и
библиография.

Богданов В.В. Рец. на: Бартрам Н.Д., ред. Игрушка, ее
история и значение. М., 1912 // ЭО. 1912. № 1–2. Критика и
библиография.

Богданов В.В. К изучению игрушки. Программные заметки
// ЭО. 1912. № 1–2.

Вл. Б. [Богданов В.В.] Рец. на: Харузина Вера. Отчет о
летней поездке в Германию. Каталогизация, консервирование и
размещение коллекций в этнографических музеях. (Отт. из

Отчета Моск. Археолог. Института в 1910–1911 г.). М., 1912 // ЭО. 1912. № 1–2. Критика и библиография.

Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин. Ко дню 70-летия его рождения 27 августа 1913 г. // ЭО. 1913. № 1–2.

Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер как председатель Этнографического отдела // ЭО. 1913. № 3–4.

Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни // ЭО. 1913. № 3–4.

Богданов В.В. Из истории женского южно-великорусского костюма // ЭО. 1914. № 1–2.

Богданов В.В. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей // ЭО. 1916. № 1–2.

Данковская Р.С. Малороссийские обрядовые печенья Курской губернии // ЭО. 1909. № 1.

Данковская Р.С. «Кулик» и «лестничка» – обрядовые печенья Фатежского уезда // ЭО. 1909. № 2–3.

25-тилетие бессменного председательства в Этнографическом Отделе И. О. Л. Е., А. и Э. профессора Всеволода Федоровича Миллера // ЭО. 1907. № 1–2.

Елеонская Е.Н. Гончарное производство в г. Козельске // ЭО. 1908. № 3.

Елеонская Е.Н. Женский костюм пригородных деревень г. Козельска // ЭО. 1908. № 3.

Елеонская Е.Н. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // ЭО. 1912. № 1–2.

Иохельсон В.И. Белокурые эскимосы и новая экспедиция на полярный север канадских владений // ЭО. 1913. № 1–2.

Кедрина Р.Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. № 1–2.

К вопросу о переустройстве Берлинск. этнографического Музея // ЭО. 1904. № 3. Хроника.

Клетнова Е.Н. Записка о метах и знаках собственности Вяземского уезда // ЭО. 1916. № 1–2.

Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // ЭО. 1906. № 1–2; 1907. № 3.

Кузнецов С.К. Черемисская секта кугу-сорта // ЭО. 1908. № 4.

Линева Е.Э. Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губернии по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому // ЭО. 1903. № 1.

Максимов А.Н. Рец. на: *Богораз В.Г.* Очерк материального быта оленных чукчей... Сборник МАЭ. СПб., 1901 // ЭО. 1902. № 2. Критика и библиография.

Максимов А.Н. Современное положение этнографии и ее успехи // ЭО. 1909. № 4.

Максимов А.Н. В.Ф. Миллер // ЭО. 1913. № 3–4.

Максимов А.Н. Научные методы В.Ф. Миллера в этнографии // ЭО. 1913. № 3–4.

Маслов А.Л. Лирики Орловской губернии, в связи с историческим очерком инструмента «малороссийской лиры» // ЭО. 1900. № 3.

Маслов А.Л. Программа для собирания народных песен и других музыкально-этнографических материалов // ЭО. 1901. № 4.

Миллер В.Ф. Памяти Нила Александровича Попова // ЭО. 1892. № 1.

В. М. [Миллер В.Ф.] Василий Андреевич Дашков (1819–1896) // ЭО. 1896. № 1.

Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин // ЭО. 1900. № 2.

Миллер В.Ф. Вступительное слово при открытии подсекции этнографии на XII-ом съезде естествоиспытателей и врачей // ЭО. 1909. № 4.

Нидерле Л. Чешская этнографическая выставка в Праге, 1894 г. // ЭО. 1892. № 1.

Писанки и крашанки // ЭО. 1899. № 1–2.

[Редакция] К истории народных костюмов // ЭО. 1892. № 2–3.

Савенков И.Т. К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк // ЭО. 1905. № 1.

Сперанский М.Н. Чешская этнографическая выставка 1895 года // ЭО. 1896. № 4.

Сумцов Н.Ф. Влияние Дарвина на развитие лингвистики и этнографии // ЭО. 1909. № 1.

Д. У. [Ушаков Д.Н.] Этнографические коллекции на Всероссийской Выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // ЭО. 1897. № 1.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дащковского этнографического музея. Вып. 3. М., 1893 // ЭО. 1894. № 1. Критика и библиография.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. III и IV // ЭО. 1896. № 1. Критика и библиография.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. V // ЭО. 1897. № 1. Критика и библиография.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: *Янжул И.И.* Отпускная торговля и некоторые меры для ее развития. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарных образцов. М., 1897 // ЭО. 1897. № 1. Критика и библиография.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Известия Общества Любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1899 // ЭО. 1899. № 3. Критика и библиография.

Н. Х. [Харузин Н.Н.] Рец. на: Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. IX // ЭО. 1900. № 1. Критика и библиография.

В. Х. [Харузина В.Н.] Рец. на: Описание Минусинского музея. Вып. IV. *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900 // ЭО. 1900. № 3. Критика и библиография.

В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: Отчет Пермского Научно-Промышленного музея за 1901. Пермь, 1902 // ЭО. 1903. № 1. Критика и библиография.

В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: Сборник Музея по Антропологии и Этнографии при Имп. Академии Наук. II. СПб., 1901 // ЭО. 1903. № 1. Критика и библиография.

В. Х-на [Харузина В.Н.] Об успехах этнографии в Соединенных Штатах // ЭО. 1903. № 2.

В. Х-на [Харузина В.Н.] Рец. на: *Бранденбург Н.Е.* Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллериjsкому Музею.

I. Отдел Исторический. СПб., 1902 // ЭО. 1903. № 2. Критика и библиография.

B. X-на [Харузина В.Н.] Рец. на: *Milloué L. de. Conférences au Musée Guimet 1898–1899.* Paris, 1902 // ЭО. 1903. № 4. Критика и библиография.

Харузина В.Н. Рец. на: Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907 // ЭО. 1907. № 1–2. Критика и библиография.

Харузина В.Н. По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // ЭО. 1907. № 4.

B. X-на [Харузина В.Н.] Рец. на: *Jahrbuch des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig.* B. I. 1906. Leipzig, 1907 // ЭО. 1908. № 3. Критика и библиография.

Харузина В.Н. Оденвальдский этнографический музей д-ра Маурера в Дармштате // ЭО. 1909. № 2–3.

B. X-на [Харузина В.Н.] Рец. на: *Mitteilungen aus dem Verein der Sammlung für deutsche Volkskunde.* B. III. N. 1. Berlin, 1907–1908 // ЭО. 1909. № 2–3. Критика и библиография.

Харузина В.Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии // ЭО. 1912. № 1–2.

[Записала *Харузина В.Н.*] Свадебное печенье – «роща» // ЭО. 1914. № 3–4.

B. X-на [Харузина В.Н.] Рец. на: *Van Gennep. Religions, Moeurs et Légendes...* P., 1914 // ЭО. 1914. № 3–4. Критика и библиография.

Хоткевич И. Несколько слов об украинских бандуристах и лирниках // ЭО. 1903. № 2.

Чеканинский И.А. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губ. // ЭО. 1914. № 3–4.

Этнографические коллекции Германского музея в Нюрнберге // ЭО. 1908. № 3. Хроника.

Яковлев Н.Ф. Материалы по одежде донских казаков // ЭО. 1916. № 1–2.

Н. Я. [Янчук Н.А.] Пасхальные яйца // ЭО. 1898. № 1.

**Публикации в журнале «Живая старина»
(Санкт-Петербург – Петроград, 1890–1916)**

- Абрамов И.С.* О курских саянах // ЖС. 1906. Вып. III.
- Абрамов И.С.* Городецкий музей, Волынской губернии, бар. Ф.Р. Штейнгель // ЖС. 1906. Вып. IV.
- Абрамов И.С.* Старообрядцы на Ветке // ЖС. 1907. Вып. III.
- Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России // ЖС. 1914. Вып. I–II.
- Бартольд В.В.* XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Занятия подсекции этнографии // ЖС. 1910. Вып. I–II.
- Веселовский Н.И.* Деятельность В.И. Ламанского в Императорском Русском Географическом Обществе // ЖС. 1915. Вып. I–II.
- Воробьев Н.И.* Программа для собирания народных музыкальных инструментов // ЖС. 1911. Вып. II.
- Газенвинкель К.Б.* О музее в Тобольске // ЖС. 1890–91. Вып. III.
- Журнал заседания Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 4 марта 1916 года // ЖС. 1916. Вып. II–III.
- Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья, как материал для этнографии // ЖС. 1905. Вып. I–II.
- Зеленин Д.К.* «Обыденные» полотенца и обыденные храмы. (Русские народные обычай) // ЖС. 1911. Вып. I.
- Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // ЖС. 1911. Вып. II.
- Зеленин Д.К.* Русские народные обряды со старой обувью // ЖС. 1913. Вып. I–II.
- Золотарев Д.А.* Обзор деятельности Постоянной Комиссии по составлению этнографических карт России при И. Р. Г. Обществе // ЖС. 1916. Вып. I.
- Иваницкий Н.А.* Письмо из Кадникова (Волог. губ.) // ЖС. 1890–91. Вып. III.
- Из Подольской губернии // ЖС. 1890–91. Вып. III.
- Макаренко А.А.* Сибирские песенные старины // ЖС. 1907. Вып. I.

Макаренко А.А. Канун по Сибирским селениям // ЖС. 1907. Вып. IV.

Макаренко А.А. Опыт программы для собирания сведений о народном «крашенье» и его организации // ЖС. 1909. Вып. IV.

Могилянский Н.М. Федор Михайлович Плюшкин // ЖС. 1911. Вып. II.

Могилянский Н.М. Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III // ЖС. 1911. Вып. III–IV.

Могилянский Н.М. Музей украинских древностей В.В. Тарновского Черниговского Губернского Земства // ЖС. 1914. Вып. III–IV.

Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии // ЖС. 1916. Вып. I.

Могилянский Н.М. Областной или местный музей, как тип культурного учреждения // ЖС. 1916. Вып. IV.

Моллесон М. Троицкосавско-Кяхтинский Музей // ЖС. 1913. Вып. III–IV.

Мошков В.А. Труба в народных верованиях // ЖС. 1900. Вып. III, IV.

Н. В. Минусинский Публичный Местный Музей // ЖС. 1890–91. Вып. IV.

Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. (Поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС. 1905. Вып. III–IV.

Островских П.Е. Этнографические заметки о Тюрках Минусинского края. (Отчет о поездке 1894 г.) // ЖС. 1895. Вып. III–IV.

От редактора // ЖС. 1890–91. Вып. I.

[От редакции] // ЖС. 1890–91. Вып. III.

Программа для описания этнографических музеев России // ЖС. 1913. Вып. I–II.

Савченков И. Старое и новое в народном убранстве и одежде // ЖС. 1890–1891. Вып. I.

Святский Д.О. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний // ЖС. 1910. Вып. I–II.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // ЖС. 1915. Вып. I–II.

Сибирские и дальневосточные коллекции
Этнографического Отдела Музея Императора Александра III //
ЖС. 1908. Вып. III. Хроника.

Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии имени
Императора Петра Великого // ЖС. 1911. Вып. III–IV.

Штернберг Л.Я. В.Ф. Миллер, как этнограф. (Речь на
заседании, посвященном его памяти, в Этнографическом
Отделении И. Р. Географического Общества) // ЖС. 1913. Вып.
III–IV.

Шустиков А.А. Тавренъга Вельского уезда.
Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. III–IV.

Другие опубликованные источники и литература

Адлер Б.Ф. Лейпцигский этнографический музей. //
Землеведение. 1901. Кн. 1–2.

Адлер Б.Ф. Бременский этнографический и торгово-
географический музей // Землеведение. 1902. Кн. 1.

Адлер Б.Ф. Музей антропологии и этнографии имени Имп.
Петра Великого при Имп. Академии Наук // Землеведение.
1904. Кн. 1–2.

Адлер Б.Ф. Кабинет географии и этнографии при Имп.
Казанском университете // Землеведение. 1913. Кн. 3–4.

Антилова Р.Н. Судьба коллекции Ф.М. Плюшкина //
Совсем не тот Плюшкин. Псков, 2003.

Анучин Д.Н. Антропологический музей Московского
университета // Русский антропологический журнал. 1907. № 1–
2.

Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей.
Речь председателя Распорядительного комитета XII съезда
естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г. М., 1909.

[Анучин Д.Н.] Немецкая Центрально-африканская
экспедиция герцога Ад. Фридриха Мекленбургского и
исследования Я.В. Чекановского // Землеведение. 1910. Кн. 1.

Анучин Д.Н. Половека жизни Общества // Пятидесятилетие
Императорского Общества любителей естествознания,
антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1914.

Анучин Д.Н. К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2.

Астахова А.М. А.А. Шахматов как фольклорист и этнограф // ОИРЭФА. Вып. II. ТИЭ. Т. 85. М., 1963.

Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33).

Балахонова Е.И. Этнографические фонды Музея антропологии МГУ: история комплектования и текущие проблемы // Альманах – 1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000.

Банников А.П. Судьба одной коллекции // Памятники Отечества. 1989. № 2.

Баранов Д.А. Выставка «Парад народов»: вещь в музейном пространстве // ЭО. 2004. № 5.

Бархатова Е.В. Русские художественные журналы начала XX в. // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. Л., 1977. № 8. Вып. 2.

Бастракова М.С., Павлова Г.Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. Т.2. М., 2000.

Бастракова М.С., Павлова Г.Е. Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Очерки русской культуры XIX века. Т.3. М., 2001.

Берлявский Л.Г. Наука и политика в России XIX–XX вв. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1992.

Богданов В.В. Краткий каталог коллекций, собранных В.И. Иохельсоном на Камчатке и Алеутских островах во время экспедиции 1908–1911 годов / Дацковский этнографический музей. М., 1914.

Богданов В.В. Значение областных музеев для задач краеведения // Краеведение. 1923. № 1.

Богданов В.В. Музейная техника краеведения. Вологда, 1923.

Богданов В.В. Научные общества и музеи в их взаимоотношениях // Дневник 2-й всесоюзной конференции по краеведению. № 2. М., 1924.

Богданов В.В. Научные парки при областных музеях // Вопросы областного музейного дела. Рязань, 1925.

Богданов В.В. Отчет о деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1921/22–1923/24 годы, 59-й, 60-й и 61 годы с основания Общества. М., 1925.

Богданов В.В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки [Всеволод Федорович Миллер у себя дома] // ОИРЭФА. Вып. VIII. ТИЭ. Т. 107. М., 1978.

Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // ОИРЭФА. Вып. X. ТИЭ. Т. 114. М., 1988.

Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. М., 1989.

Богданов В.В. Музейная этнография. (Главы из книги «Этнография в истории моей жизни»). М., 1993.

Богораз В.Г. Чукчи / Авториз. перевод с англ. Ч 1–2. Л., 1934–1939.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Основные направления развития советской этнографии // Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975.

Бромлей Ю.В., Токарев С.А. Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины... М., 1988.

Валькова О.А. Научная периодическая печать России XVIII – начала XX в. М., 1999.

Варб Е. Одно из наших центральных просветительных учреждений // Очерки Румянцевского музея. М., 1898.

П. В. [Вейнер П.П.] К продаже Плюшкинского собрания // СГ. 1912. Октябрь.

Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995.

Виноградов Г.С. Этнография и современность [статья, перепечатанная из журнала «Сибирская живая старина». 1923. Вып. II] // ЭО. 1993. № 1.

Витухновская М.А. Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. За 1984 г. М., 1986.

Власова З.И. Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // ОИРЭФА. Вып. IV. ТИЭ. Т. 94. М., 1968.

Вовина О.П. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XX вв. Чебоксары, 1993.

Врангель Н.Н. Ближайшие задачи Русского музея императора Александра III // СГ. 1910. Январь.

Врангель Н.Н. Продажа собрания Деларова // СГ. 1913. Ноябрь.

Галкина Е.Л. Этнографические источники в музее: проблемы интерпретации. М., 1998.

Гладкова Т.Д. Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // ОИРЭФА. Вып. II. ТИЭ. Т. 85. М., 1963.

Горбачева В.В. Из истории комплектования В.И. Иохельсоном коллекций по народам северо-востока Сибири // Музей. Традиции. Этничность. ХХ–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Гоцко Г.Н. История отдела Африки МАЭ // СМАЭ. Т. XXXV. Л., 1980.

Грабарь И.Э. Отчет Румянцевского музея за 1910 год // СГ. 1911. Июль – сентябрь.

Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск, 1915.

Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М., 1898.

Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001.

Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М., 1883.

Дмитриев В.А., Калашиникова Н.М. Комплектование – основополагающее направление деятельности Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. ХХ–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Дмитриев С.В. Судьбы сотрудников Этнографического отдела Русского музея: Н.М. Могилянский // Музей. Традиции. Этничность. ХХ–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Дмитриев С.В. Проект создания «Отечественного Российского Музеума» П.П. Свиньина и его место в истории русской музеологической мысли // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.

Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск.
Вып. 1. 1893 и след.

Зверева Ю.И. На благое просвещение // Этносфера. 1998.
№ 2.

Зверева Ю.И., Турбинская Х.М. Из истории музейного дела в
России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского
университета. Серия 8. История. 2007. № 4.

Зорин Н.В. Профессор Бруно Фридрихович Адлер как
музеец // Музей и личность. Сыктывкар, 1994.

Иванов А.Е. Наука // Россия в начале XX века. М., 2005.

Ивановская Н.И. Из истории собирательских программ по
этнографии (середина XIX – середина XX вв.) // Проблемы
комплектования, научного описания и атрибуции
этнографических памятников. Л., 1987.

Ивановская Н.И. Этнографические собрания в областных
музеях Северо-Запада РСФСР (генезис и история
формирования) // Из истории формирования этнографических
коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992.

Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому
музею. I Отделение иностранной этнографии. II Дашковский
этнографический музей. Сост. Н.А. Янчук. III Зал имени
Ф.П. Рябушинского. Сост. В.В. Богданов / Императорский
Московский и Румянцевский музей. М., 1915.

Инструкции собирания предметов для Русской
этнографической выставки и Русского музея в Москве,
учреждаемых Обществом Любителей Естествознания. М., 1866.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и
социальная организация. СПб., 1997.

Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве //
ЭО. 2001. № 2.

Калесник Е.В. Промышленники и банкиры Рябушинские –
организаторы географических исследований // Петербургская
Академия наук в истории академий мира. Материалы
международной конференции. Т.3. СПб., 1999.

Калиновская К.П. Возрождение музейной этнографии в
Москве // Альманах – 1999. Музеи Российской академии наук.
М., 2000.

Калиновская К.П., Турьинская Х.М. Развитие этнографического музейного дела в ИЭА РАН // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции. Вып. 1. СПб., 2003.

Калиновская К.П., Турьинская Х.М. Юбилей Этнографического кабинета-музея Института этнологии и антропологии РАН // Альманах – 2002. Музеи Российской академии наук. М., 2004.

Кеппен Ф.П. Несколько слов о Кавказском музее // ЖМНП. 1896. № 3–4 (март – апрель).

Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // ЭО. 2003. № 4.

Керимова М.М. Научное наследие этнографов Харузиных // Вестник архивиста. 2005. № 5–6; 2006. № 1.

Керимова М.М. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // ЭО. 2007. № 1.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

[*Клеменц Д.А.*] Отдельное мнение старшего этнографа Императорской Академии Наук Д.А. Клеменца, члена подкомиссии для выработки проекта разделения Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. СПб., 1901.

Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902.

Кон Ф.Я. К 25-летию Минусинского местного музея // Русский антропологический журнал. 1902. № 1.

Конаков А.П. Д.А. Клеменц – основатель Этнографического отдела Русского музея // ОИРЭФА. Вып. IV. ТИЭ. Т. 94. М., 1968.

Косвен М.О. 100-летний юбилей русской этнографической прессы // СЭ. 1953. № 4.

Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971.

Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. История, коллекции, исследования. СПб., 2004.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.

Липец Р.С. К публикации главы из рукописи В.В. Богданова // ОИРЭФА. Вып. VIII. ТИЭ. Т. 107. М., 1978.

Липец Р.С. К публикации рукописи В.В. Богданова. (Жизненный путь В.Ф. Миллера) // ОИРЭФА. Вып. X. ТИЭ. Т. 114. М., 1988.

Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // ОИРЭФА. Вып. III. ТИЭ. Т. 91. М., 1965.

Лукъянец О.С., Калашникова Н.М. Н.М. Могилянский – основатель молдавских коллекций в собраниях Русского музея // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1989. № 1.

Лысенко О.В. Миѳология музея: сакральный предмет в музейном пространстве // Миѳология и религия в системе культуры этноса. Материалы вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2003.

Маковский С.К. Склады разрушений – кладбища искусств // СГ. 1907. Июль – сентябрь.

Малицкий Г.Л. Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции // Научный работник. 1926. № 2.

Марков Г.Е. Немецкая этнология. М., 2004.

Маслов А.Л. Иллюстрированное описание народных музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве. М., 1909.

Мастеница Е.Н. Музеи Петербурга в зеркале прессы: По материалам периодики 1918–1941 гг. СПб., 2000.

Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914. Ч. 1. Пг., 1917.

Материалы по изучению Пермского края. Издание Пермского научно-промышленного музея. Вып. 1–5. Пермь, 1904–1915.

Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972.

Материалы по этнографии России. СПб. – Пг. – Л. Т. 1 – 1910. Т. 2 – 1914. Т. 3. Вып. 1 – 1926, вып. 2 – 1927. Т. 4. Вып. 1 – 1927, вып. 2 – 1929.

Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Вып. 1–4. М., 1887–1895.

Минкина Е.В. Особняк Вейнеров. СПб., 1997.

Минкина Е.В. П.П. Вейнер – музейный работник // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 2. СПб., 1997.

Минусинский музей // ЖМНП. 1887. № 1 (январь).

Мирзоян Э.Г. Московское Общество испытателей природы. 1805–1995. М., 1996.

Миськова Е.В. Журнал «Этнографическое обозрение» (1889–1916). [Неопубликованная рукопись]. М., 2003.

Московский Музей Прикладных Знаний (Политехнический). Краткий указатель коллекций музея. М., 1916.

Московский Публичный и Румянцевский Музеи в 1889–1891 годах // ЖМНП. 1893. № 5 (май).

Московский Публичный и Румянцевский Музеи в 1892–1894 годах // ЖМНП. 1896. № 5 (май).

Московский Публичный и Румянцевский Музеи в 1895 и 1896 годах // ЖМНП. 1897. № 6 (июнь).

Московский Публичный и Румянцевский Музеи в 1897 г. // ЖМНП. 1898. № 11 (ноябрь).

Московский Публичный и Румянцевский Музеи в 1898 г. // ЖМНП. 1899. № 7 (июль).

Музееведение России в первой трети XX в. М., 1997.

Музей и власть. Ч. 1, 2. М., 1991.

Музейное дело России. М., 2003.

Найт Н. Империя на просмотре: Этнографическая выставка и концептуализация человеческого разнообразия в пореформенной России // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.

Общие сведения о коллекциях отдела Европы и их собирателях // СМАЭ. Т. XXXVIII. Л., 1982.

Объяснительный путеводитель по Этнографическому музею. I Отделение иностранной этнографии. II Дашковский этнографический музей. Сост. Н.А. Янчук. III Зал имени Ф.П. Рябушинского. Сост. В.В. Богданов / Императорский Московский и Румянцевский музей. М., 1916.

Ольденбург С.Ф. Научная работа музеев // Музей. № 1. Пг., 1923.

Орешина М.А. Музеи провинции и собирание старины: из истории Вологодского общества изучения Северного края (по материалам Государственного архива Вологодской области) // ЭО. 2005. № 2.

Основы музееведения. М., 2005.

Отделение этнографии при Русском музее Имп. Александра III // Землеведение. 1902. Кн. 1.

Отчет Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1902 г. // ЖМНП. 1903. № 9 (сентябрь).

Отчеты о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. За 1908–1918. СПб., 1909–1919.

Отчеты Московского Публичного (Императорского Московского) и Румянцевского Музея. За 1886–1915. М., 1889–1917.

Отчеты Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III. За 1905–1915. М., 1906–1916.

Отчеты Этнографического отдела Русского музея / из Отчетов Русского музея Императора Александра III. За 1909–1914. СПб. – Пг., 1910–1915.

Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. Сб. науч. ст. СПб., 1998.

Предварительный съезд по устройству Первого Всероссийского съезда деятелей музеев. М., 1913.

Программа для собирания этнографических предметов. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III. СПб., 1902.

Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе И. О. Л. Е. А. и Э.

М., 1887 (из Известий ИОЛЕАЭ. Т. XLVIII. Вып. 2. Труды Этнографического отдела. Кн. VIII. М., 1888).

Программа предметов, собираемых для Этнографического музея Общества // Отчет о деятельности ИРГО за 1863 г. СПб., 1864.

Протокол Первого (состоявшегося 30 января 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. СПб., 1901.

Протокол Второго (состоявшегося 13 февраля 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III. СПб., 1901.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Отдел этнографический. СПб., 1904.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Африка. Сост. Я.В. Чекановский. С планом размещения коллекций и двумя картами. СПб., 1912.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этаж II. Зал 3. Африка. Сост. Я.В. Чекановский. С планом размещения коллекций и двумя картами. 2-ое пересмотренное и дополненное издание. Пг., 1918.

Путеводитель по Этнографическому музею. I Отделение иностранной этнографии. II Дашковский этнографический музей / Московский Публичный и Румянцевский Музеи. М., 1908.

Пятидесятилетие Румянцевского музея // ЖМНП. 1881. № 5 (май).

Разгон А.М. Этнографические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 3. М., 1961.

Разгон А.М. Музей и наука // СЭ. 1983. № 2.

Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX в. и их этнографические материалы // Африканский этнографический сборник. Т. I. ТИЭ. Т. 34. М., 1956.

Реброва А.А. Коллекция предметов мордовской женской одежды, собранная С.К. Кузнецовым (по материалам отдела тканей и костюма ГИМ) // Труды Государственного исторического музея. Т. 136. М., 2003.

Решетов А.М. Н.М. Могилянский – выдающийся российский этнограф и музеевед // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Решетов А.М. Журналу российских этнографов 75 лет (некоторые вопросы истории) Часть 1. 1926–1930 гг. // ЭО. 2001. № 4.

Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // ЭО. 2003. № 5.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

Романов Н.И. Местные музеи и как их устраивать. М., 1919.

Романова Н.М. Этнографические материалы в экспозициях краеведческих музеев России. СПб., 2001.

Российская музейная энциклопедия. М., 2005.

Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб., 2001.

Ростиславов А.А. Музейная культура // СГ. 1915. Октябрь.

Руденко С.И. Музей истории человечества // Музей. № 2. Л., 1924.

Русское Географическое общество. 150 лет. М., 1995.

Сабурова Л.М. Русское географическое общество и этнографические исследования (дореволюционный период) // ОИРЭФА. Вып. VII. ТИЭ. Т. 104. Л., 1977.

Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Под ред. В.Ф. Миллера. Вып. 1–3. М., 1885–1887.

Сем Т.Ю. Вклад А.А. Макаренко и его корреспондентов в комплектование шаманских эвенкийских коллекций РЭМ // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Сергеева Г.И. В.И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992.

Синицына К.Р. «Казанский музейный вестник». 1920–1924.
Казань, 1963.

Славянский мир. Этнографическая выставка 1867 года.
СПб., 2000.

Славяноведение в дореволюционной России.
Биобиблиографический словарь. М., 1979.

Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // ЭО. 2005. № 5.

Смирнов И.Н. Этнография на Казанской научно-промышленной выставке. Казань, 1890.

Смирнова Н.А. Этнографические собрания Института и Музея антропологии // Вопросы антропологии. Вып. 53. М., 1976.

Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.

Соловей Т.Д. Власть и наука в России. М., 2004.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978.

Станюкович Т.В. Этнографический музей Русского географического общества // ОИРЭФА. Вып. VII. ТИЭ. Т. 104. Л., 1977.

Станюкович Т.В. Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

Станюкович Т.В. Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии: К 125-летию со дня рождения ученого // СЭ. 1986. № 5.

Станюкович Т.В., Чистов К.В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // СЭ. 1981. № 1.

Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.

Сундиева А.А. Музеи // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001.

Тарасова А.И., Тарасов В.Н. Обозрение фонда В.В. Богданова в архиве Института этнографии АН СССР // ОИРЭФА. Вып. X. ТИЭ. Т. 114. М., 1988.

Титова З.Д. Роль народоведческих журналов – «Этнографического обозрения» и «Живой старины» в развитии отечественной библиографии. (Из истории этнографической библиографии) // Из истории советской книги и библиографии. Сборник материалов по библиографии и книговедению. Вып. 3. Л., 1974.

Токарев С.А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966.

Токарев С.А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. – середина 1930-х годов) // ОИРЭФА. Вып. V. ТИЭ. Т. 95. М., 1971.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Томилов Н.А. Музееоведение, его периодизация и основные понятия // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея № 6. Омск, 1998.

Томилов Н.А., Патрушева Г.М. 30 лет Музею археологии и этнографии Омского государственного университета // ЭО. 2005. № 5.

Турьинская Х.М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001.

Турьинская Х.М. Десять лет Этнографическому кабинету-музею им. Н.Н. Чебоксарова Института этнологии и антропологии РАН // ЭО. 2003. № 5.

Турьинская Х.М. Штрихи к портрету музейного радетеля. По материалам журналов «Живая старина» (1890–1916) и «Старые годы» (1907–1916) // Этножурнал (www.ethnonet.ru). 2004. № 7.

Турьинская Х.М. Этномузееведческая мысль в журнале «Живая старина» (1890–1916) // Гуманитарная культура и этноидентификация. Труды молодых ученых. Вып. 2. М., 2005.

Турьинская Х.М. Этнографическая наука в российских музеях, научных обществах и изданиях рубежа XIX–XX вв. // Национальные ценности: традиции и современность. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 15–16 декабря 2005 г. М., 2006.

Турьинская Х.М. Из истории африканстики и музейного дела: этнограф и антрополог Ян Чекановский // Сборник докладов IV Школы молодых африканистов "Африка и современный мир". Москва, Институт Африки РАН. 23–25 ноября 2005 г. (в печати).

Турьинская Х.М. Развитие этнографического музейного дела в России в конце XIX – начале XX в. (историографическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2006.

Турьинская Х.М. Этнография как образ жизни В.В. Богданова // VII конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 411.

Турьинская Х.М. Проблемы техники музейного дела и полевой работы этнолога в трудах В.В. Богданова // VII конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 419–420.

Ушаков Н.В. Полевой этнографический источник – краеугольный камень этнографической науки в XIX–XXI веках // Радловские чтения – 2002. СПб., 2002.

Ушаков Н.В. Полевой этнографический источник по современности // Радловские чтения – 2004. СПб., 2004.

Федорова И.С. И.К. Зеленов и его коллекции в собрании Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002.

Фролов А.И. Одна из забытых страниц // Чистотинова С. Федор Иванович Шмит. М., 1994.

Харузина В.Н. Этнография. Вып. 1. М., 1909. Вып. 2. М., 1914.

Хроника // Этнография. М. – Л. 1926. № 1–2.

Шангина И.И. Этнографические музеи Ленинграда в первые годы Советской власти (1918–1923 гг.) // СЭ. 1987. № 5.

Шангина И.И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х–30-х годов XX в. // СЭ. 1991. № 2.

Шангина И.И. 90 лет Российскому этнографическому музею в Санкт-Петербурге // ЭО. 1993. № 1.

Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994.

Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9.

Щетинина Г.И. Идейная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX в. М., 1995.

Этнографические коллекции в музеях СССР. М., 1964.

Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6.

Архивные материалы

Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Москва.

Фонд ОЛЕАЭ (ф. 22). Д. 35.

Фонд В.В. Богданова:

Папка 47. Д. 20.

Папка 47. Д. 11, 12, 15.

Папка 54. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31.

Папка 55. Д. 2, 3, 4, 5, 10, 14, 17, 18, 19.

Папка 65. Д. 1, 2.

Папка 71. Д. 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Папка 94. Д. 9.

Папка 113. Д. 3.

Папка 115. Д. 1.

Папка 116. Д. 9.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Москва.

Ф. 227. Оп. 3. Д. 5, 8.

Ф. 455. Оп.1. Д. 25.

Архив Русского Географического общества (АРГО). Санкт-Петербург.

Ф. 1. 1890 г. Оп. 1. Д. 12.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Санкт-Петербург.

Ф. 35. Оп. 1. Д. 336, 388, 636, 1525, 1600.

Ф. 35. Оп. 2. Д. 24.

Ф. 35. Оп. 3. Д. 46, 58, 96.

Ф. 134. Оп. 1. Д. 436/4.

Ф. 134. Оп. 3. Д. 279, 998, 1133.

Ф. 177. Оп. 2. Д. 268.

Ф. 202. Оп. 2. Д. 283, 312.

Ф. 208. Оп. 2. Д. 90.

Ф. 208. Оп. 3. Д. 396, 451, 639, 652.

Ф. 782. Оп. 2. Д. 27, 47.

Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Санкт-Петербург.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 6, 34, 47, 57, 59, 88.

Список сокращений

АРГО – Архив Русского Географического общества
АРЭМ – Архив Российского этнографического музея
ВСОИРГО – Восточносибирский отдел Императорского Русского Географического общества
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЭ – Государственный музей этнографии
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЖС – Живая старина
ИАН – Императорская академия наук
ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
МАО – Московское археологическое общество
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
НА ИЭА РАН – Научный архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук
ОИРЭФА – Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РАН – Российская академия наук
РМЭ – Российская музейная энциклопедия
РЭМ – Российский этнографический музей
СГ – Старые годы
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
ЭО – Этнографическое обозрение
ЭОРМ – Этнографический отдел Русского музея

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Этнографический музей как научное и просветительное учреждение на страницах «Этнографического обозрения» (1889–1916)	
Журнал «Этнографическое обозрение»	23
ИОЛЕАЭ и судьбы музейной этнографии в Москве...	29
Изучение материальной культуры и этнографические коллекции Румянцевского музея.....	44
Другие музеи Москвы.....	80
Этнографическое музейное дело в Петербурге.....	82
Этнографическое музейное дело в российских регионах.....	88
Этнография на выставках.....	106
Проблемы музейного дела в России.....	112
Музейная этнография за рубежом.....	119
Научный музей и изучение народной культуры.....	124
Глава 2. Развитие этнографического музееведения и журнал «Живая старина» (1890–1916)	
Журнал «Живая старина».....	149
Этнографический отдел Русского музея.....	161
Музей антропологии и этнографии Академии наук....	178
Музейное дело в Москве.....	186
Этнография в местных музеях.....	190
Частные музеи и коллекции. Выставки.....	201
Вопросы этнографического музееведения.....	208
Зарубежный музейный опыт.....	230
Проблемы этнографической науки и музейного дела в России.....	238
Заключение.....	277
Источники и литература.....	288
Список сокращений.....	311

Научное издание

Х.М. Турьинская

**Этнографическое музееведение в России
в конце XIX – начале XX в.**

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Текст печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка Х.М. Турьинской
Художник Е.В. Орлова

Подписано к печати 10.04.2008
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,2
Тираж 200 экз. Заказ № 3

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а